3 (60) 2025 ISSN 2079–1100

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ ИССЛЕДОВАНИЙ КУЛЬТУРЫ
INTERNATIONAL JOURNAL OF CULTURAL RESEARCH

Электронное издание
web-journal

TEMA HOMEPA / The MAIN TOPIC of the ISSUE

ГЕНЕЗИС КУЛЬТУРОЛОГИИ: НАУЧНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ, ЛОГИКА РАЗВИТИЯ / THE GENESIS OF CULTUROLOGY: SCIENTIFIC BACKGROUND, SOCIO-CULTURAL CONTEXT, LOGIC OF DEVELOPMENT

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

www.eidos-books.ru
www.culturalresearch.ru

Журнал является проектом издательства гуманитарной литературы «Эйдос»

| Учредитель и издатель |

Издательство«ЭЙДОС»
editor@eidos-books.ru

| Контакты |

Общая редакционная почта
editorial@culturalresearch.ru

Главный редактор
Дмитрий СПИВАК
d.spivak@culturalresearch.ru

Зам. главного редактора
Алина ВЕНКОВА
a.venkova@culturalresearch.ru

Шеф-редактор
Анна КОНЕВА
a.koneva@culturalresearch.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.
Свидетельство о регистрации: Эл № ФС77–39183 от 17 марта 2010 г.
ISSN 2079–1100

Редакция принимает к публикации материалы широкой гуманитарной направленности: научные и критические статьи, рецензии, обзоры. Все материалы проходят обязательное внутреннее рецензирование. Решение о публикации принимается редакционным советом на основании внутренней рецензии. Основными критериями при принятии решения о публикации служат научная новизна, актуальность проблематики, выраженная исследовательская позиция, соответствие высоким академическим стандартам научного текста. Минимальный объем материала — 20 000 знаков. Максимальный — 40 000 знаков. Редакция не знакомит авторов с рецензиями. При отклонении публикации рецензия предоставляется по запросу. Материалы принимаются к публикации только в соответствии с объявленной темой номера. Концепцию текущего номера и тематический план на следующие номера можно найти на главной странице сайта. Предоставляя в редакцию рукопись, автор берет на себя обязательство не публиковать ее в ином издании без согласия редакции и гарантирует, что ни сам материал, ни его части не были опубликованы ни на твердых, ни на электронных носителях, ни в сети Интернет. Автор несет ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений. Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения редколлегии и редакции. Отношения автора и редакции регулируются публичным договором-офертой, опубликованном в разделе «Авторам» официального сайта журнала.

Журнал выпускается исключительно в цифровом (электронном) формате.
Печатные версии журнала не предусмотрены.

International Journal of Cultural Research is a project of the EIDOS publishing house of humanitarian literature.

| Founder & Publisher |

PublishingHouse«EIDOS»
editor@eidos-books.ru

| Contacts |

Common e-mail
editorial@culturalresearch.ru

Editor-in-Chief
Dimitri SPIVAK
d.spivak@culturalresearch.ru

Deputy Editor-in-Chief
Alina VENKOVA
a.venkova@culturalresearch.ru

Associate Editor
Anna KONEVA
a.koneva@culturalresearch.ru

International Journal of Cultural Research is registered by Federal Service for Supervision of Telematic and Mass Communications
Registration № FC 77–39183, March 17, 2010
ISSN 2079–1100

The Editorial Board welcomes a wide range of articles, including scholarly and critical papers, analytical studies, and reviews. All materials undergo peer review by members of the Editorial Board. The basic criteria for publication are scholarly novelty, current subject matter, and adherence to high international academic standards. The Editorial Board does not inform the authors of the results of peer review. However, a copy of the review will be sent to the author upon his/her request, if the paper is rejected for publication. Each issue of the journal has a theme that should be addressed by all texts accepted for publication in the given issue. The theme of the current issue, as well as of the upcoming one, are posted on the main page of the journal website. Upon acceptance, the author will be required to sign a contract for publication. Once the contract is signed, no part of the article or other materials may be published elsewhere in any form or by any means, without prior permission of the publisher. The author is responsible for the accuracy of all information, including facts, citations, historical and sociological data, names, and place names used in the text. Published materials do not necessarily reflect the views of the Editorial Board or the publisher.

The Journal issued only in electronic version. Hardcopy is not provided.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

| Редакционный совет | | Editorial Board |

Анатолий АЛЕКСЕЕВ-АПРАКСИН
Россия, Санкт-Петербург
Dr. Anatoliy ALEKSEEV-APRAKSIN
Russia, St. Petersburg

Татьяна АРТЕМЬЕВА
Россия, Санкт-Петербург
Dr. Tatiana ARTEMYEVA
Russia, St. Petersburg

Марина БИРЮКОВА
Россия, Санкт-Петербург
Dr. Marina BIRYUKOVA
Russia, St. Petersburg

Елена БЛИНОВА
Россия, Санкт-Петербург
Dr. Elena BLINOVA
Russia, St. Petersburg

Татьяна БУКИНА
Россия, Санкт-Петербург
Dr. Tatiana BUKINA
Russia, St. Petersburg

Крыстына ВИЛЬКОШЕВСКА
Польша, Краков
Dr. Gerald CIPRIANI
Ireland, Galway

Кристоф ВУЛЬФ
Германия, Берлин
Dr. Andrey DENISOV
Russia, St. Petersburg

Андрей ДЕНИСОВ
Россия, Санкт-Петербург
Dr. Valentina DIANOVA
Russia, St. Petersburg

Валентина ДИАНОВА
Россия, Санкт-Петербург
Dr. Nikolaj KHRENOV
Russia, Moscow

Шарлин Хэддок СИГФРИД
США, Западный Лафайет
Dr. Nina KOCHELYAEVA
Russia, Moscow

Нина КОЧЕЛЯЕВА
Россия, Москва
Dr. Vitaly KURENNOY
Russia, Moscow

Виталий КУРЕННОЙ
Россия, Москва
Dr. Armen MARSOOBIAN
USA, New Haven, Connecticut

Армен МАРСУБЯН
США, Нью-Хэвен
Dr. Larisa NIKIFOROVA
Russia, St. Petersburg

Лариса НИКИФОРОВА
Россия, Санкт-Петербург
Dr. Almira OUSMANOVA
Lietuva, Vilnius

Олег РУМЯНЦЕВ
Россия, Москва
Dr. Oleg RUMYANTSEV
Russia, Moscow

Валерий САВЧУК
Россия, Санкт-Петербург
Dr. Valerij SAVCHUK
Russia, St. Petersburg

Ольга САПАНЖА
Россия, Санкт-Петербург
Dr. Olga SAPANZHA
Russia, St. Petersburg

Альмира УСМАНОВА
Литва, Вильнюс
Dr. Richard SHUSTERMAN
USA, Boca Raton, Florida

Николай ХРЕНОВ
Россия, Москва
Dr. Charlene Haddock SIEGFRIED
USA, West Lafayette, Indiana

Джеральд ЧИПРИАНИ
Ирландия, Голуэй
Dr. Krystyna WILKOSZEWSKA
Poland, Kracow

Ричард ШУСТЕРМАН
США, Бока Рейтон
Dr. Christoph WULF
Germany, Berlin

| Редакция | | Editorial Team |

Дмитрий СПИВАК
Главный редактор
Россия, Санкт-Петербург
Dr. Dimitri SPIVAK
Editor-in-Chief
Russia, St. Petersburg

Алина ВЕНКОВА
Заместитель главного редактора
Россия, Санкт-Петербург
Dr. Alina VENKOVA
Deputy Editor-in-Chief
Russia, St. Petersburg

Анна КОНЕВА
Шеф-редактор
Россия, Санкт-Петербург
Dr. Anna KONEVA
Associate Editor
Russia, St. Petersburg

Любовь БУГАЕВА
Редактор
Россия, Санкт-Петербург
Dr. Lyubov BUGAEVA
Editor
Russia, St. Petersburg

Елена КАВЕРИНА
Редактор
Россия, Санкт-Петербург
Dr. Larisa FIALKOVA
Editor
Israel, Haifa

Денис СОБОЛЕВ
Редактор
Израиль, Хайфа
Dr. Andrey N. FOMENKO
Editor
Russia, St. Petersburg

Михаил СТЕПАНОВ
Редактор
Россия, Санкт-Петербург
Dr. Elena A. KAVERINA
Editor
Russia, St. Petersburg

Лариса ФИАЛКОВА
Редактор
Израиль, Хайфа
Dr. Denis SOBOLEV
Editor
Israel, Haifa

Андрей ФОМЕНКО
Редактор
Россия, Санкт-Петербург
Dr. Mikhail STEPANOV
Editor
Russia, St. Petersburg

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

Выпуск № 3 (60) 2025:
ГЕНЕЗИС КУЛЬТУРОЛОГИИ: НАУЧНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ, ЛОГИКА РАЗВИТИЯ

Приглашенный редактор выпуска:
Алексей Владимирович БОНДАРЕВ

Ответственный редактор:
Алина Владимировна ВЕНКОВА

СОДЕРЖАНИЕ

Тема номера

Алексей Владимирович БОНДАРЕВ
| История культурологии как область специализированных историко-научных и теоретико-методологических исследований
|·····6

Анна Сергеевна СТЕПАНОВА
| Концептуализация понятия культуры в творчестве И. Г. Гердера и Я. А. Коменского
|·····33

Татьяна Александровна КОШЕМЧУК
| Антропология Андрея Белого как основание культурологической концепции (по материалам двухтомного издания «Истории становления самосознающей души»)
|·····41

Виталий Геннадьевич АНАНЬЕВ
| И. И. Иоффе в Институте сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока / Государственном институте речевой культуры (1927–1935) (По архивным материалам)
|·····58

Ольга Сергеевна САПАНЖА
| Генезис предметной области мировой художественной культуры в контексте культурологического поворота в отечественном образовании (ленинградский-петербургский опыт)
|·····82

Надежда Гегамовна БАГДАСАРЬЯН
| Опыт становления российской культурологии в 1980–2000 гг.: надежды, иллюзии и реальность
|·····101

Философия культуры

Инна Борисовна РОМАНЕНКО
| Трансверсальный и парадигматический подходы в философии культуры и образования
|·····115

Сергей Владимирович ПАХОМОВ
| Интерпретации понятия «майя», буддизма и дихотомии «Восток-Запад» в творчестве Максимилиана Волошина
|·····128

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

Issue # 3 (60) 2025:
THE GENESIS OF CULTUROLOGY: SCIENTIFIC BACKGROUND, SOCIO-CULTURAL CONTEXT, LOGIC OF DEVELOPMENT

Guest Editor:
Alexey V. BONDAREV

Managing Editor:
Alina V. VENKOVA

TABLE OF CONTENTS

Topic of the Issue

Alexey V. BONDAREV
| The History of Culturology as a Field of Specialized Historical-Scientific and Theoretical-Methodological Researches |·····6

Anna S. STEPANOVA
| Conceptualization of the Concept of Culture in the Works of J. G. Herder and J. A. Comenius |·····33

Tatjana A. KOSHEMCHUK
| Andrey Bely's Anthropology as the Basis of a Cultural Concept (Based on the Materials of the Two-Volume Edition of the History of the Formation of the Self-Conscious Soul) |·····41

Vitaly G. ANANIEV
| I.I. Ioffe in The Institute for the Comparative History of the Literatures and Languages of the West and East / The State Institute for Discursive Culture (1927–1933) (Upon the Archival Materials) |·····58

Olga S. SAPANZHA
| The Development of School Cultural Studies: Stages, Ideas, and Prospects (Leningrad-St. Petersburg Experience) |·····82

Nadezhda G. BAGDASARYAN
| The Development of Russian Cultural Studies in the 1980s-2000s: Hopes, Illusions, and Reality |·····101

Philosophy of Culture

Inna B. ROMANENKO
| Transversal and Paradigmatic Approaches in the Philosophy of Culture and Education |·····115

Sergey V. PAKHOMOV
| Interpretations of the Idea of "Maya", Buddhism and the "East-West" Dichotomy in the Works of Maximilian Voloshin |·····128

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

DOI: 10.52173/2079-1100_2025_3_6

Алексей Владимирович БОНДАРЕВ

| История культурологии как область специализированных историко-научных и теоретико-методологических исследований |

Алексей Владимирович БОНДАРЕВ

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48
Доцент кафедры теории и истории культуры
Директор Санкт-Петербургского центра культурологии на базе РГПУ им. А.И. Герцена
Кандидат культурологии, доцент
ORCID: 0000-0002-9272-2160
E-mail: avbondarev@mail.ru

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ КАК ОБЛАСТЬ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ИСТОРИКО-НАУЧНЫХ И ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Статья посвящена выявлению специфики и научного статуса истории культурологии, её обоснованию как особой исследовательской области, находящейся на междисциплинарном пересечении истории науки, исторической и теоретической культурологии, а также эпистемологии. Раскрывается актуальность исследований по истории культурологии. Очерчивается проблемное и тематическое поле исследований по истории культурологии, определяются её предмет и объект, цель и задачи, структура и основные функции.

В ходе исследования выявлена взаимная обусловленность между пониманием сущности культурологии и осмыслением её истории. С одной стороны, представление об истории культурологии предопределено пониманием её научной специфики. С другой – понимание того, что такое культурология, определяется тем, как осмыслена её история. Поэтому в известном смысле история культурологии – это сама культурология, поскольку она представляет собой непрерывно пополняемый массив научного наследия, становящимся «настоящим прошлым» бытия нашей науки.

Подчёркивается, что история культурологии представляет собой форму коллективной памяти культурологов. Она служит консолидирующей основой идентичности научного сообщества, выступает фундаментом научного самоопределения и самопознания культурологии, способствует формированию профессионального самосознания культурологов и осознанию своей научной и общественной миссии.

В заключении делается вывод, что знание истории культурологии обладает самостоятельной ценностью и значительным эвристическим потенциалом. Оно не только служит основой для получения нового знания и способствует развитию культурологии в настоящем, но и создаёт эпистемологические предпосылки для определения контуров культурологии будущего. Систематическое и целенаправленное развитие истории культурологии как особой исследовательской области – необходимое условие укрепления научного статуса самой культурологии, преодоления существующих предубеждений и раскрытия всего спектра познавательных и прикладных возможностей нашей интегративной науки.

Ключевые слова: история культурологии, интеллектуальная история, история науки, культурологическое наследие, теория культуры, культурологическое образование в России, профессиональное самоопределение и самосознание культурологов.

Предисловие. Российская культурология интенсивно развивается и достигла того уровня зрелости, когда возникает потребность в саморефлексии, осмыслении накопленных достижений, изучении пройденного пути и выявлении перспектив дальнейшего

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

развития. Осознание и уяснение значения и подлинного предназначения культурологии невозможно без изучения её генезиса. Данный номер «Международного журнала исследований культуры» посвящён осмыслению генезиса культурологии, выявлению вклада её основоположников и обсуждению значения истории культурологии для формирования профессиональной идентичности и самосознания самих культурологов, их консолидации и понимании своей научной и общественной миссии.

Замысел данного тематического номера возник по итогам Международной научной конференции и круглого стола «*У истоков культурологии: предтечи и основоположники*», состоявшихся 6 декабря 2024 года в РГПУ им. А.И. Герцена. Это было первое в своём роде мероприятие, целиком посвящённое осмыслению истории культурологии и обсуждению эпистемологических оснований её изучения. Конференция была приурочена к 115-летию возникновения идеи культурологии как особой науки (1909 г.). На 2024 год пришлось также целое созвездие знаменательных дат, связанных с именами И.Г. Гердера, Д.М. Велланского, В.Ф. Одоевского, Н.Я. Марра, Э.С. Маркаряна и др. Интеллектуальное наследие каждого из них задавало широкое тематическое поле для обсуждения. Работа конференции проводилась в очном формате с возможностью дистанционного участия и включала три тематических секции:

- «История культурологии как область специализированных историко-научных и теоретико-методологических исследований»;
- «Персонология и биографика культурологии: роль личности в истории науки»;
- «Генезис культурологии: предпосылки, логика развития, контекст».

В обсуждении избранного круга вопросов приняли участие около 100 исследователей из различных регионов России, а также Армении и Словакии. Отличительной особенностью проведённой конференции стало участие в ней не только многих известных культурологов, филологов, искусствоведов, историков и философов, но и представителей естествознания, а также Science-Art. Можно с удовлетворением отметить, что содержание работы и выбранная тематика конференции и круглого стола вызвали значительный профессиональный интерес у специалистов, занимающихся исследованиями в области истории культурологии и смежных вопросов.

Данный тематический номер журнала можно рассматривать и как способ актуализации историко-культурологических знаний, и как попытку консолидации исследователей, профессионально занимающихся изучением истории культурологии. Это также приглашение совместно обсудить проблемы сохранения и изучения культурологического наследия – у культурологии своя «система наследственности», своё богатое интеллектуальное наследие, которые, несомненно, влияют на её становление в настоящем. Представляется важным и своевременным поставить вопрос о необходимости развития истории культурологии не только как учебной дисциплины, но и как специализированной области весьма непростых историко-научных исследований. При этом следует учитывать, что изучение истории культурологии – это и потенциальный источник актуального культурологического знания, и способ легитимации культурологии, и ресурс формирования профессиональной идентичности культурологов.

Хотелось бы надеяться, что этот номер «Международного журнала исследований куль-

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

туры», как и весь инициированный Санкт-Петербургским центром культурологии цикл мероприятий под общей темой «Генезис культурологии», будут способствовать в конечном счёте последовательной и системной рефлексии эпистемологических оснований и логико-методологической специфики культурологии как науки особого типа. Только вместе мы сможем раскрыть накопленный в культурологии потенциал на пользу нашему Отечеству, способствуя решению тех цивилизационных задач, которые сейчас стоят перед Россией.

Актуальность исследований по истории культурологии. На настоящий момент история культурологии как область специализированных историко-научных и теоретико-методологических исследований только начинает осознаваться и обретать некие предметные и дисциплинарные контуры. В этом отношении велика роль изысканий по истории культурологии Ю.А. Асояна, С.Н. Иконниковой, В.В. Савельева, Ю.Н. Солонина, В.М. Дановой, А.Л. Доброхотова, В.М. Межуева, Л.А. Сугай, Л.А. Сыченковой, Р.П. Трофимовой, А.И. Шендрика, М.М. Шибаевой, В.П. Океанского и др.[1] Существенно важные особенности в понимании специфики складывания теоретико-методологических основ культурологии выявлены в трудах её основоположников и выдающихся представителей, внесших значимый вклад в её развитие: Л.Э. Уайта[2],

[1] Асоян, Ю.А., Малафеев, А.В. Открытие идеи культуры. Опыт русской культурологии сер. XIX – начала XX вв. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ОГИ, 2001. – 344 с.; Доброхотов, А.Л. Философия культуры. – М.: Издательский Дом ВШЭ, 2016. – 560 с.; Доброхотов, А.Л., Калинкин, А.Т. Возникновение и развитие наук о культуре // Доброхотов, А.Л., Калинкин, А.Т. Культурология: учебное пособие. – М.: ИНФРА–М, 2010. – С. 5–125; Иконникова, С.Н. Парадоксы и псевдонимы культурологии в 70-е годы // Советская культура в контексте истории XX века: материалы конференции, Санкт-Петербург, 11–12 мая 2000 г. В 2-х тт. Т. 1 / Ред. колл.: Ю.П. Савельев (предс.) и др. – СПб.: ВОЕНМЕХ, 2000. – С. 40–42; Иконникова, С.Н. История культурологии: учебник для академического бакалавриата. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 416 с.; История культурологии / С.С. Неретина, А.П. Огурцов, В.М. Межуев, Ф.Т. Михайлов. – М.: Гардарики, 2006. – 383 с.; История культурологии: учебник для бакалавров / В.М. Дианова, Ю.Н. Солонин. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2017. – 461 с.; Межуев, В.М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. – М.: Прогресс-Традиция, 2006. – 408 с.; Океанский, В.П., Океанская, Ж.Л. Основания культурологии: история культурфилософской мысли. – Шуя: Шуйский гос. пед. ун-т, 2008. – 151 с.; Савельев, В.В. Генетические и генезисные истоки отечественной культурологии // Учёные записки Российского Государственного Социального Университета. – 2005. – № 1. – С. 62–68; Савельев, В.В. О преемственности в культурологии // Управленческое консультирование. – 2007. – № 2. – С. 206–218; Сугай, Л.А. Культура и культурология – термины и понятия (русский, славянский и общеевропейский контекст). – Banska Bysrica: UMB, Belianum, 2019. – 182 с.; Сыченкова, Л.А. История становления и развития отечественного культуроведения (второй половины XIX – начала 30-х гг. XX вв.). – Казань: Казан. гос. ун-т, 1996. – 78 с.; Сыченкова, Л.А. Культура Западной Европы в российском гуманитарном знании: (вторая половина XIX – 30-е гг. XX века). – Казань: Изд-во Казан. гос. технол. ун-та, 2000. – 248 с.; Мягков, Г.П., Сыченкова, Л.А. Русская медиевистическая культурология: опыт актуализации непризнанного наследия // Мир историка: историографический сборник / Редкол.: В.П. Корзун (отв. ред.), С.П. Бычков (отв. ред.), Н.Н. Алеврас и др. – Вып. 12. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2019. – С. 179–206; Теория культуры: разнообразие подходов и возможности их интеграции: коллективная монография / Под ред. Ю.М. Резника. – М.: Научно-политическая книга, 2012. – 479 с.; Трофимова, Р.П. История культурологии в России: учебник для вузов. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 473 с.; Философия культуры. Становление и развитие / Под ред. М.С. Кагана, Ю.В. Перова, В.В. Прозерского, Э.П. Юровской. – СПб.: Лань, 1998. – 448 с.; Шендрик, А.И. Теория культуры: Учебное пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА; Единство, 2002. – 519 с.; Шендрик, А.И. Культура в мире: драма бытия: Избр. работы по теории и методологии культуры, социологии культуры, социальной философии. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2007. – 704 с.

[2] Уайт, Л. Наука о культуре // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретации культуры / Отв ред. и сост. Л.А. Мостова. – СПб.: Университетская книга, 1997. С. 141–156; Уайт, Л.Э. Избранное: Наука о культуре / Пер. с англ. О.Р. Газизова, П.В. Резвых. – М.: РОССПЭН, 2004. – 960 с. – (серия «Культурология XX век»); Марка-

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

Алексей Владимирович БОНДАРЕВ

| История культурологии как область специализированных историко-научных и теоретико-методологических исследований |

Э.С. Маркаряна[3], И.М. Быховской[4], И.В. Кондакова[5] и других. Интеллектуальное наследие не только одних зарубежных, но и отечественных культурологов из всех регионов России настоятельно нуждаются в серьёзном научном изучении, осмыслении, генерализации, пропаганде и популяризации (публикации С.Н. Артановского, Г.В. Драча, Л.А. Закса, С.Н. Иконниковой, С.Я. Левит, С.В. Лурье, Л.А. Сугай, Л.А. Сыченковой, В.И. Шаронова, М.М. Шибаевой и др.). Весьма перспективны и полезны исследования, посвящённые изучению процессов культурологизации в отдельных науках, различным культурологическим институциям, самому профессиональному сообществу культурологов и т.д. (В.Г. Ананьев, И.В. Кондаков, О.С. Сапанжа, М.С. Уваров, Н.А. Хренов и др.). В своих работах я также стараюсь по мере своих сил делать всё возможное для изучения, пропаганды и популяризации истории культурологии.

В данной статье я попытаюсь представить историю культурологии как область специализированных историко-научных исследований, очертив проблемное и тематическое поле исследований по истории культурологии, а также наметив её предмет и объект, цель и задачи, структуру и основные функции. Следует сразу оговорить, что предпринятый опыт рассмотрения истории культурологии как специализированной дисциплинарной области опирается прежде всего на материал становления российской культурологии – её институционализацию, формирование теоретических подходов и научных школ. Зарубежные авторы и концепции привлекаются и упоминаются по

рян, Э.С. О концепции локальных цивилизаций: Критический очерк. – Ереван: Акад. наук Арм. ССР, 1962. – 177 с.

[3] Маркарян, Э.С. О концепции локальных цивилизаций: Критический очерк. – Ереван: Акад. наук Арм. ССР, 1962. – 177 с.; Маркарян, Э.С. Культурологическая теория Лесли Уайта и исторический материализм // Вопросы философии. – 1966. – № 2. – С. 78–88; Маркарян, Э.С. Очерки теории культуры / Акад. наук Армянской ССР, Ин-т философии и права. – Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1969. – 228 с.; Маркарян, Э.С. Теория культуры и современная наука: (логико-методологический анализ). – М.: Мысль, 1983. – 284 с.; Маркарян, Э.С. Культурологические исследования в Армянской ССР // Культура и искусство в СССР / Министерство культуры СССР, Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина, Информкультура. Вып. 5. – М.: Гос. библиотека СССР имени В.И. Ленина, 1984. – 19, [1] с. (Серия: Культура и идеологическая борьба); Маркарян, Э.С. Из истории отечественной культурологии // Время культуры и культурное пространство: Сб. тезисов международной Научно-практической конференции / Под ред. Т.Г. Киселевой, В.И. Черниченко. – М.: МГУКИ, 2000. – С. 5–6; Маркарян, Э.С. Избранное. Наука о культуре и императивы эпохи / Отв. ред. и сост. А.В. Бондарев. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. – 656 с. – (Серия «Культурология. XX век»).

[4] Быховская, И.М. Культурология: от определения к самоопределению // Александрова, Е.Я., Быховская, И.М. Культурологические опыты. – М.: Типография Россельхозакадемии, 1996. – С. 7–42; Быховская, И.М. Культурология в структуре научного знания и в контексте социальных практик // Культурология: от прошлого к будущему: К 70-летию Российского института культурологии / М-во культуры РФ, Рос. ин-т культурологии; Ред. колл.: отв. ред. К.Э. Разлогов, И.М. Быховская, Э.А. Шулепова и др. – М.: РИК; Производственно-издательский комбинат ВИНИТИ, 2002. – С. 25–36; Быховская, И.М. Специфика культурологии и особенности её становления как самостоятельной научной дисциплины // Основы культурологии / Под ред. И.М. Быховской. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – С. 17–34.

[5] Кондаков, И.В. Культурология как новый тип гуманитарного знания // Традиционное и нетрадиционное в культуре России / отв. ред. И. В. Кондаков. – М.: Наука, 2008. – С. 580–603; Кондаков, И.В. Ю.М. Лотман как культуролог (в эпицентре «большой структуры») // Юрий Михайлович Лотман / Под ред. В.К. Кантора. – М.: РОССПЭН, 2009. – С. 221–239; Кондаков, И.В. Российская культурология как феномен отечественной культуры // Культурологический журнал. – 2011. – № 4 (6). – http://cr-journal.ru/rus/journals/104.html&j_id=8 (дата обращения: 17.02.2024); Кондаков, И.В. Современное состояние наук о культуре в России: достижения, проблемы и перспективы // «Мир культуры и культурология». Альманах Научно-образовательного культурологического общества России. Вып. IV. – СПб.: НОКО, 2015. – С. 10–19.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

преимуществу лишь в связи с формированием культурологии в нашей стране[6].

Изучение истории культурологии представляет собой большую и сложную многоплановую проблему. Могут резонно спросить, а зачем нам вообще изучать становление культурологии? Тратить время и силы на это «копание в пыльном старье», да к тому же на каждом шагу натыкаясь на историко-научные эпистемологические задачки-головоломки…

Ответ очень прост: как без знания прошлого мы не можем понять ни нашего настоящего, ни нашего будущего, так и в отношении знания истории любой науки, в т.ч. культурологии. Поэтому обращение к истории культурологии – это не просто дань академической традиции, а необходимость, продиктованная самой логикой развития науки. Без глубокого анализа её истории невозможно полноценно оценить современное состояние дисциплины, понять логику её эволюции, определить перспективные направления её развития, осознать научное значение и общественную миссию культурологии в современном мире.

История культурологии – это не просто хроника событий и имён или совокупность разрозненных и зачастую противоречивых идей, а целостная, интенсивно развивающаяся система культурологических знаний. Исследование генезиса культурологии даёт возможность осмыслить логику её формирования, выявить внутренние закономерности и особенности развития культурологии как особой науки о культуре, учесть влияние историко-культурного контекста, а также оценить совокупный вклад культурологии в социально-гуманитарное и научное познание в целом.

Актуальность исследований, посвящённых генезису культурологии, обусловлена многими обстоятельствами. Прежде всего насущной потребностью в самоопределении и самоидентификации культурологии как науки. В этом отношении историко-культурологические исследования обладают несомненной теоретической значимостью и высоким потенциалом методологической рефлексии. Анализ эволюции культурологических идей позволяет уточнить особенности формирования понятийного аппарата дисциплины, нюансы в употреблении тем или иным автором одних и тех понятий; посмотреть, как менялись представления на предмет и объект нашей науки; выявить, как складывались различные исследовательские методы, теоретические модели и концептуальные эпистемы, имеющиеся сейчас в культурологии, определить особенности и пределы их применимости. Изучение исторических прецедентов помогает критически оценить современные исследовательские практики, избежать повторения ошибок прошлого и адаптировать проверенные методы к новым задачам. Лишь в контексте истории культурологии возможно обсуждение вопроса о том, как различные исследовательские модели, методы и подходы, основывающиеся на разных эпистемологических допущениях, соотносятся между собой, в чём заключаются их преимущества и ограничения, какие перспективы они открывают для культурологического исследования и т.д. Сравнение этих многообразных и зачастую противоречащих друг другу исследовательских подходов приводит к необходимости выхода за пределы их теоретических оснований и установлению различных типов метатеоретизирования, существующих в современной культурологии и различающихся по своим целям и результатам. Рассмотрение исторического пути, пройденного

[6] Изучение зарубежной истории культурологии представляет собой особую и весьма перспективную научную задачу.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

культурологией, помогает понять, как формировались её дисциплинарные границы и те методологические принципы, которые обусловливают специфику исследовательской оптики культурологов.

История культурологии обладает также значительным междисциплинарным потенциалом, поскольку связана с историей формирования самых различных областей научного знания, создавая платформу для междисциплинарного диалога между философами, историками, социологами, литературоведами и другими специалистами в науках о культуре. Знакомство с историей институционализации культурологии способствует установлению её оптимальных институциональных и организационных форм, позволяющих исследователям слаженно работать.

Изучение истории культурологии важно и для сохранения нашего научного наследия, обеспечивает отрефлексированность её эпистемологических оснований и укрепляет преемственность исследовательских традиций, защищает нас от забвения идей и достижений наших предшественников, позволяет избежать как «переизобретения» ими созданного, так и повторения их ошибок.

Важным аспектом значимости истории культурологии выступает её образовательное измерение. Понимание процессов формирования ключевых концепций не только повышает качество преподавания культурологических дисциплин (способствует совершенствованию образовательных программ, научных стандартов и профессиональных коммуникаций в этой сфере), но и выполняет особую воспитательную и педагогическую функцию: оно помогает будущим специалистам осознать преемственность идей, оценить вклад предшественников и определить собственное место в профессиональном сообществе. Таким образом, знание истории культурологии становится фундаментом для формирования устойчивой профессиональной идентичности. По сути дела, отстоять право на культурологию, легализовать самих себя мы можем, лишь осознавая специфику своей научной области, понимание самих себя невозможно без памяти о собственном прошлом. И для этого его нужно со всей отчётливостью знать. А поскольку прошлое у нас сложное, поэтому и формировать идентичность культурологов довольно непросто. В этом смысле знание прошлого культурологии дает нам сильную аргументацию и прочную основу для самопознания, самоопределения и профессиональной консолидации.

Отсутствие у культурологов ясного понимания того, кто они и откуда взялись, это беспамятство о собственном прошлом, естественным образом приводит к ещё одной проблеме – проблеме восприятия культурологии и культурологов[7]. Вокруг культурологии роится множество предубеждений и мифологем (в числе наиболее въевшегося предубеждения можно назвать абсолютно несостоятельное представление о том, что культурология – это якобы не более чем переименовавшаяся наследница научного коммунизма, исторического материализма и других советских идеологических дисциплин). Неотчётливое знание культурологами истории собственной науки делает их беспомощными перед подобными дискредитирующими обвинениями, разного рода обидными и нелепыми предубеждениями, а также въевши-

[7] См.: Касьянов, Г.А. Дисциплина с тёмной историей: мифы об истоках культурологии и их критика // XX Юбилейные Царскосельские чтения. Материалы Международной научной конференции. – СПб.: Издательство ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2016. – С. 95–102.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

мися штампами искажённого восприятия[8]. Проблемы восприятия культурологии сказываются и на попытках выстраивания междисциплинарного сотрудничества с представителями других научных областей, и даже на востребованности культурологов на рынке труда. В этой связи исключительное, просто жизненное значение приобретает необходимость «*эпистемологической защиты*» культурологии. Знание истории культурологии, знание своих корней, может стать одним из орудий «эпистемологической защиты» культурологии, самого права её на существование[9].

История культурологии обладает ещё и *этическим* измерением: необходимо знать накопленный опыт наших выдающихся предшественников, их достижения и заблуждения, уважать их усилия и искания, ценить их вклад в нашу общую копилку знаний о культуре. Именно осознание этого нравственного долга лежит в основе формирования профессионального этоса культурологов и определяет систему наших ценностных ориентиров.

Все эти обстоятельства актуализируют необходимость в целенаправленном, планомерном, скоординированном и систематическом изучении истории культурологии, а также обуславливают потребность в её конституировании в качестве особой научной области.

История культурологического знания: проблемы локализации и идентификации. В изучении истории культурологии уже накоплен, вроде бы, довольно приличный опыт, однако же этот опыт всё-таки противоречивый. Учебная литература грешит зачастую смешением истории культурологии с историей философии культуры, историей литературоведения, историй лингвистики, историей этнографии, историей социокультурной антропологии и т.д. В этой связи мне бы хотелось обратить внимание на то русло в становлении идей и концепций о культуре, самих наук о культуре, которое, собственно, и привело к появлению того, что мы ныне и называем *культурологией*. Дело в том, что ведь не обязательно науку о культуре называть культурологией. Наук о культуре много, и культурология *лишь одна из них*, причём довольно специфическая.

Если всерьёз задуматься о становлении культурологии, то её прошлое представляет собой сложнейший лабиринт. Причём лабиринт не только «тёмный», но и, образно выражаясь, со многими «входами» и извилистыми «ходами». Это к тому же лабиринт многослойный, многомерный и многоэтажный. Более того, это лабиринт в лабиринте, поскольку запутанная история культурология находится в ещё более обширной и сложной истории культурознания. Это создаёт дополнительные многочисленные сложности. Не всё так просто в нашем происхождении. Могут быть самые разные версии становления культурологии. Продолжая использовать выбранную мною аналогию, обратим внимание на то, что можно одновременно верно идти от разных входов в этот лабиринт и, к тому же, идти по разным маршрутам, на разных этажах этого лабиринта. И на каждом шагу нас может поджидать свой «минотавр»… В этом запутаннейшем лабиринте истории куль-

[8] См.: Laruelle, Marlène: La culturologie: un nouveau «prêt-à-penser» pour la Russie? // Diogène (Paris). 2003 (décembre). № 204. Pp. 25–45; Scherrer, J.: Kulturologie: ein neues Konzept für altes Denken? // Berliner Osteuropa Info. – November, 1998. – S. 6–11; Scherrer, J.: Kulturologie: Russland auf der Suche nach einer zivilisatorischen Identität. – Göttingen: Wallstein Verl., 2003. – 188 s.

[9] Бондарев, А.В. Эпистемологические проблемы изучения истории культурологии: научно-исследовательские и учебно-методические аспекты // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2021. – № 3 (101). – С. 11.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

турологии можно легко заблудиться, если не иметь своей «путеводной нити Ариадны». Для меня такой «путеводной нитью» стала возможность общения с Э.С. Маркаряном. В своё время он сам был моим проводником в понимании этого культурологического лабиринта идей и концепций. Но это не значит, что я отрицаю или не знаю других маршрутов. Тут необходимо принять во внимание то, что при всей самоценности других маршрутов в лабиринте истории культурознания они, тем не менее, не равнозначны. Ведь могут быть замечательные исследования культуры, но они вовсе не обязательно должны вести к появлению культурологии. Поэтому в сложноустроенном пространстве лабиринта культурознания так важно найти и отслеживать именно те интеллектуальные траектории, которые приводят нас именно к культурологии[10].

В своих прежних работах, я уже обращал внимание на две ключевых, как мне представляется, причины проблематичности в существующих на настоящий момент версиях реконструкции истории культурологического знания[11]. В первую очередь эта проблематичность связана с *нечёткостью осознания объекта развития*, собственно, что у нас развивается, что такое культурология. Иными словами, представление о том, что такое история культурологии, явно или неявно предполагает исходное понимание того, что такое сама культурология («здесь и сейчас»). В зависимости от того, что мы относим к собственно культурологии, мы очерчиваем её предметные и объектные, пространственные и временные границы, т. е. определяем, где и когда имеет место её история. Между тем существуют разные мнения о том, что такое культурология и в плане определений, и в плане понимания границ дисциплинарной определенности и так далее. Вот эта расплывчатость и отсутствие конвенциональной договоренности в понимании, что есть культурология, приводит к разным, соответственно, представлениям о том, что у нас развивалось, историю чего мы должны реконструировать.

Вторая принципиальная причина проблематичности в изучении генезиса культурологии, по моему мнению, заключается в *несовершенстве теоретико-методологического инструментария* реконструкции истории нашей науки. Историю культурологии некоторые почему-то начинают сразу с далёких философов-мыслителей древности (Сократа, Платона, Аристотеля, Цицерона и прочих) – совершенно замечательных, но кто нам сказал, что именно они, а почему не другие? Вот, например, сами эти достопочтенные философы себя культурологами не считали, хотя бы потому, что никакой культурологии до определённого момента попросту не существовало. То, что кто-то употреблял слово «культура» или размышлял о

[10] См.: Бондарев, А.В. Третье рождение культурологии: Вклад Э.С. Маркаряна в разработку культурологической теории культуры // Маркарян Э.С. Избранное. Наука о культуре и императивы эпохи / Отв. ред. и составитель А.В. Бондарев. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2014. – С. 563–625; Бондарев, А.В. Рождение культурологии // Культурология: учебник для вузов / К.Г. Антонян, Т.В. Артемьева, А.В. Бондарев [и др.]; под ред. Л.М. Мосоловой. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб.: Лань, 2024. – С. 25–43; Бондарев, А.В. Интеллектуальный ландшафт отечественного культурознания кон. 1910-х – нач. 1930-х гг.: предпосылки возникновения культурологии // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2024. –№ 2 (59). – С. 19–24.

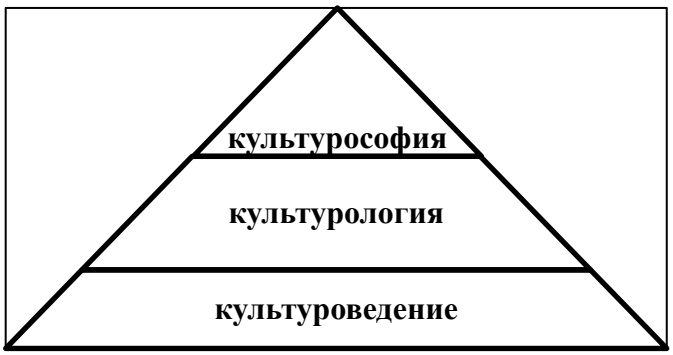
[11] См.: Бондарев, А.В. История культурологии: память научного сообщества и проблема самоидентификации // Человек в мире культуры. 2014. № 3. – С. 8–16; Бондарев, А.В. Эпистемологические проблемы изучения истории культурологии: научно-исследовательские и учебно-методические аспекты // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. – № 3 (101). – С. 14–16.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

DOI: 10.52173/2079-1100_2025_3_6

Алексей Владимирович БОНДАРЕВ

том, что мы сейчас подразумеваем под культурой (используя для этого иные понятия), вовсе автоматически не предполагает культурологичности и культурологической идентификации этих авторов. Культурологические идеи – возможно, у кого-то из них и были, хотя это тоже следует для начала доказать, но отдельные идеи – это ещё не наука. Более того, можно заметить, что в учебной литературе по истории культурологии существует своего рода эдакая гонка, кто более раннего и наиболее почтенного мыслителя запишет в культурологи, «культурологизирует» его. Поэтому решение этих двух указанных кардинальных эпистемологических проблем просто неизбежно.

Система трёх уровней культурознания.

И начинать нужно, как мне представляется, не с имён великих мыслителей прошлого, не с их концепций и даже не с разговоров о культуре, а с ***эпистемологии***. Сначала следует определиться, на основе чего мы будем выделять, идентифицировать *объект* нашего развития (т.е. границы культурологии), а затем задать *методологию*, какую мы будем применять для изучения пройденного культурологией пути.

В этом смысле мне представляется очень полезным гениально простой и ясный принцип выделения уровней в системе знаний о культуре, выдвинутый и обоснованный профессором Ириной Марковной Быховской в начале 1990-х годов[12]. В соответствии с этим принципом, двигаясь от фактографии к высокой абстракции в системе знаний о культуре, И.М. Быховская предлагала выделить три уровня: культуроведение, культурология, культурфилософия. Вся система знаний о культуре обозначаются одним словом – *культурознание* (на приводимой ниже схеме это вся пирамидка). Базовый пласт в системе культурознания Быховская предлагала назвать «*культуроведение*», поскольку составляющие его науки занимаются сбором *сведений* о культуре, они собирают, добывают, обрабатывают и создают первичные теории, свои частнодисциплинарные теории культуры. Это археология, этнография, искусствоведение, литературоведение ну и так далее. Поскольку они собирают и изучают *сведения* о культуре, то И.М. Быховская предложила называть этот уровень культуро*ведением*. Вершину всей этой пирамиды, наивысший и наиболее абстрактный уровень в системе знаний о культуре, занимает *культурфилософия* (либо иначе – культуросо-

[12] Александрова, Е.Я., Быховская, И.М. Отечественная культурология: трудности роста, поиски статуса // Наука о культуре: итоги и перспективы. Научно-информационный сборник. Вып. 5. – М.: Изд-во РГБ, 1996. – С. 28–38; Быховская, И.М. Изучение культуры: горизонтали и вертикали // Александрова, Е.Я., Быховская, И.М. Культурологические опыты. – М.: РИК, Типография Россельхозакадемии, 1996. – С. 31–42; Быховская, И.М. Изучение культуры: горизонтали и вертикали // Человек – философия – гуманизм: Тезисы докладов и выступлений Первого Российского философского конгресса (4–7 июня 1997 г., Санкт-Петербург). В 7 томах. Т. 6: Философия культуры / Под ред. Н.В. Голик, С.Н. Иконниковой, М.С. Кагана. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. – С. 24–26; Быховская, И.М. Знание о культуре: культурософия – культурология – культуроведение // Культурология и культуроведение: концептуальные подходы, образовательная практика: Материалы межрегион. науч.-практ. семинара (г. Кемерово, 24–25 дек. 1997 г.) / Редкол.: Е.Я. Александрова, И.М. Быховская и др. – М: Рос. ин-т культурологии; Кемер. гос. ин-т искусств и культуры, 1998. – С. 7–17.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

фия, или философия культуры). А вот средний уровень генерализации в изучении культуры, согласно предложенной И.М. Быховской модели, охватывается именно *культурологией*.

Благодаря этой модели со всей наглядностью и убедительностью становится видно, что культурология – это по существу качественно особый уровень рассмотрения мира культуры, занимающий в системе культурознания промежуточное положение между абстрактно-философским (культурософия) и частно-дисциплинарным уровнями (культуроведение). Конечно, эта дифференциация уровней культурознания достаточно условна. В конкретной исследовательской практике отдельных учёных эти уровни вполне успешно могут сочетаться и совмещаться. Понятно, что те или иные исследователи могли работать сразу на двух или даже на трех фронтах одновременно, и проявить себя и в культуроведении, например, в филологии, и в культурологии, как, например, Дмитрий Сергеевич Лихачёв, или, как Вадим Михайлович Массон, который был и выдающимся археологом, и культурологом, внесшим существенный вклад в изучение культурогенеза и культурного наследия. То есть можно вполне совместить сразу несколько исследовательских ипостасей, работать не только в разных областях, но и сразу на разных «этажах» культурознания, в этом нет ничего странного и преступного. Именно этот принцип задает чёткие ориентиры для понимания специфики культурологии и особенностей «фокусировки» культурологического уровня исследований.

Причём этот принцип работает не только для настоящего времени, т.е. наличного состояния культурологии, уяснения её диспозиции в системе культурознания, но и для понимания её прошлого. Поэтому история культурологии – это не история любых знаний про культуру, а очень специфический пласт в истории формирования культурознания. Предложенный И.М. Быховской принцип аналитического подразделения уровней в системе культурознания даёт нам возможность хотя бы некоторой определенности в том, о какой специфической области в знаниях о культуре мы говорим и историю чего мы собственно пытаемся реконструировать.

В общем алгоритме генезиса культурологии можно выделить несколько этапов (фаз): первый – **синкретический**, когда культуроведческие, культурофилософские и культурологические знания находились в одном таком нерасчленённом целом (хронологически условно до конца XVIII – нач. XIX вв.). Далее началась **дифференциация**, открытие великого множества разных сфер (граней) культуры и появление самых различных наук, собирающих сведения о них. Одновременно в рамках философского знания происходила концептуализация понятия культуры, формирование релевантной понятийно-категориальной сетки, разработка различных подходов к постижению культуры как особой реальности бытия. Постепенно преобладающей тенденцией в этой дифференциации стала **поляризация** – размежёвывание формирующейся системы культурознания на два полюса: 1) *фактографического типа знаний о культуре*, нацеленного на собирание и описание конкретно-фактических сведений о культуре, и 2) *абстрактно-спекулятивного типа знаний о культуре*, нацеленного на осмысление культуры как таковой (XIX – нач. XX вв.). Всё более углублявшийся разрыв между этими полюсами (культуроведческим и культурофилософским), уже к началу XX века привёл к осознанию необходимости выделения особого пласта в знаниях о культуре, *собственно культурологического*, который мог бы этот разрыв

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

преодолеть, обеспечивая в т.ч. научный трансфер знаний о культуре между эмпирико-фактографическим и абстрактно-спекулятивным уровнями, соответственно способствуя кооперации и координации научных усилий в познании культуры как целостности. Эту фазу генезиса я бы условно назвал **интегративно-синтетической**, поскольку её основным содержанием выступает поиск, сборка и синтез тех системообразующих пазлов, которые и определяют специфику культурологического знания, т.е. происходит *интеграция идей и синтез методологических принципов*, образующих научно-исследовательскую программу культурологии.

Разумеется, эта периодизация, будучи достаточно условной и относительной, имеет, прежде всего, дидактический смысл. Причём хочу обратить внимание на то, что в этой логике я выделяю две ключевых вехи, и их надо непременно различать. Первая веха – это история ***открытия идеи культуры*** и создание первичных концепций культуры[13]. И уже следующая веха – ***рождение культурологии*** и история собственно культурологии[14]. Конечно, одно предполагает другое. Но все-таки это разные истории со своими особенностями и со своей спецификой. Важно учитывать, что не всякое знание о культуре является автоматически культурологическим. Этот тезис имеет силу как для настоящего времени, так и для прошлого, соответственно это необходимо принимать во внимание и при исследовании генезиса культурологии.

Проблема начала культурологии: точки отсчёта и принципы идентификации. Каждая возникавшая на протяжении XIX века отраслевая наука о культуре обладала своим взглядом на культуру, формировала своё представление о культуре, разрабатывала свои исследовательские методы и подходы, создавала свою собственную теорию культуры. Уже к середине XIX века наиболее проницательными учёными стало замечаться, что знание о культуре оказывается всё более и более узкоспециализированным, фрагментированным, раздробленным, разрозненным и противоречивым, утрачивалась целостность знания о культуре (образно говоря, «за деревьями» становилось «не видно леса»). Для того чтобы получить полное и правильное представление о культуре как о целостной системе, нужно было не просто сложить эти различные узкодисциплинарные теории культуры, а взглянуть на культуру как целое, выявить её системообразующие основания. Первые попытки такого рода можно усмотреть в проектах «науки о культуре» Морица фон Лаверн-Пегильена (1801–1870)[15], а

[13] См.: Межуев, В.М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. – М.: Прогресс–Традиция, 2006. – 408 с.; Асоян, Ю.А., Малафеев, А.В. Открытие идеи культуры. Опыт русской культурологии сер. XIX – начала XX вв. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ОГИ, 2001. – 344 с.; Niedermann, J.: Kultur. Werden und Wandlungen des Begriffs und seiner Ersatzbegriffe von Cicero bis Herder. – Florenz: Bibliopolis, 1941. – 249 s.

[14] Бондарев, А.В. Третье рождение культурологии: Вклад Э.С. Маркаряна в разработку культурологической теории культуры // Маркарян Э.С. Избранное. Наука о культуре и императивы эпохи / Отв. ред. и составитель А.В. Бондарев. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2014. – С. 563–625; Бондарев, А.В. Рождение культурологии // Культурология: учебник для вузов / К.Г. Антонян, Т.В. Артемьева, А.В. Бондарев [и др.]; под ред. Л.М. Мосоловой. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб.: Лань, 2024. – С. 25–43.

[15] Lavergne-Peguilhen, M. Grundzüge der Gesellschaftswissenschaft. – Königsberg: J.H. Bon's Buchhandlung, 1838–1841. Bd. 1-2. Особый интерес представляет 2-й том, ч. 4. §. 63. Kulturwissenschaft. См. также: Stender, Angela: Durch Gesellschaftswissenschaft zum Idealen Staat: Moritz von Lavergne-Peguilhen (1801–1870). – Berlin: Duncker & Humblot Gmbh, 2005. – 508 s. (Quellen und Forschungen zur Brandenburgischen und Preussischen Geschichte, 29).

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

также Фридриха Густава Клемма (1802–1867)[16], выдвинутых и обоснованных ими независимо друг от друга в 40-х – 50-х годах XIX века[17]. У Клемма идею «науки о культуре» воспринял в 1870-х гг. известный британский учёный Эдвард Бёрнетт Тайлор (1832 – 1917), его проект «Science of Culture» – это английская калька с немецкого «Culturwissenschaft». Эти проекты единой «обобщающей науки о культуре» (по Клемму, «Allgemeine Culturwissenschaft») принципиально отличались от выдвинутого в 1899–1910 гг. Генрихом Риккертом (1863–1936) неокантианского проекта множественных «наук о культуре», противопоставленных «наукам о природе» («Kulturwissenschaften» и «Naturwissenschaften»)[18].

На рубеже XIX–XX вв. мысль о необходимости «обобщающей науки о культуре» можно сказать уже «носилась в воздухе». Так, например, американский культурантрополог Роберт Гарри Лоуи (1883–1957) в своих работах 1917 г., а затем в 1936 г. выразил её в следующих словах: «В течение последнего столетия становится всё очевиднее, что культура представляет собою <...> определённую область, изучение которой требует особой науки»[19]. Идею необходимости выделения особой науки о культуре отстаивал и другой американский культурантрополог и философ Джеймс Керн Файблмэн (1904–1987)*: «…идея науки о культуре не должна рассматриваться как нечто новое и сенсационное. Это просто одна из идей, потребность в которой уже с давних пор становилась всё более и более очевидной <...> И в то же время не было науки, которая пыталась бы собрать воедино все знания, полученные в разных областях исследований. Ни одна отрасль науки в настоящее время не занимается изучением человеческой культуры в целом. Но именно такая наука нам и нужна»[20].

На основе каких критериев мы можем отсчитывать появление культурологии? Вопрос отнюдь не праздный. Я исхожу из того, что в

[16] Klemm, G.F.: Allgemeine Culturgeschichte der Menschheit. Erster Band. – Leipzig: Teubner, 1843. – 645 s.; Klemm, G.F.: Allgemeine Culturgeschichte der Menschheit. Achter Band. – Leipzig: Teubner, 1850. – 645 s.; Klemm, G.F.: Grundideen zu einer allgemeinen Culturwissenschaft // Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Classe. Band 7. 1851. Heft 6-10 (Juni – December). – Wien: Kaiserlich. und Königlich. Hof- und Staatsdruckerei, 1851. – S. 167–190; Klemm, G.F.: Allgemeine Culturwissenschaft. Die materiellen Grundlagen menschlicher Cultur. 2 Bde. – Leipzig: J. U. Romberg's Verlag, 1854-55. – 393 s.

[17] Можно обратить внимание, что написание «науки о культуре» у них отличалось на одну первую букву: у Лаверн-Пегильена «Kulturwissenschaft», у Клемма «Culturwissenschaft». В XIX веке латинское по своему происхождению слово «культура» (терминологическая новация И.К. Аделунга и И.Г. Гердера) ещё не обрело в немецком языке унифицированной формы.

[18] См.: Ende der Bescheidenheit. Zur Verbesserung der Geistes- und Kulturwissenschaften / Ludger Heidbrink, Harald Welzer (Hrsg.). – München: Verlag C. H. Beck, 2007. – 191 s.; Haas, Stefan: Historische Kulturforschung in Deutschland 1880–1930. Geschichtswissenschaft zwischen Synthese und Pluralität. (Münstersche Historische Forschungen, 5). – Köln; Weimar; Wien: Böhlau 1994. – 570 s.; Handbuch der Kulturwissenschaften / Friedrich Jäger, Jörn Rüsen (Hrsg.). Bd. 1-3. – Stuttgart; Weimar: J.B. Metzler, 2004; Kultur und Kulturwissenschaften um 1900. Krise der Moderne und Glaube an die Wissenschaft / Rüdiger vom Bruch, Friedrich Wilhelm Graf, Gangolf Hubinger (Hrsg.). – Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1989. – 205 s.; Kultur und Kulturwissenschaften um 1900, vol. 2, Idealismus und Positivismus / Edited by Gangolf Hübinger, Rüdiger vom Bruch, Friedrich Wilhelm Graf. – Stuttgart: Franz Steiner Verlag. 1997. – 325 s.

[19] Lowie, R.H. Culture and Ethnology. – New York: D.C. McMurtrie, 1917, p. 17; Lowie, R.H. Cultural Anthropology: as a Science // American Journal of Sociology. 1936. Vol. 42, p. 301. «В течение последнего столетия», т.е. XIX века.

* В русскоязычных изданиях встречается написание «Фейблман», однако такой вариант передачи звучания фамилии данного учёного (Feibleman) не соответствует правилам произношения, принятым в английском языке.

[20] Фейблман, Дж. Концепция науки о культуре // Антология исследования культуры. Т. 1. Интерпретации культуры. – СПб.: Университетская книга. 1997. – С. 160.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

основе любой науки лежит определённая *исследовательская программа*. Начало любой науки следует отсчитывать от появления определяющих её специфику базовых теоретико-методологических принципов, т.е. *научно-исследовательской программы*. Как известно, это понятие было предложено и обосновано английским философом венгерского происхождения Имре Лакатосом (1922–1974). Ему удалось разработать концепцию, согласно которой основной единицей развития научного знания является научно-исследовательская программа: «Если рассмотреть наиболее значительные последовательности, имевшие место в истории науки, то видно, – отмечает И. Лакатос, – что они характеризуются непрерывностью, связывающей их элементы в единое целое. Эта непрерывность есть не что иное, как развитие некоторой исследовательской программы, начало которой может быть положено самыми абстрактными утверждениями»[21]. Всю историю науки Лакатос предлагал рассматривать как конкурентную борьбу «научно-исследовательских программ». Главным критерием научной значимости программы Лакатос считал прирост фактического знания за счёт её предсказательной силы.

Опираясь на эту концепцию Имре Лакатоса, я считаю, что генезис культурологии следует усматривать в формировании её научно-исследовательской программы. Поэтому, как только была предложена идея, замысел, проект такой программы, тогда можно отсчитывать и начало культурологии как науки[22]. Появление программы – «начало начал», «демаркационный критерий», «линия водораздела»: всё, что до неё – предыстория. Разумеется, появление научно-исследовательской программы культурологии – это не какая-то одномоментная «точка ноль», а сложный нелинейный процесс. Понятие «программы» обладает важным преимуществом, поскольку позволяет выразить то, что собственно «*программирует*», т.е. задаёт, определяет, порождает, обусловливает специфику культурологии как науки, придаёт ей единство, несмотря на вариативное множество различий в авторских подходах, исследовательских задачах и практиках. Возникает словно бы бесконечно дробный фрактал или «тема в вариациях». Научная программа культурологии выступает своего рода аналогом *генетической программы* для любых самовоспроизводящихся систем (как биологических, так и социокультурных). Научная программа культурологии задаёт отчётливые ориентиры в понимании *порождающих культурологию теоретико-методологических принципов*. Это позволяет с гораздо большей степенью осмысленности, убедительности и чёткости проследить генезис культурологиче-

[21] Лакатос, И. Избранные произведения по философии и методологии науки. – М.: Академический проект, 2008. – С. 359.

[22] См.: Бондарев, А.В. Третье рождение культурологии: Вклад Э.С. Маркаряна в разработку культурологической теории культуры // Маркарян, Э.С. Избранное. Наука о культуре и императивы эпохи / Отв. ред. и составитель А.В. Бондарев. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2014. – С. 563–625; Бондарев А.В. Рождение культурологии // Культурология: учебник для вузов / К.Г. Антонян, Т.В. Артемьева, А.В. Бондарев [и др.]; под ред. Л.М. Мосоловой. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб.: Лань, 2024. – С. 25–43; Бондарев, А. В. У истоков культурологии: предтечи и основоположники. К 160-летию Н.Я. Марра и 95-летию Э.С. Маркаряна // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: программа и тез. докл. участ. X междунар. науч. форума (Краснодар, 26–29 сентября 2024 г.). – М.: Институт Наследия, 2024. – С. 33–35; Бондарев, А. В. Интеллектуальный ландшафт культурознания конца 1910-х – начала 1930-х годов в Петербурге: предпосылки возникновения культурологии // Культурологические ландшафты Петербурга: [коллективная монография] / Отв. ред. Л.М. Мосолова. – М.: Наука, 2024. – С. 13–47.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

ской мысли, не заблудившись в сложных и зачастую неизученных ещё траекториях формирования культурологического дискурса в различных науках. Благодаря своей научно-исследовательской программе культурология «порождается» и «воспроизводится», поскольку именно программа определяет особенности подхода к изучению культуры в исследовательской деятельности сменяющих друг друга поколений учёных, вносящих свой посильный вклад в развитие культурологии (в частности в связи с этой «*генетичностью*» в самом исходном своем смысле я предпочитаю понятие «программы» в сравнении с альтернативными терминами: «парадигма» и «дисциплинарная матрица» Томаса Куна, «исследовательской традиции» Л. Лаудана, «темата» Дж. Холтона, «эпистема» Мишеля Фуко и иными терминологическими вариантами, обладающими своей спецификой)[23].

История культурологии как научная область, её предмет и объект, цель и задачи, структура и основные функции. История культурологии представляет собой особую научную область, в рамках которой изучаются процессы становления **культурологии,** эволюции культурологических идей, концепций и подходов к пониманию культуры.

Выделение предмета и объекта истории культурологии как научной области является – по многим причинам – задачей повышенной логико-методологической сложности и делом высокой степени ответственности, поскольку задаёт границы анализа и определяет специфику всей этой дисциплины. Предложим лишь один из возможных вариантов решения поставленной задачи. Как известно, объект познания – это область реальности, на которую направлено научное исследование. В случае истории культурологии объектом выступает процесс становления и развития культурознания во всём его многообразии. Объектное пространство истории культурологии достаточно обширно, пересекается с объектами истории как философии культуры, так и многих культуроведческих дисциплин (истории литературоведения, истории искусствоведения, истории социокультурной антропологии, истории социологии культуры и т.д.). К объектной области в исследованиях по истории культурологии можно отнести: эволюцию идей, концепций и теорий о культуре; формирование понятийно-категориального аппарата культурознания; становление научных школ и направлений в изучении культуры; развитие методологических подходов к изучению культуры; институционализацию системы знаний о культуре (создание кафедр, программ, научных журналов, конференций); деятельность учёных, внёсших вклад в развитие культурознания; взаимодействие культурознания с другими областями постижения культуры (философией, естествознанием, литературой и т.д.); социокультурный контекст развития мысли о культуре (как внешние условия влияли на формирование представлений, направлений поиска) и т.д.

Определение предмета истории культурологии представляет собой особую трудность,

[23] Бондарев, А.В. Генетический подход к изучению истории российской культурологии: обоснование, специфика, познавательные преимущества // V Российский культурологический конгресс с международным участием «Культурное наследие – от прошлого к будущему»: программа и тезисы докладов. Санкт-Петербург, 8–10 ноября 2021 г. – СПб.; М.: Институт Наследия, 2021. – С. 39-40; Бондарев, А.В. Эпистемологическая специфика генезиса российской культурологии. К 95-летию Э.С. Маркаряна // VI Российский культурологический конгресс с международным участием «Культурная идентичность в пространстве традиции и инновации»: программа, тезисы докладов. Москва, 30 октября – 1 ноября 2024 г. – М.: Институт Наследия, 2024. – С. 26.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

связанную со спецификой самой культурологии, её изменчивой многоликостью и эпистемологической трудновыразимостью. Следует вспомнить, что ключевое различие между объектом и предметом состоит в том, что объект обозначает всю сферу реальности, которая интересует историю культурологии (весь процесс развития знаний о культуре), предмет познания всегда конкретнее: он определяет аспекты и проблемы, которые непосредственно изучаются в рамках этой сферы (как именно шло развитие, какие механизмы и закономерности можно выявить). Иными словами, объект – что изучается (история знаний о культуре), а предмет – то, на чём мы фокусируем наше внимание при изучении объекта (генезис культурологического подхода, эволюция культурологических идей, понятий, научных школ, институций и т.д.). В узком смысле предметом истории культурологии является процесс формирования теоретико-методологических основ и качественной специфичности культурологии, т.е. генезис её научно-исследовательской программы, поскольку всё своеобразие культурологии субстанционально проистекает именно из её эпистемологической специфики, которая задаётся («*запрограммирована*») научно-исследовательской *программой* культурологии. Поэтому всё наше внимание при изучении истории культурознания (объекта) должно быть сфокусировано на складывании этой «эпистемологической субстанции» культурологии, выступающей в качестве предмета познания для данной исследовательской области.

При более широком и конкретизированном подходе предметное поле истории культурологии может охватывать следующий спектр исследовательских направлений:

- генезис и эволюция культурологических идей – как возникали и развивались ключевые концепции культуры, какие факторы влияли на их трансформацию;
- методологическая рефлексия – как менялись подходы к изучению культуры, какие методы становились доминирующими в разные периоды;
- формирование дисциплинарных границ культурологии – этапы её выделения в самостоятельную научную область, споры о её статусе и границах, её взаимодействие с другими науками;
- динамика понятий и категорий – изменение значений ключевых терминов («культура», «культурная динамика», «культурные ценности» и т.п.) в разные исторические периоды;
- научные школы и парадигмы в культурологии – их возникновение, взаимодействие, конкуренция и преемственность;
- биографии и интеллектуальные траектории учёных – вклад отдельных исследователей, их связи и влияние на развитие дисциплины;
- институциональные процессы – создание научных центров, образовательных программ, кафедр, журналов, профессиональных сообществ и т.д.;
- источниковая база культурологических исследований – специфика, доступность и репрезентативность материалов (публикации, архивы, стенограммы, учебные программы и т.д.);
- взаимодействие с социокультурным контекстом – влияние политических, идеологических, образовательных и иных внешних факторов на развитие культурологии.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

DOI: 10.52173/2079-1100_2025_3_6

Алексей Владимирович БОНДАРЕВ

| История культурологии как область специализированных историко-научных и теоретико-методологических исследований |

Цель и задачи истории культурологии вытекают из определения представленных выше предметно-объектных границ этой научной области. Цель истории культурологии – в узком смысле: исследовать генезис культурологии, выявить и раскрыть теоретико-методологические принципы, порождающие её эпистемологическую специфику. При более широком подходе – осмыслить динамику культурологического знания, выявить закономерности его развития и понять, как формировалось современное понимание культуры и культурологии. Соответственно **задачи** исследований по истории культурологии в себя включают:

- реконструкцию ключевых этапов становления культурологии;
- анализ влияния философских, социальных и культурных факторов на развитие культурологических идей;
- изучение биографий и интеллектуального наследия значимых культурологов;
- сравнение различных культурологических школ и направлений;
- выявление преемственности и разрывов в истории культурологического знания;
- оценку влияния исторических культурологических концепций на современные исследования и т.д.

Структура истории культурологии. Данная научная область может структурироваться по разным принципам. Можно предложить, например, следующий вариант выделения структурных подразделов: источниковедение культурологии, историография культурологического знания, методология истории культурологии, историко-культурологическая биографика и антропология академической жизни, интеллектуальная история культурологии, история культурологических идей и понятий, институциональная история культурологии и т.д.

Основные функции истории культурологии. Многообразие познавательных потребностей, сложность и обилие задач, выполняемых культурологий, определяют и многообразие функций в изучении её истории. Перечислим здесь лишь некоторые:

- ***реконструктивно-дескриптивная*** – описание ключевых событий, теорий и фигур в истории культурологии;
- ***аккумулирующая*** – обеспечение накопления и фиксации результатов познавательной деятельности в культурологии как необходимое условие научной преемственности;
- ***объяснительная*** – раскрытие причинно-следственных связей в развитии культурологии и механизмов изменений в культурологическом знании;
- ***программирующая*** функция истории культурологии состоит в том, что изучение прошлого культурологического знания задаёт познавательные ориентиры, образцы решения тех или иных научных задач, формирует стратегии и методологические установки для современных и будущих исследований в области культурологии;
- ***эвристическая*** – выявление «белых пятен» в культурологическом знании, актуализация забытых или недооценённых идей, способных дать импульс современным исследованиям в культурологии;
- ***образовательная*** – формирование профессиональной грамотности и культурологического стиля мышления специалистов культурологов;
- ***аналитико-критическая*** – анализ сильных и слабых сторон прошлых подходов, предотвращение повторения ошибок, допущен-

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

ных в прошлом (идеологизация, редукционизм и т.д.), выявление искажений и предрассудков в восприятии культурологии;

- ***методологическая*** – помощь современным исследователям в выборе подходов и методов через изучение исторического опыта;
- ***просветительская*** – популяризация научных знаний и достижений в культурологии;
- ***этико-нормативная*** – формирование этических и нормативных стандартов научной деятельности культурологов;
- ***мемориальная*** – сохранение и трансляция «коллективной памяти» культурологов, а также знаний о развитии культурологической мысли как части интеллектуального наследия.
- ***прогностическая*** – выявление тенденций развития культурологии и возможных направлений будущих исследований.

Здесь упомянуты и охарактеризованы далеко не все функции исследований по истории культурологии, но уже из сказанного вполне можно уяснить, какую немалую роль они выполняют, сколь всесторонне и многообразно они обеспечивают развитие культурологии и жизнь профессионального сообщества культурологов. Функциональный потенциал истории культурологии обладает высокой способностью к актуализации, превращая научное прошлое из «памятника» в реальный *ресурс развития*. Исследования по истории культурологии позволяют не просто знать фактическую историю нашей науки, а использовать это знание для направленного проектирования будущего культурологии – от конкретных исследований до создания институциональных структур[24].

Научный статус истории культурологии как исследовательской области. Каков научный статус истории культурологии как исследовательской области? К чему относится область исследований по истории культурологии? Это раздел истории науки? Часть исторической культурологии? Или раздел теоретической культурологии? Или что-то иное? Вопрос о научном статусе истории культурологии как самостоятельной исследовательской сферы требует отдельного комплексного рассмотрения, поскольку она занимает пограничное положение в системе научного знания и сочетает в себе черты сразу нескольких научных областей.

С одной стороны, историю культурологии правомерно рассматривать как один из разделов *общей истории науки*. В этом качестве история культурологии как субдисциплина общей истории науки изучает:

- генезис и эволюцию культурологического знания;
- формирование понятийного аппарата и методологических подходов;
- становление научных школ и направлений;
- биографии и вклад отдельных учёных;
- институционализацию культурологии (создание кафедр, программ, научных журналов).

Такой подход позволяет вписать развитие культурологии в общий контекст эволюции социальных и гуманитарных наук, выявить междисциплинарные связи и показать, как со-

[24] См.: Бондарев, А. В. Санкт-Петербург как центр культурологии: обоснование и основные направления деятельности Санкт-Петербургского центра культурологии на базе РГПУ им. А.И. Герцена // Современная культурология и её образовательные модусы. XVIII Кагановские чтения: Сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции (Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена, 17 мая 2024 г.) / отв. ред. А.А. Суворова. – СПб.: Астерион, 2025. – С. 119–133.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

циокультурные процессы влияли на формирование культурологической мысли.

С другой стороны, история культурологии тесно связана с *исторической культурологией* – направлением, которое на основе культурологического подхода реконструирует культурные процессы и явления в исторической перспективе. Однако здесь есть важная особенность: если историческая культурология сосредоточена на изучении культурных феноменов прошлого (обычаев, ритуалов, художественных стилей и т.д.), то история культурологии фокусируется на развитии самого научного знания о культуре. То есть объектом изучения становится не культура как таковая, а рефлексия над ней – теории, концепции, дискуссии внутри научного сообщества.

Кроме того, историю культурологии следует рассматривать не в меньшей, а даже в ещё большей степени как полноправную часть *теоретической культурологии*. В этом случае она выполняет функцию историко-методологического фундамента актуального теоретического знания культурологии, в т.ч.:

- показывает, как формировались ключевые концепции;
- позволяет критически оценить их эвристический потенциал;
- помогает избежать повторения уже пройденных этапов;
- создаёт основу для выработки новых теоретических моделей.

Однако история культурологии не сводится ни к одному из этих вариантов в отдельности. Её специфика заключается в интегративном характере – она синтезирует:

- историко-научный подход (изучение становления дисциплины);
- культурологический анализ (понимание культуры как объекта исследования);
- теоретико-методологическую рефлексию (осмысление инструментов познания).

Это позволяет выделить историю культурологии в самостоятельную исследовательскую область, обладающую собственным предметом, методами и задачами. Предметом её изучения выступает процесс становления и развития культурологического знания во всей его многомерности:

- интеллектуальные традиции и парадигмы;
- взаимодействие культурологических научных школ;
- динамика культурологических понятий и категорий;
- социокультурный контекст научных открытий;
- профессиональное сообщество культурологов и его эволюция.

Методологический арсенал средств исследований по истории культурологии включает как общенаучные методы (сравнительно-исторический, типологический, генетический), так и специфические подходы гуманитарных наук (интерпретация текстов, контекстуальный анализ, биографический метод)[25]. При этом особое значение приобретает комплексность, междисциплинарность и интегративность: для полноценной реконструкции истории культуро-

[25] См.: Бондарев, А.В. История культурологии: память научного сообщества и проблема самоидентификации // Человек в мире культуры. – 2014. – № 3. – С. 13–14; Бондарев, А.В. История культурологии. Методическое пособие. – СПб.: Астерион, 2019. – С. 11–12; Бондарев А.В. Эпистемологические проблемы изучения истории культурологии: научно-исследовательские и учебно-методические аспекты // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2021. – № 3 (101). – С. 17.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

логии необходимо привлекать данные философии, социологии, антропологии, искусствознания и других дисциплин, повлиявших на её формирование.

Таким образом, история культурологии представляет собой относительно автономную область исследований, которая:

- опирается на традиции истории науки, но имеет специфический объект и предмет изучения;
- взаимодействует с исторической культурологией, сохраняя своё чёткое дисциплинарное своеобразие;
- служит историко-теоретическим фундаментом для современной культурологии.

Научный статус истории культурологии как особой исследовательской области определяется способностью обеспечивать преемственность научного знания в культурологии, критически осмысливать накопленный опыт и создавать условия для дальнейшего развития культурологической теории и практики. Это не просто вспомогательная дисциплина, а необходимое звено в системе культурологического образования и историко-научных исследований, позволяющее понять логику развития культурологической науки и прогнозировать её дальнейшие перспективы.

Более того, в своё время я уже отмечал, что знание истории культурологии является своего рода «*банком идей*»: то, что вчера было не понято и не принято научным сообществом, сегодня представляется не имеющим ценности, завтра может оказаться интересным, важным и перспективным. Более того, наблюдается удивительный эпистемологический эффект: в зависимости от разных контекстов и познавательных ситуаций, ментальных и когнитивных установок исследователя, в разное время одни и те же эвристически значимые культурологические идеи могут иногда по-разному восприниматься, интерпретироваться и открывать новые горизонты смыслов, оставаясь при этом сами собой. Эти обстоятельства необычайно *расширяют возможности выбора* культурологом наиболее нужных и подходящих ему в той или иной познавательной ситуации культурологических знаний, понятий, теорий, принципов, методов и т.д. Решая определённую научную проблему, культуролог всегда, вольно или невольно, соотносит себя с определенной научной школой, традицией, направлением или подходом. Знание истории культурологии помогает ему делать это осознанно, позволяя понять, где действительно новое, где давно или недавно забытое старое и как с помощью того и другого решать стоящие перед ним научные задачи[26].

Заключение. Современное научное знание характеризуется возрастающим интересом к рефлексии над собственными основаниями, этапами становления и логикой развития. В этом контексте история культурологии приобретает всё большее значение как самостоятельная область исследований, объединяющая историко-научный и теоретико-методологический подходы к изучению науки о культуре.

Проблематичность и дискуссионность существующих реконструкций истории культурологического знания приводят к размытым и противоречивым представлениям о культурологии как научной дисциплине, а также к недооценке её познавательного и прикладного потенциала. Распространение всевозможных мифологем и предубеждений негативно сказыва-

[26] Бондарев, А.В. Эпистемологические проблемы изучения истории культурологии: научно-исследовательские и учебно-методические аспекты // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2021. – № 3 (101). – С. 12.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

ется на общественном восприятии и научном статусе культурологии.

История науки – значимый фактор формирования её имиджа, престижа и авторитета. Знание истории культурологии не только защищает от фальсификаций прошлого и связанных с ними манипуляций в настоящем, но и служит фундаментом для дальнейшего развития нашей дисциплины

Знание истории культурологии выполняет целый ряд взаимосвязанных функций. Оно помогает ориентироваться в массиве литературы и многообразии концепций (навигационная функция), формирует целостное представление о развитии дисциплины (знаниевая функция), задаёт ориентиры для современных исследований (программирующая и регулятивная функции), вдохновляет на новые научные поиски (мотивирующая функция) и объединяет научное сообщество вокруг общих ценностей и целей (консолидирующая и аксиологическая функции).

При изучении истории культурологии важно не подменять её изложением лишь концепций культуры, историей культурфилософии или тех или иных областей культуроведения. В истории культурологии нас прежде всего должен интересовать процесс возникновения, развития и реализации её специфических признаков – онтологических, теоретико-познавательных, этико-нормативных и институционально-организационных.

Прослеживая внешние по отношению к культурологии влияния (значение которых может быть достаточно велико), следует стремиться не смешивать их с собственно познавательными процессами внутринаучного генезиса. При этом необходимо, разумеется, устанавливать связь внешних (контекстуальных) и внутринаучных факторов в становлении культурологии – это позволит избежать односторонних интерпретаций её развития.

Отличительной особенностью историко-культурологических исследований выступает также особое внимание к *человекомерным* аспектам научного бытия – роли личности учёного, его индивидуальным качествам, эмоциям, пристрастиям, дружбе или вражде с коллегами, особенностям мировоззрения, мотиваций, профессионального пути, траекторий научного поиска, выбора способов решения тех или иных научных задач и т.д. Соответственно история культурологии рассматривается не как обезличенный процесс циркуляции неких абстрактных идей и концепций, а как результат деятельности конкретных людей «из плоти и крови» в определённом историческом и культурном контексте. В методологическом плане это предполагает построение многомерной модели генезиса культурологии. Такая модель должна интегрировать три ключевых измерения культурологии: 1) внутреннюю логику развития научного знания; 2) индивидуальные особенности поиска отдельных исследователей и 3) воздействие широкого социокультурного контекста (социальных запросов, политических условий, междисциплинарных влияний и т.д.). Комплексный учёт этих трёх проекций (уровней анализа) даёт возможность выстроить «многомерную композицию» при изображении целостной картины формирования культурологии и позволяет получить объёмное и достоверное представление о её становлении.

Между пониманием сущности культурологии и осмыслением её истории существует взаимная обусловленность. С одной стороны, представление об истории культурологии предопределено пониманием её научной специфики. С другой – понимание того, что такое культурология, определяется тем, как осмыслена её

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

история. Поэтому многие проблемы в развитии культурологии в настоящее время обусловлены именно невниманием нашего профессионального сообщества к изучению и осмыслению собственного прошлого, отсутствием осознания допущенных ошибок и неготовностью извлечь из них поучительные уроки.

Эпистемология изучения истории культурологии органически связана с её онтологией. В известном смысле история культурологии – это сама культурология, поскольку она представляет собой непрерывно пополняемый массив научного наследия, становящимся «настоящим прошлым» бытия нашей науки.

Основой научного творчества в культурологии выступает диалектика традиций и новаций. Опора на опыт предшественников – необходимое условие для культурологических прорывов и генерации нового знания о мире культуры.

История культурологии представляет собой форму коллективной памяти дисциплины. Она служит консолидирующей основой идентичности научного сообщества, выступает фундаментом научного самоопределения и самопознания культурологии, способствует формированию профессионального самосознания культурологов и осознанию их научной и общественной миссии.

Таким образом, знание истории культурологии обладает самостоятельной ценностью и значительным эвристическим потенциалом. Оно не только служит основой для получения нового знания и способствует развитию культурологии в настоящем, но и создаёт эпистемологические предпосылки для определения контуров культурологии будущего. Систематическое и целенаправленное развитие истории культурологии как особой исследовательской области – необходимое условие укрепления научного статуса самой культурологии, преодоления существующих трудностей и предубеждений, а также раскрытия всего спектра познавательных и прикладных возможностей нашей интегративной науки.

Список литературы

Александрова, Е.Я., Быховская И.М. Отечественная культурология: трудности роста, поиски статуса // Наука о культуре: итоги и перспективы. Научно-информационный сборник. Вып. 5. – М.: Изд-во РГБ, 1996. – С. 2–40.

Александрова, Е.Я., Быховская, И.М. Апология культурологии: опыт рефлексии становления научной дисциплины // Общественные науки и современность. – 1997. – № 3. – С. 133–145.

Асоян, Ю.А., Малафеев, А.В. Открытие идеи культуры. Опыт русской культурологии сер. XIX – начала XX вв. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ОГИ, 2001. – 344 с.

Бондарев, А.В. История культурологии: память научного сообщества и проблема самоидентификации // Человек в мире культуры. – 2014. – № 3. – С. 8–16.

Бондарев, А.В. Третье рождение культурологии: Вклад Э.С. Маркаряна в разработку культурологической теории культуры // Маркарян Э.С. Избранное. Наука о культуре и императивы эпохи / Отв. ред. и составитель А.В. Бондарев. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2014. – С. 563–625.

Бондарев, А.В. Основные теоретико-методологические модели реконструкции и изучения истории культурологического знания // Наука про культуру: культурологія, kulturoznawstwo, культуроведение, Cultural Studies, culturology: [колективна монографія] / Редактор-укладач О.О. Кирилова. – Київ: Вид-во НПУ імені М.П. Драгоманова, 2015. – С. 56–65.

Бондарев, А.В. Эпистемологические проблемы изучения истории культурологии: научно-исследовательские и учебно-методические аспекты // Вестник Московского государственного универ-

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

ситета культуры и искусств. – 2021. – № 3 (101). – С. 6–22.

Бондарев, А.В. Генетический подход к изучению истории российской культурологии: обоснование, специфика, познавательные преимущества // V Российский культурологический конгресс с международным участием «Культурное наследие – от прошлого к будущему»: программа и тезисы докладов. Санкт-Петербург, 8–10 ноября 2021 г. – СПб.; М.: Институт Наследия, 2021. С. 39–40.

Бондарев, А.В. Рождение культурологии // Культурология: учебник для вузов / К.Г. Антонян, Т.В. Артемьева, А.В. Бондарев [и др.]; под ред. Л.М. Мосоловой. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб.: Лань, 2024. – С. 25–43.

Бондарев, А.В. Интеллектуальный ландшафт отечественного культурознания кон. 1910-х – нач. 1930-х гг.: предпосылки возникновения культурологии // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2024. – № 2 (59). – С. 19–24.

Бондарев, А.В. Эпистемологическая специфика генезиса российской культурологии. К 95-летию Э.С. Маркаряна // VI Российский культурологический конгресс с международным участием «Культурная идентичность в пространстве традиции и инновации»: программа, тезисы докладов. Москва, 30 октября – 1 ноября 2024 г. – М.: Институт Наследия, 2024. – С. 26.

Быховская, И.М. Культурология: от определения к самоопределению // Александрова Е.Я., Быховская И.М. Культурологические опыты. – М.: Типография Россельхозакадемии, 1996. – С. 7–42.

Быховская, И.М. Изучение культуры: горизонтали и вертикали // Человек – философия – гуманизм: Тезисы докладов и выступлений Первого Российского философского конгресса (4-7 июня 1997 г., Санкт-Петербург). В 7 томах. Т. 6: Философия культуры / Под ред. Н.В. Голик, С.Н. Иконниковой, М.С. Кагана. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. – С. 24-26.

Быховская, И.М. Знание о культуре: культурософия – культурология – культуроведение // Культурология и культуроведение: концептуальные подходы, образовательная практика: Материалы межрегион. науч.-практ. семинара (г. Кемерово, 24–25 дек. 1997 г.) / [Редкол.: Е.Я. Александрова, И.М. Быховская и др.]. – М: Рос. ин-т культурологии; Кемер. гос. ин-т искусств и культуры, 1998. – С. 7–17.

Доброхотов, А.Л. Философия культуры. – М.: Издательский Дом ВШЭ, 2016. – 560 с.

Доброхотов, А.Л., Калинкин А.Т. Возникновение и развитие наук о культуре // Доброхотов А.Л., Калинкин А.Т. Культурология: учебное пособие. – М.: ИНФРА–М, 2010. – С. 5–125.

Кондаков, И.В. Современное состояние наук о культуре в России: достижения, проблемы и перспективы // «Мир культуры и культурология». Альманах Научно-образовательного культурологического общества России. Вып. IV. – СПб.: НОКО, 2015. – С. 10–19.

Маркарян, Э.С. Избранное. Наука о культуре и императивы эпохи / Отв. ред. и сост. А.В. Бондарев. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. – 656 с. – (Серия «Культурология. XX век»).

Иконникова, С.Н. Парадоксы и псевдонимы культурологии в 70-е годы // Советская культура в контексте истории XX века: материалы конференции, Санкт-Петербург, 11–12 мая 2000 г. В 2-х тт. Т. 1 / Ред. колл.: Ю.П. Савельев (предс.) и др. – СПб.: ВОЕНМЕХ, 2000. – С. 40–42.

Иконникова, С.Н. История культурологии: учебник для академического бакалавриата. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 416 с.

История культурологии / С.С. Неретина, А.П. Огурцов, В.М. Межуев, Ф.Т. Михайлов. – М.: Гардарики, 2006. – 383 с.

История культурологии: учебник для бакалавров / В.М. Дианова, Ю.Н. Солонин. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2017. – 461 с.

Касьянов, Г.А. Дисциплина с тёмной историей: мифы об истоках культурологии и их критика // XX Юбилейные Царскосельские чтения. Материалы Международной научной конференции. – СПб.: Издательство ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2016. – С. 95–102.

Межуев, В.М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. – М.: Прогресс-Традиция, 2006. – 408 с.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

Савельев, В.В. Генетические и генезисные истоки отечественной культурологии // Учёные записки Российского Государственного Социального Университета. – 2005. – № 1. – С. 62–68.

Савельев, В. В. О преемственности в культурологии // Управленческое консультирование. – 2007. – № 2. – С. 206–218.

Сугай, Л.А. Культура и культурология – термины и понятия (русский, славянский и общеевропейский контекст). – Banska Bysrica: UMB, Belianum, 2019. – 182 с.

Сыченкова, Л.А. История становления и развития отечественного культуроведения (второй половины XIX – начала 30-х гг. XX вв.). – Казань: Казан. гос. ун-т, 1996. – 78 с.

Сыченкова, Л.А. Культура Западной Европы в российском гуманитарном знании: (вторая половина XIX – 30-е гг. XX века). – Казань: Изд-во Казан. гос. технол. ун-та, 2000. – 248 с.

Теория культуры: разнообразие подходов и возможности их интеграции: коллективная монография / Под ред. Ю.М. Резника. – М.: Научно-политическая книга, 2012. – 479 с. – (серия «Актуальная культурология»).

Трофимова, Р.П. История культурологии в России: учебник для вузов. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 473 с.

Философия культуры. Становление и развитие / Под ред. М.С. Кагана, Ю.В. Перова, В.В. Прозерского, Э.П. Юровской. – СПб.: Лань, 1998. – 448 с.

Шендрик, А.И. Культура в мире: драма бытия: Избр. работы по теории и методологии культуры, социологии культуры, социальной философии. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2007. – 704 с.

Шибаева, М.М. Введение в философию культуры (западноевропейская мысль о культуре) / Моск. гос. ун-т культуры. – М.: МГУК, 1998. – 180 с.

Шибаева, М.М. Культура в «зеркале» русской мысли. – М.: МГУКИ, 2001. – 248 с.

Шибаева, М.М. Особенности русского опыта культурфилософской рефлексии: проблемно-тематическое пространство и полистилистика. Дис. … докт.филос.наук: 24.00.01. – М.: МГИК, 2002. – 297 с.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

DOI: 10.52173/2079-1100_2025_4_6

Alexey V. BONDAREV

| The History of Culturology as a Field of Specialized Historical-Scientific and Theoretical-Methodological Researches |

Alexey V. BONDAREV

Herzen State Pedagogical University of Russia
48, Moika emb., Saint Petersburg, Russian Federation 191186
Associate Professor at the Department of Theory and History of Culture
Director of the Saint Petersburg Center for Culturology on the basis of the Herzen State Pedagogical University of Russia
PhD in Culturology, Associate Professor
ORCID: 0000-0002-9272-2160
E-mail: avbondarev@mail.ru

THE HISTORY OF CULTUROLOGY AS A FIELD OF SPECIALIZED HISTORICAL-SCIENTIFIC AND THEORETICAL-METHODOLOGICAL RESEARCHES

The article explores the specifics and scientific standing of the history of culturology, justifying it as a distinct research area situated at the intersection of the history of science, historical and theoretical culturology, and epistemology. The article delineates the problem-based and thematic field of research on the history of culturology, defining its subject, object, purpose, objectives, structure, and primary functions.

The study reveals the reciprocal relationship between understanding the essence of culturology and comprehending its history. The perception of the history of culturology is shaped by the understanding of its scientific particularities, and conversely, the definition of culturology is influenced by how its history is interpreted. In this sense, the history of culturology is culturology itself, representing an ever-growing body of scientific heritage that constitutes the «present past» of our discipline.

It is underscored that the history of culturology serves as a form of collective memory for culturologists. It acts as a unifying foundation for the identity of the scientific community, provides the groundwork for scientific self-determination and self-awareness in culturology, and contributes to the development of professional self-consciousness among culturologists and an awareness of their scientific and societal mission.

In conclusion, the article argues that knowledge of the history of culturology holds intrinsic value and substantial heuristic potential. It not only provides a foundation for generating new knowledge and advancing culturology in the present but also lays the epistemological groundwork for envisioning the future contours of the discipline. Systematic and targeted development of the history of culturology is essential for enhancing the scientific standing of culturology, overcoming existing biases, and unlocking the full spectrum of cognitive and applied possibilities inherent in our integrative science.

Keywords: history of culturology, intellectual history, history of science, culturological heritage, theory of culture, culturological education in Russia, professional identity and self-consciousness of culturologists.

References

Alexandrova, E. Ya., & Bykhovskaya, I. M. (1996). Otechestvennaya kulturologiya: trudnosti rosta, poiski statusa [Russian culturology: Growing pains, search for status]. In: Nauka o kulture: itogi i perspektivy. Nauchno informatsionnyy sbornik [Science of culture: Results and prospects. Scientific and information collection] (Issue 5, pp. 2–40). RGB Publishing.

Alexandrova, E. Ya., & Bykhovskaya, I. M. (1997). Apologiya kulturologii: opyt refleksii stanovleniya nauchnoy distsipliny [Apology of culturology: An experience of reflection on the formation of a scientific discipline]. In: Obshchestvennye Nauki i Sovremennost [Social Sciences and Contemporary World], 3, 133–145.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

Asoyan, Yu. A., & Malafeev, A. V. (2001). Otkrytie idei kultury. Opyt russkoy kulturologii serediny XIX – nachala XX vv. [The discovery of the idea of culture. The experience of Russian culturology in the mid 19th – early 20th centuries] (2nd ed., revised and expanded). OGI.

Bondarev, A.V. (2014). Istoriya kulturologii: pamyat' nauchnogo soobshchestva i problema samoidentifikatsii [History of culturology: The memory of the scientific community and the problem of self identification]. In: Chelovek v Mire Kultury [Man in the World of Culture], 3, 8–16.

Bondarev, A.V. (2014). Tret'e rozhdenie kulturologii: Vklad E. S. Markaryana v razrabotku kulturologicheskoy teorii kultury [The third birth of culturology: E.S. Markaryan's contribution to the development of the culturological theory of culture]. In: E.S. Markaryan, Izbrannoe. Nauka o kulture i imperativy epokhi [Selected works. Science of culture and the imperatives of the era] (A. V. Bondarev, (Ed.)) (pp. 563–625). Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ; Universitetskaya Kniga.

Bondarev, A.V. (2015). Osnovnye teoretiko metodologicheskie modeli rekonstruktsii i izucheniya istorii kulturologicheskogo znaniya [Basic theoretical and methodological models for the reconstruction and study of the history of culturological knowledge]. In: O.O. Kirilova (Ed.), Nauka pro kulturu: kulturologiya, kulturoznawstwo, kulturovedenie, cultural studies, culturology [Science about culture: culturology, science of culture, cultural scholarship, cultural knowledge, cultural studies] (pp. 56–65). NPU imeni M. P. Dragomanova.

Bondarev, A.V. (2021). Epistemologicheskie problemy izucheniya istorii kulturologii: nauchno issledovatel'skie i uchebno-metodicheskie aspekty [Epistemological problems of studying the history of culturology: researches and educational aspects]. In: Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Universiteta Kultury i Iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts], 3(101), 6–22.

Bondarev, A.V. (2021). Geneticheskiy podkhod k izucheniyu istorii rossiyskoy kulturologii: obosnovanie, spetsifika, poznavatel'nye preimushchestva [Genetic approach to the study of the history of Russian culturology: justification, specifics, cognitive advantages]. In: V Rossiyskiy kulturologicheskiy kongress s mezhdunarodnym uchastiem «Kulturnoe nasledie – ot proshlogo k budushchemu»: programma i tezisy dokladov [5th Russian Culturological Congress with International Participation «Cultural Heritage — From Past to Future»: Program and abstracts] (pp. 39–40). Institut Naslediya.

Bondarev, A.V. (2024). Rozhdenie kulturologii [The birth of culturology]. In: K.G. Antonyan, T.V. Artemyeva, A.V. Bondarev et al. (Authors), L.M. Mosolova (Ed.), Kulturologiya: uchebnik dlya vuzov [Culturology: A textbook for universities] (3rd ed., revised and expanded, pp. 25–43). Lan.

Bondarev, A.V. (2024). Intellektual'nyy landshaft otechestvennogo kulturoznaniya kontsa 1910 kh – nachala 1930 kh gg.: predposylki vozniknoveniya kulturologii [Intellectual landscape of Russian cultural knowledge in the late 1910s – early 1930s: Prerequisites for the emergence of Culturology]. In: Vestnik Sankt Peterburgskogo Gosudarstvennogo Instituta Kultury [Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture], 2(59), 19–24.

Bondarev, A.V. (2024). Epistemologicheskaya spetsifika genezisa rossiyskoy kulturologii. K 95 letiyu E.S. Markaryana [Epistemological specifics of the genesis of Russian Culturology. On the 95th anniversary of E.S. Markaryan]. In: VI Rossiyskiy kulturologicheskiy kongress s mezhdunarodnym uchastiem «Kulturnaya identichnost' v prostranstve traditsii i innovatsii»: programma, tezisy dokladov [6th Russian Culturological Congress with International Participation «Cultural Identity in the Space of Tradition and Innovation»: Program, abstracts] (p. 26). Institut Naslediya.

Bykhovskaya, I.M. (1996). Kulturologiya: ot opredeleniya k samoopredeleniyu [Culturology: from definition to self definition]. In: E.Ya.Alexandrova & I.M.Bykhovskaya (Authors), Kulturologicheskie opyty [Experiments in Culturology] (pp. 7–42). Tipografiya Rossel'khozakademii.

Bykhovskaya, I.M. (1997). Izuchenie kultury: gorizontali i vertikali [Studying culture: Horizontals and verticals]. In: N.V. Golik, S.N. Ikonnikova, & M.S. Kagan (Eds.), Chelovek – Filosofiya – Gumanizm: Tezisy dokladov i vystupleniy Pervogo Rossiyskogo filosofskogo kongressa (4–7 iyunya 1997 g., Sankt Peterburg). V 7 tomakh. T. 6: Filosofiya kultury [Man – Philosophy

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

– Humanism: Abstracts of the First Russian Philosophical Congress (June 4–7, 1997, St. Petersburg). In 7 vols. Vol. 6: Philosophy of culture] (pp. 24–26). SPbGU Publishing.

Bykhovskaya, I.M. (1998). Znanie o kulture: kulturosofiya – kulturologiya – kulturovedenie [Knowledge of culture: Culturosophy – Culturology – Cultural scholarship]. In: E.Ya. Alexandrova & I.M. Bykhovskaya et al. (Eds.), Kulturologiya i kulturovedenie: kontseptual'nye podkhody, obrazovatel'naya praktika: Materialy mezhregional'nogo nauchno-prakticheskogo seminara (g. Kemerovo, 24–25 dekabrya 1997 g.) [Culturology and Cultural scholarship: conceptual approaches, educational practice: Materials of the interregional scientific and practical seminar (Kemerovo, December 24–25, 1997)] (pp. 7–17). Rossiyskiy Institut Kulturologii; Kemerovskiy Gosudarstvennyy Institut Iskusstv i Kul'tury.

Dobrokhotov, A.L. (2016). Filosofiya kul'tury [Philosophy of culture]. Izdatel'skiy Dom VShE.

Dobrokhotov, A.L., & Kalinkin, A.T. (2010). Vozniknovenie i razvitie nauk o kul'ture [The emergence and development of cultural sciences]. In: A. L. Dobrokhotov & A. T. Kalinkin, Kulturologiya: uchebnoe posobie [Cultural studies: A textbook] (pp. 5–125). INFRA-M.

Kondakov, I.V. (2015). Sovremennoe sostoianie nauk o kul'ture v Rossii: dostizheniia, problemy i perspektivy [The current state of cultural sciences in Russia: achievements, problems, and prospects]. Mir kul'tury i kul'turologiia. Al'manakh Nauchno-obrazovatel'nogo kul'turologicheskogo obshchestva Rossii, (4), 10–19. Saint Petersburg: NOKO.

Markaryan, E.S. (2014). Izbrannoe. Nauka o kul'ture i imperativy epokhi [Selected works. Science of culture and the imperatives of the era] (A.V. Bondarev, (Ed.). Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ; Universitetskaya Kniga. (Series «Kulturologiya. XX vek» [«Culturology. 20th century»]).

Ikonnikova, S.N. (2000). Paradoksy i psevdonimy kulturologii v 70-e gody [Paradoxes and pseudonyms of Culturology in the 1970s]. In: Yu.P. Savelev et al. (Eds.), Sovetskaya kul'tura v kontekste istorii XX veka: materialy konferentsii, Sankt-Peterburg, 11–12 maya 2000 g. V 2-kh tomakh. Tom 1 [Soviet culture in the context of 20th-century history: Conference materials, St. Petersburg, May 11–12, 2000. In 2 vols. Vol. 1] (pp. 40–42). VOENMEKH.

Ikonnikova, S.N. (2018). Istoriya kulturologii: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata [History of Culturology: A textbook for academic bachelor's programs] (3rd ed., revised and expanded). Izdatel'stvo Yurayt.

Neretina, S.S., Ogurtsov, A.P., Mezhuev, V. M., & Mikhaylov, F. T. (2006). Istoriya kulturologii [History of Culturology]. Gardariki.

Dianova, V.M., & Solonin, Yu. N. (2017). Istoriya kulturologii: uchebnik dlya bakalavrov [History of Culturology: A textbook for bachelor's students] (3rd ed., revised and expanded). Izdatel'stvo Yurayt.

Kasyanov, G.A. (2016). Distsiplina s tyomnoy istoriey: mify ob istokakh kulturologii i ikh kritika [A discipline with a dark history: Myths about the origins of Culturology and their criticism]. In: XX Yubileynye Tsarskosel'skie chteniya. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [20th Anniversary Tsarskoye Selo Readings. Materials of the International Scientific Conference] (pp. 95–102). Izdatel'stvo LGU im. A. S. Pushkina.

Mezhuev, V.M. (2006). Ideya kul'tury. Ocherki po filosofii kul'tury [The idea of culture. Essays on the philosophy of culture]. Progress-Traditsiya.

Savelyev, V.V. (2005). Geneticheskie i genezisnye istoki otechestvennoy kulturologii [Genetic and genesis origins of Russian Culturology]. In: Uchyonye zapiski Rossiyskogo Gosudarstvennogo Sotsial'nogo Universiteta [Scientific Notes of the Russian State Social University], 1, 62–68.

Savelyev, V.V. (2007). O preemstvennosti v kulturologii [On continuity in Culturology]. In: Upravlencheskoe konsul'tirovanie [Management Consulting], 2, 206–218.

Sugay, L.A. (2019). Kul'tura i kulturologiya – terminy i ponyatiya (russkiy, slavyanskiy i obshcheevropeyskiy kontekst) [Culture and Culturology – terms and concepts (Russian, Slavic, and pan-European context)]. UMB, Belianum.

Sychenkova, L.A. (1996). Istoriya stanovleniya i razvitiya otechestvennogo kulturovedeniya (vtoroy poloviny XIX – nachala 30-kh gg. XX vv.) [History of the formation and development of Russian cultural

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

scholarship (second half of the 19th – early 1930s)]. Kazanskiy Gosudarstvennyy Universitet.

Sychenkova, L.A. (2000). Kul'tura Zapadnoy Evropy v rossiyskom gumanitarnom znanii: (vtoraya polovina XIX – 30-e gg. XX veka) [Western European culture in Russian humanities knowledge: (second half of the 19th century – 1930s)]. Izdatel'stvo Kazanskogo Gosudarstvennogo Tekhnologicheskogo Universiteta.

Reznik, Yu.M. (Ed.). (2012). Teoriya kul'tury: raznoobrazie podkhodov i vozmozhnosti ikh integratsii [Theory of culture: Diversity of approaches and possibilities of their integration]. Nauchnopoliticheskaya Kniga.

Trofimova, R.P. (2018). Istoriya kulturologii v Rossii: uchebnik dlya vuzov [History of Culturology in Russia: A textbook for universities]. Izdatel'stvo Yurayt.

Kagan, M.S., Perov, Yu.V., Prozerskiy, V.V., & Yurovskaya, E. P. (Eds.). (1998). Filosofiya kul'tury. Stanovlenie i razvitie [Philosophy of culture. Formation and development]. Lan'.

Shendrik, A.I. (2007). Kul'tura v mire: drama bytiya: Izbrannye raboty po teorii i metodologii kul'tury, sotsiologii kul'tury, sotsial'noy filosofii [Culture in the world: The drama of being: Selected works on the theory and methodology of culture, sociology of culture, social philosophy]. Izdatel'stvo Moskovskogo Gumanitarnogo Universiteta.

Shibaeva, M.M. (1998). Vvedenie v filosofiyu kul'tury (zapadnoevropeyskaya mysl' o kul'ture) [Introduction to the philosophy of culture (Western European thought on culture)]. MGUK.

Shibaeva, M.M. (2001). Kul'tura v «zerkale» russkoy mysli [Culture in the «mirror» of Russian thought]. MGUKI.

Shibaeva, M.M. (2002). Osobennosti russkogo opyta kul'turfilosofskoy refleksii: problemno tematicheskoe prostranstvo i polistilistika [Features of the Russian experience of cultural philosophical reflection: Problematic thematic space and polystylistics] (Doctoral dissertation, 24.00.01). MGIK.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

DOI: 10.52173/2079-1100_2025_3_33

Анна Сергеевна СТЕПАНОВА

| Концептуализация понятия культуры в творчестве И. Г. Гердера и Я. А. Коменского |

Анна Сергеевна СТЕПАНОВА

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48
Профессор кафедры философской антропологии и истории философии
Доктор философских наук, профессор
ORCID: 0000-0001-5287-3768
E-mail: A-Step@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ КУЛЬТУРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ И. Г. ГЕРДЕРА И Я. А. КОМЕНСКОГО

Рассматривается вопрос о формировании концепций культуры на примере творчества таких принадлежавших к разным эпохам мыслителей как И. Г. Гердер и Я. А. Коменский. Установлено, что общее в их позициях обусловлено возрастанием фактора исторического сознания, начавшегося в XVII веке, а также определяемой гуманистическим идеалом новой антропологии. Коменский обратился к педагогической теме, разрабатывая которую и вышел на понятие «культура», но «культура» для него еще не понятие, а концепт, о чем свидетельствует разнообразие терминов. Подход Гердера при раскрытии понятия «культура» вполне определенный и, вместе с тем, имеет более широкий предметный спектр; он отмечен исторической оптикой и превознесением эстетического начала, как высшей характеристики человека. Также культура у Гердера отмечена свойством автономности. Несмотря на различия, особенно важно общее понимание обоими мыслителями органичного единства феноменов «культура» и «дух».

Ключевые слова: Гердер, Коменский, антропология, гуманизм, дух, историческое сознание, культура, традиция, эстетика.

Появлению культурологии предшествовал длительный и непростой этап открытия культуры как особой реальности человеческого бытия. Как отмечает А.В. Бондарев, следует различать генезис представлений о культуре и генезис самой культурологии как науки, при всей тесной их взаимоувязке, это, тем не менее, разные «истории» и разные исследовательские проблемы[1]. Поэтому концептуальное мышление, связанное с осмыслением темы культуры как явления духовного свойства в его историческом измерении, должно стать предметом отдельного научного исследования. Актуальная востребованность культурологии, демонстрирующей понимание культуры как типологического целого очевидна, об этом пишет исследователь: «Интегративный и синтезирующий характер культурологического мышления, преодолевающий узкоспециализированную раздробленность и дифференциацию гуманитарного знания, дает возможность для формирования новых методологических оснований и новых приемов исследования культуры как типологического (и синкретического) целого, существующего в феномене одновременности»[2]

В этом отношении может пролить свет на проблему сравнительный анализ при параллельном рассмотрении идей, сформулированных двумя выдающимися мыслителями, принадлежавшими двум разным эпохам, следовав-

[1] Бондарев, А.В. Эпистемологические проблемы изучения истории культурологии: научно-исследовательские и учебно-методические аспекты // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2021. – № 3 (101). – С. 13–14.

[2] Тарасова, О.И. Инвариант как культурологическая категория // Фундаментальные проблемы культурологии. Теория и методология современной культурологии. – М.-СПб. Новый хронограф – Эйдос, 2009. – С. 218.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

шим одна за другой – Яном Амосом Коменским (1592 – 1670) и Иоганном Готфридом Гердером (1784 – 1791). Важно, что мы здесь имеем дело не с отдельными идеями, а с концептуальным их оформлением, осуществленным указанными мыслителями.

Исследование для более точной оценки осуществляется от последующего периода к предшествующему, целесообразно осуществить рассмотрение взглядов И. Гердера, чтобы сначала отметить новаторские элементы в движении мысли, исследуя нюансы нарастания смыслов, уловив некую высшую точку этого движения, а затем провести типологический анализ, выявляя общие черты и давая им оценку. Обращаясь к более позднему периоду, мы можем оценить те моменты эволюционного характера, которые подготавливались предшествующим периодом. То есть, рассматривая концепции и понятия, возникающие и развивающиеся на протяжении длительного времени, мы можем взглянуть на проблемы объемно, учитывая фактор историчности. Это особенно важно с учетом особого внимания Гердера к принципу исторического, что справедливо отмечено исследователем: «Итак, историзм, который, как мы уже неоднократно отмечали, отличает Гердера как философа, является определяющим и в его подходе к эстетике»[3]. Тем не менее, существуют и другие суждения на этот счет. Так, критикуя В. И. Герье, автор статьи пишет: «Герье полагал, что имеется особо много общего между Вико и Гердером, однако такое сближение представляется не совсем правомерным»[4]. Аргумент автора, ссылающегося на «ограниченную временную перспективу», связан с переносом критических замечаний с Герье на Гердера, по существу, отказывая обоим в историчности. Ввиду различия оценок и принципиальности вопроса представляется необходимым более тщательное его рассмотрение при особом внимании к контексту и выявлении сопутствующих термину «культура» понятий.

Иоганн Готфрид Гердер как яркий представитель эпохи позднего Просвещения сформулировал ряд ценных идей концептуального свойства относительно природы культуры и ее отличительных особенностей. Эти идеи, кроме прочих работ, были изложены в его фундаментальном труде «Идеи к истории философии человечества». Название этого труда симптоматично, поскольку феномен истории оказывается ключевым в культурно-антропологическом подходе Гердера. Культура обладает свойством быть транслируемой в историческом измерении, при этом взаимосвязь здесь такова, что язык и традиция обеспечивают само историческое существование культуры. Переходный исторический момент – от Просвещения к Романтизму, несомненно, сказался на творчестве Гердера, необыкновенно чуткого к феномену исторического, столь актуального для романтиков.

В основе концепции культуры как развивающегося исторического целого у Гердера лежит идея человека, рассматриваемого как природное существо, отсюда его мысль о параллелизме, доходящем до слияния истории природы и истории общества. Эволюция природного мира, проходящего этапы от неорганической материи до живых существ, как считал мыслитель, переходит на качественно иной уровень, отмеченный появлением человека в качестве духовного существа. Здесь выражена мысль Гердера, которую по аналогии с идеями Я. А. Коменского можно назвать принципом природосообразности. Вместе с тем культурное содержание человека выделяет его из царства природы, и это

[3] Гулыга, А. В. Гердер. – Москва: Мысль, 1975. – С. 123.
[4] Носков, В.В. «Философия истории» В.И. Герье // История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье. – М.: ИВИ РАН, 2008. – С.334.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

содержание является следствием активного воздействия человека на природу, то есть, доминантным, согласно представлениям обоих мыслителей, оказывается деятельностный момент, очевидное проявление которого и манифестирует рождение культуры. Таким образом, актуализируется мысль о своего рода принципе дополнительности – предзаданность природного процесса, объективность которого не подвергается сомнению, подпитывается субъективным фактором, проявленном в деятельности человека.

Поэтому важно отметить, что культура выступает у Гердера как бы самостоятельным феноменом, это независимый, вполне автономный фактор, знаменующий новый этап в исторически эволюционном процессе, который в конечном итоге формирует человека в роли духовного существа. Но Гердер, кроме того, ввел принцип целесообразности, объявляя целью человеческой жизни в культурном смысле осознанное осуществление человеком гармонического развития своей личности. Поэтому размышления Гердера о человеческой жизни в культуре как жизни исторической, способствовали формированию идеи человека как личности, особенно еще и потому, что за основу он берет исторический в его основе принцип разнообразия (это касается описания им рас как человеческих сообществ). Форма, в которой идея исторического воплотилась в концепции Гердера, это исторический организм. Р. Коллингвуд, отмечавший «расширение диапазона исторической мысли» и «романтическую симпатию к прошлому» указал не только на Винкельмана, применившего принцип исторического к искусству, обретшему историческое измерение, но и на Гердера: «Впервые, – писал он, – наиболее глубоко это новое отношение к прошлому отражено в работе Гердера»[5]. Узость подхода Гердера заключается в том, что «природа человека остается человеческой природой, все еще природой, а не духом»[6]. С этих позиций расы у Гердера внеисторичны, а законы как маркеры политической жизни не имеют ничего общего с сознанием законов как признаком истинно исторического. Идея истории, согласно Коллингвуду, только у Канта связывается с духом, проявляющемся в автономии субъекта и история выступает как воспитание человеческого рода. Однако, обращение к текстам Гердера не позволяет делать таких резких выводов. Следует учитывать другой ракурс рассмотрения действительности Гердером вовсе не чуждого феноменальному, а, скорее, наоборот, подходящего к актуальности феноменов через понятие эстетического, приобретающего у него чуть ли не онтологический смысл. Само чувство прекрасного, пробуждающееся в человеке, имеет тенденцию к изменению. В этом он солидарен с В. Винкельманом, впервые, как известно, применившим принцип исторического к искусству, но для Гердера этот принцип носит более всеобщий характер и распространяется на исторический процесс в целом. Сознательно избегая понятия «раса», чему он дает обоснование, Гердер подчеркивает момент разнообразия, наблюдаемого в людском сообществе, отрицая фактор неизменности. Так, рассматривая вопрос об особенностях людей, объединенных в сообщества, Гердер отмечает, что наблюдаемые изменения – «лишь оттенок великой картины», и что «переходы подвижны и незаметны»[7]. Любопытны, например, размышления Гердера о

[5] Коллингвуд, Р. Идея истории / Пер. Ю. А. Асеева. – Москва: Наука, 1980. – С. 86.
[6] Там же. С. 88.
[7] Гердер, И.: Иоганн Готфрид Гердер. Идеи к философии истории человечества / Пер А. В. Михайлова. – Москва: Наука, 1977. – С. 172.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

свойстве «расширения религии», на которые мыслитель указывает, рассуждая о падении Персии: «вера их обогатилась воззрениями тех народов, к которым забросила их судьба». Так он подчеркивает «живые влияния мира», используя характерное для его миропонимания выражение «религия живет»[8]. Само слово «традиция», использование которого свидетельствует о том, что оно выполняет устойчивую роль термина в концепции Гердера, подчеркивает идею развития в широком историческом плане и насыщает глубоким смыслом понятие «культура». Этой же идее способствуют понятия «сила» и «форма», знаменующие поступательное движение. То, что Гердер упоминает как человечность чувств очень похоже на сформировавшееся понятие духа, хотя наиболее отчетливо эту мысль Гердера выражает формула: «царство человека – система духовных сил»[9]. Как уже отмечалось, для формирования термина «культура» как понятия у Гердера большую роль сыграл момент эстетического. Не случайно В. Дильтей назвал эпоху Гердера, Гете и Шиллера «эстетической эпохой»[10].

Идеалы эпохи Просвещения, а затем и Романтизма складывались постепенно, потому представляет научный интерес обнаружение аналогий в мысленных построениях такого предшественника Гердера как выдающийся мыслитель, педагог и религиозный деятель Ян Амос Коменский. Особенно это важно с учетом своеобразия творчества Коменского как мыслителя, опередившего время. Своеобразие проявилось в свойстве диалогичности, о которой исследователь наследия Коменского С.М. Марчукова пишет: «Она отражает существенный аспект философско-педагогического фундамента его наследия, не совпадающий с основными тенденциями эпохи»[11]. Отношение Гердера к Коменскому прояснено, благодаря специальному исследованию творчества Гердера: «Гердер преклонялся перед В. Пенном, Я. А. Коменским, Ш. Сен-Пьером, разрабатывавшим проблему вечного мира»[12]. Уточним данное мнение исследователя, полагающего, что указанные предшественники Гердера обращались только к правовому аспекту вопроса. На самом деле оба мыслителя единодушны, Коменский, как и Гердер рассматривал нравственную сторону проблемы в духе Писем о поощрении гуманности. Что касается Гердера, задавшегося вопросом о способах воспитания людей в соответствии с идеей человечности, то он обратился к теме воспитания и просвещения, предложив целый ряд мирных принципов, призывая транслировать их в обществе.

Говоря о том, что человек рожден для общества, Гердер разделял общество и государство, называя государство машиной: «Любое государство как таковое, есть машина, а у машины нет разума, по каким бы разумным образцам она ни была построена»[13]. Коменский следовал свойственной мировоззрению его эпохи, начиная с Декарта, парадигме, изображающей весь мир в виде машины, но, как и Гердер, он решительно противостоял этой модели во имя победы человеческого начала, что и продемонстрировал своим сочинением «Лабиринт мира и рай сердца». Что касается Гердера, то гуманистические интенции его, как теолога, по-

[8] Там же. С. 326–327.
[9] Там же. С. 700.
[10] Дильтей, В. Воззрение на мир и исследование человека со времен Возрождения и Реформации. – М.: Университетская книга. – Москва – Иерусалим, 2000. – С. 294.
[11] Марчукова, С. М. О парадоксах восприятия педагогического наследия Я. А. Коменского // Ян Амос Коменский и Дмитрий Чижевский: диалог идей. Коллективная монография под ред. С. М. Марчуковой и Р. Мниха. – Siedlice, 2015. – С. 88.
[12] Гулыга, А. В. Гердер. – М.: Мысль, 1975. – С. 93.
[13] Цит. по кн: Гулыга, А. В. Гердер. – М. Мысль, 1975. – С. 87.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

зиции очевидны: «Слово Гердера, – писал А. В. Гулыга, – направлено к Человеку независимо от его общественного положения. Его он призывает действовать во имя свободы, просвещения и благополучия людей, служить человечеству»[14]. Действительно, мышление Гердера масштабно – оно отвечало историческому измерению.

Для Коменского понятие «культура» тоже сопряжено с историческим сознанием, не случайно главным признаком образованности он считал «сохранение памяти о прошлых событиях»[15]. Важно и упоминание Коменского об историчности философии. У Коменского мы обнаруживаем также рассуждение об органичном «сочетании элементов традиции и новейшего опыта освоения книжной культурой»[16]. Концепция культуры у Коменского сочеталась с гуманистическим пониманием роли книги в человеческой истории. Особенность такого отношения подчеркивает исследователь: «Прагматическое отношение к книге, характерное для наступавшего Нового времени, сочеталась у Коменского с традиционным для средневековой и гуманистической культур пиететом по отношению к книге как форме интеллектуальной коммуникации»[17]. Существует точка зрения, согласно которой Коменский провозглашается «систематичным теоретиком культуры» (systematischen Kulturtheoretiker)»[18]. Такое определение слишком радикально, учитывая, что Коменский все же не был культурологом и системный подход применил только к созданной им науке дидактике. Вместе с тем, нельзя не отметить его вклад в становление и другой, принципиально новой для XVII века области знания – культуроведения. Известно, что Коменский наряду с фундаментальным принципом природосообразности, постулируемом в дидактике, гуманистической в своей основе области знания, следовал парадигме культуросообразности и провозгласил искусство как наиважнейшее средство для творчества человека (artis cognitio). Есть у Коменского и ряд значимых выражений типа «человеческая культура» (humanae culturae). Как замечает исследователь, Коменского интересовал «процесс восхождения от неживой природы через живую природу до мира рациональных и социальных людей»[19]. И это первое, что особенно роднит его с Гердером. Еще более выразительны мысли Коменского о всеобщей культуре, понимаемой им, прежде всего, как образовательной, но и в гораздо широком смысле, поскольку он говорил о взращивании в ребенке «универсальной культуры духа» (universalem animorum culturam). В. Дильтей, отмечая родство мыслей Гете с позицией Гердера относительно масштаба тела живого существа, отмечал, что «этот масштаб высоко духовен» и что: «главная мысль этого раздела состоит в понимании индивида, его внутреннего духовного единства…»[20]. То есть, концептуально Коменский и Гердер единомыш-

[14] Гулыга, А. В. Гердер. – М.: Мысль, 1975. – С. 87.
[15] Коменский, Я.А. Об искусном пользовании книгами – первейшем инструменте природных дарований. –Прага, 1970. – С. 9.
[16] Степанова, А. С. Тема книги и чтения в концепциях Я. А. Коменского и Г. Сковороды // Ян Амос Коменский и Дмитрий Чижевский: диалог идей. Коллективная монография под ред. С. М. Марчуковой и Р. Мниха. – Siedlice, 2015. – С. 200.
[17] Мельников, Г. Книга в концепции пансофии Коменского // Книга в пространстве культуры. Тезисы научной конференции. – М. 1999. – С. 35.
[18] Popelová, J. Die Kulturbegriff Komenskýs // Acta Comeniana. – 1983. – Т. 29. – Bd. 5. – P. 18.
[19] Michel, G. Die Kulturbegriff des J. A. Comenius // Sympisium Comenianum, 1986. – Praga, 1989. – P. 91.
[20] Дильтей, В. Воззрение на мир и исследование человека со времен Возрождения и Реформации. – М.: Университетская книга. – Москва – Иерусалим, 2000. – С. 306–307.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

ленники в отношении признания органичного единства понятий «культура» и «дух».

Коменский не случайно употреблял термин cultura в своем трактате «Великая дидактика», соотнося его с понятием «образование», часто трактуемом им как творчество. Вопрос об использовании Коменским понятия «культура» в приближенном к современному значении подлежит дальнейшему исследованию, хотя анализ слов-синонимов у Коменского, претендующих на роль культурологических, как отмечает исследователь, показывает, что «богатая языковая палитра и внимание автора к конкретным смысловым оттенкам исключает возможность использования им понятия cultura для обозначения общего «возделывания», развития человека»[21]. Действительно, культура в понимании Коменского связана с образованием, что предполагало соединение чтения с обучением. Отношение Коменского к соотношению образования и культуры прослеживается терминологически: «Термин erudition (обучение, просвещение), который у Цицерона выступает в значении культуры, Коменский все чаще дополняет термином cultura»[22]. Более того, «формируя человека, – утверждал Коменский, – надо образовать его в целом (totaliter forment)» (Didactica Magna, XVIII 11)[23]. Принцип целостности – это также то, что объединяло позиции Коменского и Гердера, определяемые их мировоззрением. В этом отношении Коменский опережал свое время – рамки аналитики и рационализма эпохи раннего Нового времени оказались для него узки, поэтому выявляя типологическое сходство двух подходов мы должны указать именно на мировоззренческое сходство. Важно, что чешский мыслитель, теоретик педагогики, принцип целостности распространил на сферу образования – идеи просвещения были для него наиважнейшими в системе ценностей, и в этом можно обнаружить сходство с позицией Гердера. И, конечно, общее обозначалось здесь антропологической доминантой – забота о человеке была определяющей. Педагогическое мастерство и способность чтения Коменский именовал искусствами. Более того, у Коменского чтение и обучение становятся образом жизни, именно их соединение при наличии деятельностного подхода позволяет преобразовать человеческую жизнь в соответствии с идеалами справедливости, поскольку, согласно Коменскому, такое преобразование может осуществить только просвещенный человек. Для сравнения: понятие «культура» поставлено Гердером в один ряд с гуманностью и просвещенностью. Поэтому не случайно принцип природосообразности и у него, как у Коменского, был дополнен принципом культуросообразности и оба принципа были органично вплетены в принцип гуманности, не случайно гуманность Гердер провозгласил целью человеческой природы, проходящей в своем развитии ряд ступеней культуры, которую он понимал масштабно.

В таком видении получила отражение определяющая тенденция концептуализации понятия культуры. Для Гердера представление о культуре связано с феноменом эстетического, который в его понимании глубоко человечен. Выводя прекрасное за пределы понятийной сферы, Гердер не просто подчеркивал ограниченность подхода Канта, но и подчеркивал все-

[21] Янутш, О. А. О понятиях «культура» и «образование» в работе Я. А. Коменского «великая дидактика» // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2015. – 1(78). – С. 155.
[22] Степанова, А. С. Ян Амос Коменский и Сенека: генезис философско-образовательного проекта / Schole. Журнал античной философии и культуры. – 14 (1). – 2020. – С. 213.
[23] Коменский, Я. А. Великая дидактика (Didactica Magna), пер. лат. текста А. Адольфа и С. Любомудрова. – М.: изд. К. И. Тихомирова, 1896. – С. 305.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

общность эстетического. И эта всеобщность, выражающаяся в чувствах, обретает полноту именно в человеке, причем таким образом, что, как отмечает исследователь, «божественное начало уступает у него место человеческому, антропологическому»[24]. Деятельностное освоение действительности человеком, что особенно подчеркивается в данной концепции, представляется Гердеру именно эстетическим ее освоением, отсюда обертоны мысли о ее очеловечивании. В конечном счете, согласно Гердеру, все способности человека, включая разумную, есть способности души, которая причастна прекрасному через посредничество чувств. И понятие воспитания у Гердера тоже чувственно окрашено.

Таким образом, общее в позициях Коменского и Гердера обусловлено возрастанием фактора исторического сознания и, одновременно, внимания философов к феномену исторического, начиная с XVII века, достигшего кульминации в XIX веке у романтиков. Не случайно и проявление романтических тенденций в творчестве обоих. Отмечается также возрастание антропологической доминанты в концепциях как Коменского, так и Гердера, адептов гуманизма, в проекции формирования новых воззрений на человека. Вместе с тем для Гердера в отличие от Коменского историческое играло ведущую роль и определяло концептуальное ядро его понимания и определения культуры. Кроме того, культура, согласно Гердеру, обретает глубокое содержание только в его отношении к эстетическому. Коменский, будучи предтечей Просвещения, формулируя определение культуры, сосредоточил внимание на педагогическом учении, проявленном в дидактике, и «культура» у него выполняет еще роль концепта, смысловой ряд которого он только лишь выстраивал, а не понятия, поэтому так размыто смысловое поле и присутствует такое разнообразие терминов. Подход Гердера вполне определенный, термин «культура» уже вырос до понятия и отличается широтой, поскольку саму культуру, включая искусство и политику, он как философ истории, рассматривал исторически, что соответствовало его эпохе.

[24] Гулыга, А. В. Гердер. – М.: Мысль, 1975. – С. 127.

Список литературы

Бондарев, А. В. Эпистемологические проблемы изучения истории культурологии: научно-исследовательские и учебно-методические аспекты // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2021. – № 3 (101). – С. 6-22.

Гердер, И.: Иоганн Готфрид Гердер. Идеи к философии истории человечества / Пер А. В. Михайлова. – М.: Наука, 1977. – 703 с.

Гулыга, А. В. Гердер. – М.: Мысль, 1975. – 179 с.

Дильтей, В. Воззрение на мир и исследование человека со времен Возрождения и Реформации. – М.: Университетская книга. – Москва – Иерусалим, 2000. – 463 с.

Коллингвуд, Р. Идея истории / Пер. Ю. А. Асеева. – М.: Наука, 1980. – 485 с.

Коменский, Я. А. Великая дидактика (Didactica Magna), пер. лат. текста А. Адольфа и С. Любомудрова. – М.: изд. К. И. Тихомирова, 1896. – 596 с.

Коменский. Я. А. Об искусном пользовании книгами – первейшем инструменте природных дарований. – Прага: Stat. ped. nakl. – Москва: Просвещение, 1970. – 31, 27 с. на отд. л. в папке.

Марчукова, С. М. О парадоксах восприятия педагогического наследия Я. А. Коменского // Ян Амос Коменский и Дмитрий Чижевский: диалог идей. Коллективная монография под ред. С. М. Марчуковой и Р. Мниха. – Siedlice, 2015. – С. 85–100.

Мельников, Г. Книга в концепции пансофии Коменского // Книга в пространстве культуры. Тезисы научной конференции. – М., 1999.

Носков, В. В. «Философия истории» В. И. Герье // История идей и воспитание историей: Владимир

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

Иванович Герье. – Москва: ИВИ РАН, 2008. – С. 324–337.

Степанова, А. С. Тема книги и чтения в концепциях Я. А. Коменского и Г. Сковороды // Ян Амос Коменский и Дмитрий Чижевский: диалог идей. Коллективная монография под ред. С. М. Марчуковой и Р. Мниха. – Siedlice, 2015. – С. 199–209.

Степанова, А. С. Ян Амос Коменский и Сенека: генезис философско-образовательного проекта / Schole. Журнал античной философии и культуры. – 14 (1). – 2020. – С. 210–217. DOI:10.25205/1995-4328-2020-14-1-716-732

Тарасова, О. И. Инвариант как культурологическая категория // Фундаментальные проблемы культурологии. Теория и методология современной культурологии. – М.-СПб.: Новый хронограф – Эйдос, 2009. – С. 218–229.

Янутш, О. А. О понятиях «культура» и «образование» в работе Я. А. Коменского «великая дидактика» // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2015. – 1(78). – С. 152–156. DOI: 10.52173/2079-1100_2024_3_6

Michel, G. Die Kulturbegriff des J. A. Comenius // Symposium Comenianum, 1986. Pr., 1989. – P. 89–95.

Popelová, J. Die Kulturbegriff Komenskýs // Acta Comeniana. – 1983. – T. 29. Bd. 5. – P. 5–19.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

 DOI: 10.52173/2079-1100_2025_3_33

Anna S. STEPANOVA

Herzen State Pedagogical University of Russia
48, Moika emb., Saint Petersburg, Russian Federation 191186
Professor, Department of Philosophical Anthropology and History of Philosophy
Doctor of Science in Philosophy, Professor
ORCID 0000-0001-5287-3768
E-mail: A-Step@mail.ru

CONCEPTUALIZATION OF THE CONCEPT OF CULTURE IN THE WORKS OF J. G. HERDER AND J. A. COMENIUS

The main points for consideration in this article consist in about formation concepts of culture such the famous men of science as Herder and Comenius, which belong to different epoch. It is remarkable that the common opinions can be formed from the development factor historical reason, in XVII siècle begin, and due to the fact that the ideals of new anthropology raised. The interest of Comenius was connected with the education, and developed this theme he considered the phenomenon «culture». The investigation show, that «culture» was for him only concept, not notion, the difference terms he used this prove. Herder treat «culture» quite clearly and at the same time increase, historical and aesthetic, so it namely definition, heist appointment and purpose man. Also, the culture at Herder distinguishes oneself by autonomy. However, a marked difference to the common understand unity phenomena «culture» and «spirit» are corresponded.

Keywords: Herder, Comenius, anthropology, humanism, spirit, historical consciousness, culture, tradition, aesthetics.

References

Gerder, I. (1977). *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Ideas for the Philosophy of the History of Humanity]. Trans. by A. V. Mihajlov. Izdatel′stvo Nauka. (In Russian)

Gulyga, A. V. (1975). *Gerder*. Izdatel′stvo Mysl′. (In Russian)

Dil′tej, V. (2000). *Vozzrenie na mir i issledovanie cheloveka so vremen Vozrozhdeniya i Reformacii* [View of the World and Study of Man since the Renaissance and Reformation]. Universitetskaya kniga. (In Russian)

Kollingvud, R. (1980*). Ideya istorii* [The Idea of History]. Trans. by Yu. A. Aseev. Izdatel′stvo Nauka. (In Russian)

Komenskij, Ya. A. (1896). *Velikaya didaktika* (Didactica Magna) [The Great Didactic]. Trans. from Latin by A. Adol′f and S. Lyubomudrov. Izdanie K. I. Tihomirova. (In Russian)

Komenskij, Ya. A. (1970). *Ob iskusnom pol'zovanii knigami – pervejshem instrumente prirodnyh darovanij* [On the Skillful Use of Books – the Primary Instrument of Natural Gifts]. Stat. ped. nakl.; Prosveshchenie. (In Russian)

Marchukova, S. M. (2015). *O paradoksah vospriyatiya pedagogicheskogo naslediya Ya. A. Komenskogo* [On the Paradoxes of Perceiving the Pedagogical Heritage of J. A. Comenius]. In S. M. Marchukova & R. Mnih (Eds.), Yan Amos Komenskij i Dmitrij Chizhevskij: dialog idej. Kollektivnaya monografiya (pp. 85–100). (In Russian)

Mel′nikov, G. (1999). *Kniga v koncepcii pansofii Komenskogo* [The Book in Comenius's Concept of Pansophy]. In Kniga v prostranstve kul′tury. Tezisy nauchnoj konferencii. (In Russian)

Noskov, V. V. (2008). *«Filosofiya istorii» V. I. Ger'e* [V. I. Ger′e's "Philosophy of History"]. In Istoriya idej i vospitanie istoriej: Vladimir Ivanovich Ger′e (pp. 324–337). Izdatel′stvo IVI RAN. (In Russian)

Stepanova, A. S. (2015). *Tema knigi i chteniya v koncepciyah Ya. A. Komenskogo i G. Skovorody* [The

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

Theme of the Book and Reading in the Concepts of J. A. Comenius and G. Skovoroda]. In S. M. Marchukova & R. Mnih (Eds.), Yan Amos Komenskij i Dmitrij Chizhevskij: dialog idej. Kollektivnaya monografiya (pp. 199–209). (In Russian)

Stepanova, A. S. (2020). *Yan Amos Komenskij i Seneka: genezis filosofsko-obrazovatel'nogo proekta* [Jan Amos Comenius and Seneca: Genesis of a Philosophical and Educational Project]. Schole. Zhurnal antichnoj filosofii i kul′tury, 14(1), 210–217.

Tarasova, O. I. (2009). *Invariant kak kul'turologicheskaya kategoriya* [Invariant as a Culturological Category]. In Fundamental′nye problemy kul′turologii. Teoriya i metodologiya sovremennoj kul′turologii (pp. 218–229). Novyj khronograf – Ehjdos. (In Russian)

Yanutsh, O. A. (2015). *O ponyatiyah «kul'tura» i «obrazovanie» v rabote Ya. A. Komenskogo «Velikaya didaktika»* [On the Concepts of “Culture” and “Education” in J. A. Comenius’s “Great Didactic”]. Izvestiya RGPU im. A. I. Gercena, 1(78), 152–156.

Michel, G. (1989). *Die Kulturbegriff des J. A. Comenius*. In Symposium Comenianum (pp. 89–95). (In German)

Popelová, J. (1983). *Die Kulturbegriff Komenskýs*. Acta Comeniana, 29(5), 5–19. (In German).

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

DOI: 10.52173/2079-1100_2025_3_43

Татьяна Александровна КОШЕМЧУК

| Антропология Андрея Белого как основание культурологической концепции (по материалам двухтомного издания «Истории становления самосознающей души») |

Татьяна Александровна КОШЕМЧУК

Санкт-Петербургский государственный аграрный университет
196605, Российская Федерация, Пушкин, Петербургское шоссе, д. 2.
Заведующая кафедрой иностранных языков и культуры речи
Доктор филологических наук, профессор
ORCID ID: 0000-0003-4606-2525
E-mail: koshemchukt@mail.ru

АНТРОПОЛОГИЯ АНДРЕЯ БЕЛОГО КАК ОСНОВАНИЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ДВУХТОМНОГО ИЗДАНИЯ «ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ САМОСОЗНАЮЩЕЙ ДУШИ»)

В статье рассматривается историософия Андрея Белого в ракурсе связи с его антропологической концепцией. Антропософская по своим истокам, она воплотилась в вершинном творении мыслителя – «Истории становления самосознающей души», изданном в двух томах в 2020 г. Материалом для анализа в статье является первый том «Истории становления самосознающей души», впервые опубликованный в названном издании, которое также в статье получает подробную характеристику при параллельном анализе идей Андрея Белого и комментариев к ним.

В статье характеризуется антропософская антропологическая терминология, относящаяся к концепции тройственной души человека, в которой действует «Я»: душа ощущающая, душа рассудочная, душа самосознающая. Становление самосознающего «Я» и есть сущность исторического процесса, как он показан Андреем Белым: человек, претерпевая постоянные трансформации, реализует все более высокие душевные слои, осуществляя предвечный антропологический замысел, воплощая шаг за шагом его задания – становление триединой души, ядром которой является «Я» человека. Каждой новой душевной способности соответствует целостная культурная эпоха, и выработанное в одной из них является зерном для развития в следующий культурный период, при этом становящееся высшее пронизывает нижележащие душевные пласты. Так, рассудочная душа, с ее новыми принципами, личностью и понятийным мышлением, перерабатывает душу ощущающую (душу образного сознания) и, в свою очередь, трансформируются далее в эпоху души самосознающей в индивидуальность и самосознание. Каждой эпохе соответствует свой строй и стиль мысли, и важнейший метод Андрея Белого в подходе к конкретным явлениям истории состоит в анализе стилистики мышления.

Характеризуя кратко предшествующие эпохи, в центр своего внимания Андрей Белый полагает последний исторический этап – *становление самосознающей души*: она рождается в христианстве в эпоху души рассудочной (в тысячелетней античной эпохе). Ранний этап ее становления подробно исследуется Андреем Белым в первом томе его «Истории…»: в соответствии с законом опережающего развития, некоторые души воплощают новый вид душевного устройства задолго до наступления его периода (таковы, к примеру, подробно описанные Андреем Белым апостол Павел, первый человек самосознания, или блаж. Августин). Далее частотность подобных явлений увеличивается, они становятся нормой к эпохе Возрождения. Зрелости душа самосознания достигает к XX столетию. Этот процесс становления показан в «Истории…» в свете важнейшего принципа: в историческом процессе созидается то, что задано самим устройством человека. Антропология не есть лишь основание историософской концепции Андрея Белого – таков вывод статьи, – но само его содержание и его смысл: творящий историю человек творит самого себя.

Ключевые слова: Андрей Белый, «История становления самосознающей души», антропософия Р. Штейнера, история культуры, сознание, самосо-

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

знание, антропология, душа ощущающая, душа рассудочная, душа самосознающая, культурные эпохи.

В новейшей литературе уже отмечалась роль Андрея Белого в генезисе российской культурологии, а также подчёркивалось, что в его антропософской концепции «заключен ещё вовсе не реализованный значительный плодотворный потенциал для современной культурологии»[1]. Попробуем выявить этот эвристический потенциал, а также попутно рассмотрим проблемы, возникающие в восприятии его антропософских идей у ряда современных исследователей[2].

Развитие – ключевое слово в антропологической концепции Рудольфа Штейнера, взятой Андреем Белым как единственное основание его итогового исторического сочинения о самосознании человека. Вопреки распространенным представлениям о неизменности человеческой природы, Штейнер говорил о ее постоянных трансформациях, и в зависимости от них выделял различные эпохи в истории становления человека. История культуры предстает в его изображении как история смены культурных эпох, перетекающих одна в другую, развивающих все более высокие способности человека – по строгим и познаваемым законам. Именно это, казалось бы, по самой сути своей, должна изучать современная наука культурология. Дается ли ею периодизация культуры, помимо основных, ставших классическими обозначений исторических периодов? Может ли она вскрыть сущность этой последовательности, показать, почему после одного следует именно то или иное другое, и ответить на вопрос: что именно подлежит развитию (*развитию)* в ней? Этот ведущий принцип нужно обозначить, прежде чем выстраивать периодизацию истории. Ведь *раз-вертывание* предполагает сверт, изначально данный.

В смене культурных эпох становится «Я» человека, его сознание и самосознание – из этого исходит антропософия Рудольфа Штейнера и историософия Андрея Белого. В целом в европейской философии теории сознания, словами К. А. Свасьяна, уделялось не много внимания: «тематический круг проблем вращался вокруг осей теории сущего, теории веры или (позже) теории знания»[3]. Но, чтобы понять логику мирового процесса, рассмотренного антропософией и описанного Андреем Белым, нужно обратиться именно к учению о человеке и его сознании.

«История становления самосознающей души» Андрея Белого, этот его монументальный труд, есть вершина его творчества и ключевое событие его биографии («…единственный ключ к теме всей моей био-

[1] Бондарев, А.В. Интеллектуальный ландшафт отечественного культурознания кон. 1910-х – нач. 1930-х гг.: предпосылки возникновения культурологии // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2024. – № 2 (59). – С. 21–22. См. также: Бондарев, А.В., Кошемчук, Т.А. Историко-культурологическая концепция Андрея Белого и проблемы её современного осмысления // Культура и образование. – 2021. – № 2 (41). – С. 96–112; Сугай, Л.А. Культура и культурология – термины и понятия (русский, славянский и общеевропейский контекст). – Banska Bysrica: UMB, Belianum. – 2019. – С. 82–91.

[2] Подробно об этом см.: Кошемчук, Т.А. Андрей Белый: отражения в зеркалах современности. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. – 132 с.

[3] Свасьян, К.А. Феноменологическое познание. Пропедевтика и критике. – Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1987. – С. 100.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

графии…»[4]). Для понимания ее концепции, итога целой жизни мыслителя, нужно начать именно с ее антропологического учения. Становящееся «Я» человека есть центр и смысл истории, формы его самореализации изменяются от одной культурной эпохи к другой. Эти периоды продолжают друг друга в сложнейших, но точно описываемых закономерностях. В течение бесчисленных веков формировалось тело человека (в тройственности телесных оболочек: тел физического, эфирного, астрального), далее – его душа и его сознание. Все более высокие слои души, заложенные в самое ядро человеческой индивидуальности как ее потенции, развертываясь, включались в развитие. Плод одной эпохи – та или иная способность души – становится зерном, из которого прорастает следующая эпоха, благодаря усилиям поколений, через бесчисленные препятствия, через срывы и подъемы – в единой мировой драме, влекомой от ее начала, после Пролога на небесах, к ее конечной точке, предустановленному финалу, на небесах же. Эта мистерия развернута в трудах Штейнера.

На отдельном ее периоде фокусируется мысль Андрея Белого, – на этапе самосознающей души, которому предшествовали периоды души рассудочной и ранее – души ощущающей. Это ключевые понятия антропологии, технические термины, которыми оперирует антропософия[5]. Душа человека – триединое целое, организуемое в единство благодаря его «Я». Душа несет в себе три отдельных звена, это низшее душевное звено, душа ощущения; среднее душевное звено, душа рассудка; и высшее – душа сознания. Штейнер не раз пояснял: если человек способен видеть в высших мирах, то он созерцает эти душевные звенья как отдельные образования внутри целостности.

В «Очерке тайноведения» Р. Штейнер описывает эти три душевных уровня исходя из действия «Я» в них. Знание, получаемое «Я» из внешнего мира, есть поток впечатлений, проходящий в душе ощущений. Он обретает устойчивую длительность в рассудочной душе, «Я» работает в ней в мыслях о мире как в своем внутреннем достоянии. В душе сознательной «Я» находится в своей собственной сфере – в познании себя как «Я», мысль обращена здесь на самое себя. И постепенно деятельность «Я» охватывает всю душу целиком. Вся культурная жизнь, – говорит Штейнер, – «состоит в работе, имеющей целью это господство Я»[6]. Причем каждый человек «занят этой работой, хочет ли он того или нет, сознает ли он этот факт или нет»[7]. Это та ключевая мысль Штейнера, которую Андрей Белый берет за основу в своем «студенческом семинарии»[8], как он характеризует свой труд по отношению к данному Р. Штейнером.

«Теософия» Р. Штейнера показывает тройственную душу в другом ракурсе: душа ощущающая – основа чувственных ощущений, через душу рассудочную к ним добавляется мышление. На третьем уровне к ним присоединяется воля – с ее помощью человек «напечат-

[4] Белый, А. Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Т. 105. – М.: Наука, 2016. – С. 27.

[5] Ниже изложена предельно кратко и схематично антропософская концепция триединой души. Об этой многосоставной и многоаспектной концепции см., напр.: Бондарев, Г. А. Триединый человек тела, души и духа: Опыт осмысления методологии науки о духе. – М., 1999. – 688 с.

[6] Штейнер, Р. Очерк тайноведения. – Ленинград: ЭГО, 1991. – С. 36.

[7] Там же.

[8] Андрей Белый. Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития // Андрей Белый. Символизм как миропонимание. – М.: Республика, 1994. – С. 483.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

левает свое внутреннее существо на внешнем мире»[9]. Когда на втором этапе в душу включается мышление, в нее входят истинное и доброе, а на третьем этапе душа связывает свое бытие с вечным бытием. В лекционных курсах Штейнер характеризовал триединую душу с различных точек зрения, так что, как и другие антропософские термины, она получает целый спектр определений – и лишь целый их круг даст понимание термина.

У Андрея Белого в его «Истории…» терминологический аппарат построен аналогичным образом: он дает целый ряд описаний того или иного явления, в вариативности и подвижности его смыслов, образующих композиционное целое, – в соответствии с типом мысли на этапе души самосознающей. Тогда как однозначность терминов присуща рассудочности предшествующего периода.

В этой статье дальнейшее рассмотрение историософской концепции Андрея Белого в ракурсе ее связи с антропологическим учением будет основываться на первом из двух томов «Истории становления самосознающей души»[10]. В нем опубликован наконец – через семь десятилетий после его создания – текст первой части главного труда Андрея Белого[11]. Ситуация уникальна даже для русского трагического XX века: лучшее творение мыслителя мирового уровня до сих пор остаётся непрочитанным. О непрочитанности его свидетельствуют не только посвященные ему филологические статьи[12], не поднимающиеся до уровня понимания исследуемого, но и то издание, о котором здесь идет речь. Обратим внимание на перекосы в построении двухтомного издания. С одной стороны, подробнейшая история самой «Истории…», необходимые сведения о становлении текста, то, что и соответствует смыслу первого издания. С другой стороны, огромный раздел комментариев, так, в первом томе более 2100 пунктов – и при таком размахе удивляет отсутствие системности и логики в комментариях. Многие из них не соответствуют комментируемой мысли Андрея Белого: в них сообщается некая побочная и случайная информация, не связанная с обсуждаемой проблемой. Для прояснения мысли А. Белого, разумеется, обильно цитируется Р. Штейнер. Но, увы, при этом нарушается основной композиционный принцип штейнеровского наследия: его ядро – опубликованные им самим книги; далее периферию образуют многочисленные циклы лекций, в ближнем круге – проверенные им и подготовленные к изданию, дальний круг – публикации не просмотренных Штейнером текстов, порой в записях слушателей. Особый слой – эзотерические материалы, которые давались ближайшим ученикам и не подлежали публикации. Но и они опубликованы теперь, вопреки воле автора. Конечно, они являются значимым источником для исследования ситуации, но к изложенному в них нужно подходить с учетом природы этих текстов.

Комментируя ту или иную мысль Штейнера, подобает сначала дать основные сведения из его книг, а далее приводить, при необходи-

[9] Штайнер, Р. Теософия. Введение в сверхчувственное познание мира и назначение человека. – М.: Амрита, 2014. – С. 20.

[10] Андрей Белый. История становления самосознающей души. Кн. 1. – М.: ИМЛИ РАН, 2020.

[11] Второй дом «Истории…» Андрея Белого был опубликован в издании: Андрей Белый. Душа самосознающая. – М.: Канон+, 1999. При всем его несовершенстве он дал возможность читателям приобщиться к итоговому труду мыслителя уже 25 лет назад.

[12] Их значительный список см.: Одесский, М., Спивак, М., Шталь, Х. «Она – должна быть»: «История становления самосознающей души» Андрея Белого // Андрей Белый. История становления самосознающей души. Кн. 1. – М.: ИМЛИ РАН, 2020. – С. 82–83.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

мости, подробности из лекций с их иными ракурсами рассмотрения той же мысли. Тот комментарий, который предложен в двухтомнике, отличается очевидным (или нарочитым?) непониманием природы тех текстов, из которых бессистемно вырываются куски.

Прежде всего нужно обратиться к начальным словам в книге Андрея Белого – и, параллельно, к комментариям к ней. Этот первый фрагмент текста – тщательно выстроенный период, композицию которого слагает целый ряд мыслей. Только о нем можно было бы написать целую статью, размышляя о мыслительной стратегии Андрея Белого в его труде.

В этом фрагменте читатель встречает важнейшие термины историософского трактата – душа самосознающая (в названии) как предустановленная цель всего исторического становления в нашем периоде времени, душа рассуждающая и душа ощущающая как уже завоеванные душевные уровни, выработанные на предшествующих стадиях. Эти термины интуитивно понятны (ощущения, рассудок, самосознание), но все же полагается дать их точные определения, с современной точки зрения. Но Андрей Белый менее всего заботился о правилах и нормах рассудочной души и о читательских представлениях, когда писал свой труд в свои последние годы. Ему было не до заботы о будущем читателе, который не удосужится познакомиться с делом жизни Р. Штейнера. Андрей Белый фиксирует потоки открытий и аналитических проникновений, осмысляя мировую культуру, закрепляя на бумаге мыслительные труды более чем тридцатилетия. Однако отсутствие введения объясняется не только этим: употребляемые термины, обозначающие этапы истории, далее постепенно, шаг за шагом, проясняются и углубляются. Это принципиальная стратегия Андрея Белого, соответствующая логике не рассудочной, а самосознающей души: углубление и нарастание темы, подвижной и вариативной.

Уже в первом предложении, по сути, дается краткий абрис всей концепции, хотя речь идет о конкретном историческом моменте, о 5 веке н. э., о взаимодействии двух душ – души античности и нарождающейся варварской души Средневековья:

«В сумерках столетий, предшествующих средневековью – глухое брожение подсознания по существу варварской, европейской культуры; линии падения античной души противополагается линия поднятия души варваров: снизу вверх; брожение в физическом смысле, как бродяжничество, переходит в брожение ощущающей души (1); и – некая теплая, сердечная струя подъема подпочв античной души, ставших теперь почвой жизни, но осоляемой импульсом (2), жившим в разложенной теперь душе рассудка; более тысячелетия душа ощ<ущающая>, подстилая сознание античного мира, претерпевала переработку; за этот период то, что в ней жило, как реальность родового мифа, выявится, как вера в бытие родовых понятий, которую утвердит будущий реализм (3); пока же нет представления о родовых понятиях; жива лишь вера в тот род представлений, которые принесло с собой христианство; вера теперь то, что в третьем периоде (4) и жило, как миф (5)»[13].

Метафорически улавливаемое: *сумерки столетий*, *тьмы пятого века* (в сноске), как понимает читатель – конец античной эпохи; *глухое брожение* подсознания… Античная душа, в подпочве которой душа ощущающая, переживает падение, а душа варваров находится в

[13] Андрей Белый. История становления самосознающей души. Кн. 1. – М.: ИМЛИ РАН, 2020. – С. 84. Далее при цитировании этого издания страницы указываются в тексте в скобках.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

линии поднятия. В жизни рассудка выявляла себя античная душа, перерабатывая свою основу, душу ощущающую, которая выражала себя в мифе, преобразуя эту основу в родовые понятия. Рассудочная душа при этом претерпела изменения *импульсом*… Импульсом Христа, как точно понимает сведущий читатель. В *тьмах пятого века* подъем некой *теплой струи* души ощущающей связан с восприятием душой Импульса, в ней складывается вера в то, что принесло христианство; душа же рассудочная, с ее знанием, к тому времени, пройдя свой цикл, входит в стадию разложения. Вырастающей из подпочв ощущающей души вере противостоят понятия рассудка, отложения прожитой эпохи души рассудочной, теперь уже омертвевшие. Попытка опоры на *теплую* душу ощущающую влечет к реставрациям мифов третьей культурной эпохи. Но не в них суть исторического момента, итог в конце фрагмента таков: теперь главное в картине сознания – вера, то, что жило в предшествующем античном периоде как миф.

Так уже в первом же предложении трактата можно отметить мысль, ведущую к итоговому выводу этой статьи. О чем говорит здесь Андрей Белый: об устройстве человеческой души или об историческом процессе ее устроения? Антропология и историософия неразделимы в его размышлениях: история осуществляет антропологический предвечный замысел, выявляя и осуществляя шаг за шагом его задания. И исторические процессы, данные в кратчайшем абрисе, далее будут для Андрея Белого в центре внимательного *разгляда* (как он не раз выражался) в значительной части первого тома его «Истории…» – в главе 1 «Христианство как сверт истории» и в главе 2 «Упадок античной культуры».

В кратком же резюме первого предложения трактата – авторам комментариев простор для самовыражения. Сноска № 1 дает показательный пример *фактически ошибочного комментария*. Это сноска к «душе ощущающей», впервые употребленной, должна, очевидно, предложить читателю ее опережающее разъяснение. Комментатор же сообщает следующие сведения: «Три части единой души – 1) душу ощущающую (воспринимающую), 2) душу рассуждающую и чувствующую и 3) душу самосознающую – Рудольф Штейнер отождествил с тремя способностями души, о которых говорит Аристотель…»[14] (424). Речь идет о способности стремления, двигательной способности, разумной способности. Дается отсылка к циклу лекций Штейнера «Евангелие от Луки». Авторы комментариев, таким образом, полагают, что главное в штейнеровской концепции трех уровней души – их тождественность способностям души у Аристотеля. Это сопоставление можно было бы поставить на последнее место по значимости для понимания – связь понятий антропософии и понятий предшествующих эпох. Три способности души? Но со *способностями* Штейнер «отождествил» *части души*? Кроме алогизма, здесь ошибка фактическая: Штейнер не *отождествлял* эти понятия. Их *отождествляют* авторы комментария.

У Штейнера читаем о греках и Аристотеле: «…нашу душу ощущающую они называли оретикон, душу рассудочную – кинетикон и наконец, душу сознательную – это ценнейшее благо, приобретенное тогда человечеством, – они называли дианетикон»[15]. Здесь дается указании на те же, *наши*, сущности, о которых знали и греки (и даже дали им свои именования). Но понимание их не может быть тождествен-

[14] Андрей Белый. История становления самосознающей души. Кн. 1. – С. 424.
[15] Штейнер, Р. Евангелие от Луки. – М.: Антропософия, 2000. – С. 124.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

ным, ибо эти три части единой души были в греческую эпоху совсем иными. Душа самосознающая тогда еще только была дарована человеку. И наличие этих трех слов у греков лишь указывает на их знание об этой духовной реальности – трехчленности души.

Характерно и то, что комментаторы ссылаются не на важнейшие труды Штейнера, не на книги, им опубликованные, но на «Евангелие от Луки», цикл лекций, в котором о душе ощущающей сказано вскользь и лишь то, что процитировано.

Иное явление – излишние комментарии, не попадающие в суть проблемы. Выберем фрагмент о душе рассуждающей, в античный период становящейся и проникающей в душу ощущений как свою питающую почву и ее трансформирующей. Душа рассуждающая вырабатывает в самой себе – личность, отделяющуюся от родового начала, *прорезывающуюся* из него, «как росток, долженствующий стать многоветвистым древом» (98), перерасти в индивидуальное «Я». В мыслительной сфере душа рассудочная *отрезывает* себя от души ощущающей – понятием. Личность и понятие – признаки «жизни души рассуждающей», – пишет Андрей Белый. И, в созвучии с первой фразой трактата: Импульс Христа придаст *жизнь* душе рассуждающей и в ней душе ощущающей. Без него обе души останавливаются в развитии (что и произойдет на Востоке и что как тенденция сказалось в греческой мысли). И далее: «…культура мысли, совершенно конкретная в блестящий период развития греческой философии, постепенно выродилась в логическую спекуляцию, в силлогистическое колесо, в котором понятие, вытекая из понятия и протекая в понятия, возвращается к своему исходному пункту…» (99). Приведенное – только одна грань мысли Андрея Белого, рисующего во многих оттенках картину рассудочной античной мысли к I веку н. э.

Что же здесь нуждается в комментировании? Либо каждый ход мысли Андрея Белого, либо ничего в этом интуитивно ясном даже для неопытного читателя тексте. Читаем под сноской 15 к слову «колесо»: «Речь идет о том, что умозрение (спекулятивное рассуждение) не выходит за пределы умственной сферы, не вступает в эмпирическую реальность – то есть в мир чувственного либо сверхчувственного (мистического) опыта» (426). Но речь идет совсем не о том. Это пример пустой комментаторской мысли, не связанной с исходным текстом.

Очень часты в двухтомнике подобные излишние комментарии, нередко данные безосновательно, выводящие за рамки вопроса, обсуждаемого автором. Обращаюсь опять же к первому абзацу текста. Речь идет о вере, которая живет в душах в канун средневековья, – вера в то, что принесло с собой христианство; вера есть то, что жило как миф в третьем периоде. Что в этих мыслях Андрея Белого должно быть прокомментировано? Андрей Белый не приводит с самого начала хронологию периодов истории культуры. Он погружает читателя в свои тонкие проникновения в дух христианской истории. Из первого же абзаца явствует, что третий период – период души ощущающей, с ее стихией, мифом, отражается в четвертом периоде как вырабатываемые в душе рассудочной родовые понятия. Что же мы видим в комментарии, чем обогатит он восприятие мысли? Разумеется, ведь, комментатор не должен действовать вопреки авторской воле. Можно, конечно, заранее предупредить читателя, что речь идет о постатлантической, то есть современной эпохе, в которой Штейнер выделил периоды индийский, персидский, египетский, греческий, европейский и обозначил следующий, уже

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

близкий шестой – русский и завершающий – американский. Этого вполне достаточно, если, конечно, комментарий стремится быть в созвучии с комментируемым произведением. Надо ведь учитывать и существенный принцип Штейнера – давать только необходимые сведения в рамках рассматриваемой темы, никогда не сообщая оккультных фактов ради любопытства читателей или слушателей. Строгая мотивировка сообщаемого – важный принцип в сфере сверхчувственного познания. И вот комментарий: «Историю Земли Штейнер подразделяет на семь эр…» – далее следует перечисление. «В свою очередь постатлантическая эра распадается на семь культурных эпох: – протоиндийскую 8167–5567 до н.э. – протоперсидскую 5567–2907 до н. э. …» (424). И далее следуют точные даты остальных прошедших периодов. Дается ссылка на немецкое издание устных докладов Штейнера в 1920 году. Для чего сообщается подобное? Эти даты не могут вызвать ничего, кроме изумления. Откуда они? Как они возможны? И то, что в антропософии постепенно обосновывается Штейнером в отдельных циклах лекций на протяжении десятилетий, что мотивировано им детально, выглядит как… голословность и даже… невозможность.

Стоит обратить особенное внимание на отношение комментаторов к центральному событию истории в концепции Андрея Белого, о нем упомянуто в первой же фразе «Истории...» Можно было бы указать, что в четвертом периоде, центральном, происходит это важнейшее мировое событие – воплощение Христово, поворотный пункт мировой истории. «Христианство, как сверт истории» – так формулирует Андрей Белый в названии первой части своего первого тома. В начальном предложении говорится об *импульсе*. Читаем в краткой сноске – к слову «импульс»: «Подразумевается так называемый "Христов импульс"» (424). *Так называемый – кем* называемый? Разумеется, именно Штейнером и Андреем Белым. Но комментаторам нужно не только это отстраняющее словцо… но еще и кавычки! Дважды в одном примечании автор комментария дистанцируется от автора текста[16]. А далее и от христианства: когда на с. 465 комментирует «штейнеровское толкование евангелий» и пишет это слово со строчной буквы в лучших вульгарно-атеистических традициях. Вряд ли здесь опечатка. Что означает это событие в концепции Андрея Белого? Христос полагает начало новому этапу духовной истории человека, именно в этой точке на земле является душа самосознающая. Ее первыми носителями стали апостолы, и прежде всего, сознательно – апостол Павел. Это человек, в котором действует «ум Христов» (156), Павел – носитель веры, «нового опыта сознания» (151), он есть опыт соединения со Христом (153) в переживании перед Дамском, это «опыт о "Я" во Христе». И здесь Андрей Белый вслед за Штейнером употребляет еще один термин – «индивидуальность». Из личности в катастрофическом опыте Павла являет себя индивидуальность, вечное «Я» человека, в отличие от частного его проявления в конкретной и преходящей личности, то, что Павел подразумевает, когда говорит о том, что живет в нем Христос. В гнозисе Павла являет себя то,

[16] В кавычки далее комментаторами берется и слово «доктор», применяемое учениками к Штейнеру (доктор Штейнер, как обычно его называли): «В этих лекциях "доктор" различает…» (463). Еще более безвкусно употребляется этот же прием во вступительной статье: речь идет об аресте К.Н. Бугаевой и приводится запись Андрея Белого: «Взяли мою милую: Это значит – больше, чем жизнь. Убит!» (24). Далее авторы вступительной статьи: «После ареста "милой" Белый еще почти месяц жил в Детском Селе…» (25) – для чего нужно употреблять столь бесцеремонно это слово? Речь идет об аресте – Клавдии Николаевны Бугаевой.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

что было неведомо до христианства, новая способность познания себя – «этот орган в Павле есть самосознающая душа» (158).

Многие грани событий в Палестине 1 века н. э. описывает Андрей Белый, попутно разъясняя и свой метод. Он обращается к опыту критического изучения Павловых посланий и замечает: аллегорическое, рассудочное толкование Евангелий и посланий «невозможно, как невозможно толкование темы симфонии, которая может внушить с одинаковым правом не одну, а тысячи программ… У рассуждающей души нет органа, чтобы их взять, хотя условно; аллегорическое толкование Евангелий так же бесплодно, как вопрос о подлинности, или неподлинности; подлинность Евангелий – в созвучном с ними биении сердца…» И если Ренану и Толстому Евангелия не даются вовсе, то с критической школой Андрей Белый… нет, не *считается* с ней и не *опирается* на нее – как пишут комментаторы по поводу современной Андрею Белому литературы об обсуждаемом им вопросе. Да, Андрей Белый в курсе всех современных изучений, но он не «опирается» на них. Перечисляя послания, которые считаются подлинными, он замечает, что в своей «Истории…» цитирует как раз эти: «…мой метод, исходящий из разгляда стиля мысли, соответствующего целому, дает на этот раз показания, согласные с показаниями критиков текста: стиль мысли послания к Евреям – не Павлов…, но я не уступлю послания к Ефесянам, ибо в нем – дух Павла; коли оно не подлинно, то анонимный автор его – подлинный ученик Павла…» (160). В этом фрагменте речь идет о стиле как о *стиле мысли*, в этом своеобразие метода Андрея Белого – различение стиля мысли души ощущающей, души рассудочной и впервые явленной в Павле души сознательной. Андрей Белый добавляет: в Павле душа самосознающая – «разновидность вида, называемого душой рассуждающей; разновидность с тех пор повторяется; тональность ее звучит и в Плотине, и в Оригене, и в Августине, и в Абеляре; разновидность становится в 15-м столетии уже видом; род, душа рассуждающая, еще доминирует, но в формах явного вырождения <…>; в наше время самосознающая душа уже даже не вид, а род душевной жизни…» (159). Так в конкретной ситуации Андрей Белый показывает: ключевой момент антропологии и осевой момент истории – две стороны одной медали. В истории творится то, что задано самим устройством человека. Концепция последнего есть впрямую концепция истории с ее сменой культурных эпох. В новой эпохе новое сознание воплощается в душах с увеличивающейся частотностью, а то, что было опережением своего времени, как Павел в четвертом, античном периоде, становится постепенно нормой – начиная с эпохи Возрождения. Закон опережающего развития говорит о таком ходе процесса: некоторые души воплощают новый вид душевного устройства, новые способности задолго до наступления их периода. Характерно еще одно явление: сформированная новая душа пронизывает своими токами нижележащие пласты, преображая их. Отчасти в первом же предложении «Истории…» Андрей Белый касался этого: душа рассуждающая претворяет душу ощущающую. На новом этапе душа самосознающая перерабатывает рассудочную и ощущающую души – этот период длится до настоящего момента.

Становление христианской индивидуальности, в центре которой должно было быть открытое в христианстве «Я», – этот сложнейший процесс прослеживается Андреем Белым подробно, со всеми его трудностями. Первые его века, эпоха апологетов показана как «теснейшее переплетение гностицизма, античной

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

философии, мифологии с христианством» – из этой смеси «выныривают и лопаются, как пузыри, элементы, присущие душам: рассуждающей, ощущающей и самосознающей» (209). Различение этих элементов производится Андреем Белым по стилю мышления, и становление христианской мысли показано в драматическом сплетении с остальными элементами: начиная с внешних фактов в биографиях, например, Василия Великого или Григория Назианзина. В итоге: борьба христианских апологетов с язычеством проводится средствами античной мысли, то есть рассуждающей души, замыкая в эту сферу и само осмысление христианства. Это сказалось позднее консервацией рассудочной души, особенно драматично – в эпоху прорастания души самосознающей: история церкви оказалась «спаянной» «с судьбами рассуждающей души» (211), тогда как культура творилась уже в сфере самосознания и оказалась как бы вне церкви.

Одним из осложняющих факторов эпохи стал гностицизм, который Андрей Белый определяет как «тенденцию древней души ощущений, души мифа, обрести античную мысль и ею опознать свои мифы» (109). И в связи с этой темой отметим еще один типичный в двухтомнике комментарий – *не о том*. К слову «мифы» читаем комментарий с номером 83. В нем комментаторы отсылают читателя к «Котику Летаеву» – эта повесть есть «объективация сознанием ребенка истории философской мысли»[17] (432). «Анаксимандр, Фалес, Гераклит, Эмпедокл пробегают по нашей квартире на чувственных знаках…». И в завершение: историю античной мысли «надо вспомнить из себя» (432). Эта художественная вариация мысли о повторении онтогенеза в филогенезе небезынтересна, но она не имеет отношения к теме. Столь же бессмыслен и комментарий к завершающей фрагмент о гнозисе мысли о манихействе. Гнозис есть реакция «мумифицированной души ощущающей» (119), которая прореагировала на мысль четвертого периода. Манихейство, с его дуализмом, последняя из подобных реакций («как бы голос мумии»), «…его условная польза, по словам Р. Штейнера, глубокий разгляд корней зла, в предположении, что и зло в добро претворяемо, как уголь в алмаз» (121). Смотрим комментарий к слову «Р. Штейнер» под пунктом 188, отметив, что на 12 страниц текста ушло более сотни комментаторских статей! И вот качество их на примере сноски 188: «Ср. напр.: "Благодаря тому что часть света входит в злое, само злое преодолевается. В основе этого лежит то понимание зла, которое я часто разъяснял как теософское. Что такое зло? Это несвоевременное добро"» (440). У Андрея Белого речь идет о претворении зла в добро как импульсе манихейства, в комментарии – о теософском понимании зла как несвоевременного добра. Для чего дается эта мысль *не о том*? Возможно, комментаторы демонстрируют свою начитанность в штейнеровских текстах?

Нужно отметить еще одну разновидность недоброкачественных комментариев, это психологизирующие неуместные соображения. Если комментаторы поясняют: «А. Белый опирается на…» – то это звучит как их собственное предположение или даже открытие. Но чаще всего сам Андрей Белый, давая многочисленные отсылки к трудам современных ему ученых, отсылает читателя к этому источнику, о чем мы и читаем в его тексте. Только Андрей Белый указывает на источник иначе, а именно так, к примеру: «Сюда: С. Трубецкой: "Учение о Логосе"», а комментаторы дают свою версию,

[17] Объективация? Или детские образные представления, которые взрослым сознанием вскрываются как философемы античности?

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

отмечая, что «Белый опирается» на Трубецкого. В действительности, у Андрея Белого *опора* одна – антропософия. Сведения и факты в научных статьях он использует ради своей цели, поэтому отмечает научные источники именно этим редко используемым в настоящее время словом «Сюда: …». Говоря о гностицизме, он называет и Ю. Николаева, и В. Соловьева, а комментаторы указывают на этих авторов, не ссылаясь на его пометы. Корректно было бы написать: «Андрей Белый, согласно его пометам, учитывал такие-то источники…».

Теперь о самом «психологическом» открытии комментаторов. В сноске 175 сказано, что Андрей Белый в фрагменте о манихействе «опирается» на словарную статью И. Д. Андреева «Манихейство», и в качестве подтверждения приводится приблизительно созвучная фраза. Но Андрей Белый сам называет Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона как один из источников – среди ряда других. Любопытнее всего комментарий к фразе: «…с манихейством боролись: и Диоклетиан, и Феодосий, и Юстиниан, и Августин, и другие апологеты…». Комментатор в сноске 184 пишет: «Римские императоры парадоксально оказались в "тесном" перечислительном ряду с Августином и христианскими апологетами, поскольку, реферируя статью И. Д. Андреева, Белый опускал значительные части текста» (440). Это измышление о *реферировании словарной статьи* призвано, вероятно, поставить под сомнение оригинальность текста Андрея Белого, который, как получается, «склеивал» куски исходного текста, и потому получилось такое *парадоксальное* сочетание. Это соображение о «психологии творчества» Андрея Белого, увы, неосновательно. Ибо в тексте словарной статьи вовсе нет речи о борьбе Августина и апологетов с манихейством, так что тут нечего механически соединять якобы при *реферировании*. Нравится или не нравится комментаторам эта мысль о том, что борьба с манихейством велась на два фронта – со стороны власти и со стороны церкви, но это именно мысль Андрея Белого. И словарная статья тут ни при чем.

Из отмеченных выше мыслей Андрея Белого о гнозисе мы видим, что это течение было обращено в прошлое, а не в будущее, оно не стало одним из проявлений магистральной линии в становлении самосознающей души, уже зародившейся и проявившей себя в истинном гнозисе апостола Павла. Апологетике же и Августину, которые действительно боролись с гнозисом, посвящена в книге отдельная часть. И из ее конкретного материала, как всегда у Андрея Белого, из исторических фактов и из подстилающих их внутридушевных процессов, выводятся восполняющие соображения о процессе становления самосознающей души в целом, а также и о своеобразии того или иного мыслителя, о драматизме его путей в его эпохе.

И в этих процессах особое значение он придает блаж. Августину, который прочерчивает путь через все три душевных уровня: от души ощущающей в манихействе, пересекает душу рассуждающую в философии, которую изучает целенаправленно, в особенности Плотина, поднимается до души самосознания в обращении к христианству и в подходе к Павлу, в результате праксиса самопознания, погружения в свое «Я». Августин в ракурсе Андрея Белого особенно значим, ибо в итоге своего пути он вырастал из личности в индивидуальность, наперед прочерчивая европейские пути. Но в своем пятом веке Августин в теориях своих оставался в сфере рассуждающей души, используя ее средства, не имея других. Так Андрей Белый показывает в судьбе Августина не только опережение в пути к индивидуальному

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

«Я», но и те порой неодолимые препятствия, которые несет в себе эпоха. Августин, как описывает Андрей Белый, в праксисе самопознания обрел точку для построения христианской картины мира, преодолевая в себе раздвоенность: греховного и претворенного в добро (этого не удалось достичь гностикам). Об этом говорит Андрею Белому стиль мысли в «Исповеди». Но обретение не было полным: все же бездна, раздваивавшая гностические души, выросла в нем вновь в последний период – импульсы самосознания не могли одолеть рассудочную душу, соединявшую мыслителя с его эпохой. Но отраженное в «Исповеди» самосознание рисует линию подъема как опережающее провозвестие, к которому смогут прийти только души эпохи Возрождения.

Можно было бы приводить и многие другие примеры анализа Андреем Белым конкретных персоналий, показывая, как в последующие эпохи совершались все новые прорывы к самосознанию, но в этой статье стоит остановиться лишь на этих первых событиях в истории становления самосознающей души. Завершить ее стоит упоминанием последней главы первого тома, которая называется – как это ни парадоксально с точки зрения современных академических правил – именно тем, с чего принято начинать: «Тема исследования». Эта глава еще раз резюмирует: первый том показывает ранние стадии становления самосознающей души, второй – созревание ее к XX веку. Этим заданием Андрей Белый объясняет свой принцип отбора исторического материала.

Итак, в «Истории становления самосознающей души» исторический процесс есть одновременно антропологический разворот, антропология не только основание историософской концепции, но само его содержание и его смысл: тот, кто творит историю (человек), творит самого себя. В предельном расширении Андрей Белый показал это единство двух сторон как единый процесс созидания новой иерархической ступени, собственно человека, десятой иерархии, как результата всего земного развития, от спуска человеческой души в земную материю и до итогового претворения мира. Отсюда и задача – «задача христианской мысли: в будущем дать систему, в которой инволюция и эволюция – составные части картины мира: эманация "Я" из Бога в материю и переработка самой материи самосознающим "Я" человека, возвращающим Богу материю и в этом возврате обретающим себя в Боге – рисует исторический процесс, как историю становления самосознающего "Я", в индивидуализации этим "Я" духа, души, тела и самой материи» (209). Проблема культурологии – это проблема постижения этого процесса в смене культурных периодов, ибо концепция целого уже дана. А продуктивность применения ее к конкретным изысканиям в конкретных областях многократно продемонстрирована Андреем Белым в его «Истории становления самосознающей души».

Список литературы

Белый, А. Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Т. 105. – М.: Наука, 2016. – 1120 с.

Белый, А. Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития // Белый А. Символизм как миропонимание / Сост., вступ. статья и примеч. Л. А. Сугай. – М.: Республика, 1994. – С. 418–493.

Белый, А. История становления самосознающей души. Кн. 1. – М.: ИМЛИ РАН, 2020. – 640 с.

Бондарев, А.В. Интеллектуальный ландшафт отечественного культурознания кон. 1910-х – нач. 1930-х гг.: предпосылки возникновения культурологии // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2024. – № 2 (59). – С. 19–24.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

Бондарев, А. В., Кошемчук Т. А. Историко-культурологическая концепция Андрея Белого и проблемы её современного осмысления // Культура и образование. – 2021. – № 2 (41). – С. 96–112.

Кошемчук, Т. А. Андрей Белый: отражения в зеркалах современности. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. – 132 с.

Одесский, М., Спивак, М., Шталь, Х. «Она – должна быть»: «История становления самосознающей души» Андрея Белого // Андрей Белый. История становления самосознающей души. Кн. 1. – М.: ИМЛИ РАН, 2020. – С. 5–83.

Свасьян, К. А. Феноменологческое познание. Пропедевтика и критика. – Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1987. – 199 с.

Штейнер, Р. Очерк тайноведения. – Ленинград: ЭГО, 1991. – 272 с.

Штайнер, Р. Теософия. Введение в сверхчувственное познание мира и назначение человека. – М.: Амрита, 2014. – 160 с.

Штейнер, Р. Евангелие от Луки. – М.: Антропософия, 2000. – 202 с.

Сугай, Л. А. Культура и культурология – термины и понятия (русский, славянский и общеевропейский контекст). – Banska Bysrica: UMB, Belianum, 2019. – 182 с.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

 DOI: 10.52173/2079-1100_2025_3_41

Tatjana A. KOSHEMCHUK

| Andrey Bely's Anthropology as the Basis of a Cultural Concept (Based on the Materials of the Two-Volume Edition of the History of the Formation of the Self-Conscious Soul) |

Tatjana A. KOSHEMCHUK

Saint Petersburg State Agrarian University
2., Peterburgskoe Highway, Pushkin, Russian Federation, 196605
Head of the Department of Foreign Languages and Culture of Speech
Doctor of Science in Philology, Professor
ORCID ID: 0000-0003-4606-2525
E-mail: koshemchukt@mail.ru

ANDREY BELY'S ANTHROPOLOGY AS THE BASIS OF A CULTURAL CONCEPT (BASED ON THE MATERIALS OF THE TWO-VOLUME EDITION OF THE HISTORY OF THE FORMATION OF THE SELF-CONSCIOUS SOUL)

The article examines the historiosophy of Andrei Bely in its relation to his anthropological concept. Anthroposophical in its origins, it was embodied in the thinker's supreme creation, the two–volume History of the Formation of the Self-Conscious Soul. The material for analysis in the article is the first volume of "History...", first published in 2020. Along the way, this publication also receives a detailed description in the article during a parallel analysis of Andrei Bely's ideas and comments on them in this publication.

The article characterizes the anthroposophical anthropological terminology related to the concept of the triple human soul, in which the "I" acts: the sentient soul, the rational soul, the self-conscious soul. The formation of a self-conscious "I" is the essence of the historical process, as it is shown by Andrei Bely: a person in its transformations implements higher and higher mental layers, realizing the eternal anthropological plan, embodying step by step its tasks – the formation of a triune soul, the core of which is the "I" of man. Each new mental ability corresponds to an integral cultural epoch, and the new capacity developed in one of them becomes the seed for development in the next cultural period, while it penetrates the underlying mental layers. Thus, the rational soul, with its new principles, personality and conceptual thinking, was transforming the sentient soul (the soul of imaginative consciousness) and, in turn, was transformed further in the era of the self-conscious soul into individuality and self-awareness. Each epoch has its own structure and style of thought, and Andrei Bely's most important method is to analyze the style of thinking.

Describing briefly the previous epochs, Andrei Bely places the last historical stage – *the formation of a self-conscious soul* in the center of his attention. It was born in Christianity in the era of the rational soul (in the thousand-year-old ancient era). The early stage of its formation is explored in detail by Andrei Bely in the first volume of his "History ...": in accordance with the law of advanced development, some souls embody a new kind of mental structure long before its period begins (such are, for example, the Apostle Paul, the first man of self-awareness, or Augustine, described in detail by Andrei Bely). Further, the frequency of such phenomena increases, they become normal by the Renaissance. The soul of self-awareness reaches maturity by the twentieth century. This process is shown in the light of the most important principle: what is created in history is determined by the very structure of man. Anthropology is not only the foundation of Andrei Bely's historiosophical concept, this is the conclusion of the article, but its very content and its meaning: a person who creates history creates himself.

Keywords: Andrey Bely, "The history of the formation of the self-conscious soul," R. Steiner's anthroposophy, cultural history, consciousness, self-awareness, anthropology, sentient soul, rational soul, self-conscious soul, cultural epochs.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

 DOI: 10.52173/2079-1100_2025_3_41

Tatjana A. KOSHEMCHUK

| Andrey Bely's Anthropology as the Basis of a Cultural Concept (Based on the Materials of the Two-Volume Edition of the History of the Formation of the Self-Conscious Soul) |

References

Svas′ian, K.A. (1987). *Fenomenologcheskoe poznanie. Propedevtika i kritika* [Phenomenological cognition. Propaedeutics and criticism]. Erevan: Izdatel′stvo AN Armianskoĭ SSR. 199 p. (In Russian).

Belyĭ, A. (2016). *Avtobiograficheskie svody: Material k biografii. Rakurs k dnevniku* [Autobiographical codes: Material for a biography. Perspective to the diary.]. T. 105. M.: Nauka. 1120 p. (In Russian).

SHteĭner, R. (1991). *Ocherk taĭnovedeniia* [An essay on occult science]. Leningrad: ĖGO. 272 p. (In Russian).

Belyĭ, A. (1994). *Pochemu ia stal simvolistom i pochemu ia ne perestal im byt′ vo vsekh fazakh moego ideĭnogo i khudozhestvennogo razvitiia* [Why did I become a symbolist and why did I not cease to be one in all phases of my ideological and artistic development] // Andreĭ Belyĭ. *Simvolizm kak miroponimanie* [Symbolism as a worldview]. M.: Respublika. Pp. 418–493. (In Russian).

SHtaĭner, R. (2014) *Teosofiia. Vvedenie v sverkhchuvstvennoe poznanie mira i naznachenie cheloveka* [Theosophy. An introduction to the supersensible knowledge of the world and the purpose of man]. M.: Amrita. 160 p. (In Russian).

Belyĭ, A. (2020). *Istoriia stanovleniia samosoznaiushcheĭ dushi* [The history of the formation of self-aware soul]. Kn. 1. M.: IMLI RAN. 640 p. (In Russian).

Odesskiĭ, M., Spivak, M., SHtal′, KH. (2020). *«Ona – dolzhna byt′»: «Istoriia stanovleniia samosoznaiushcheĭ dushi» Andreia Belogo* ["It should be": "The history of the formation of self–aware soul" by Andrey Bel] // Andreĭ Belyĭ. Istoriia stanovleniia samosoznaiushcheĭ dushi [The history of the formation of self-aware soul]. Kn. 1. M.: IMLI RAN. Pp. 5–83. (In Russian).

SHteĭner, R. (2000). *Evangelie ot Luki* [The Gospel of Luke]. M.: Antroposofiia. 202 p. (In Russian).

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

DOI: 10.52173/2079-1100_2025_3_58

Виталий Геннадьевич АНАНЬЕВ

| И. И. Иоффе в Институте сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока / Государственном институте речевой культуры (1927–1935) (По архивным материалам) |

Виталий Геннадьевич АНАНЬЕВ

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48
Профессор кафедры искусствоведения и педагогики искусства
Доктор культурологии
ORCID: 0000-0001-7413-6339
E-mail: vgananev@herzen.spb.ru

И. И. ИОФФЕ В ИНСТИТУТЕ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКОВ ЗАПАДА И ВОСТОКА / ГОСУДАРСТВЕННОМ ИНСТИТУТЕ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ (1927–1935) (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)*

В статье рассматривается эпизод из научной биографии Иеремии Исаевича Иоффе (1888–1947) – видного отечественного историка и теоретика искусства, одного из непосредственных предтеч отечественной культурологии. В центре внимания автора статьи находится служба И. И. Иоффе в Институте сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока / Государственном институте речевой культуры в 1927–1935 гг. Этот научно-исследовательский институт являлся одним из важнейших центров гуманитарной науки Ленинграда и объединял в своих стенах ученых различной методологической направленности, работавших над общими исследовательскими темами. В 1927 г. в жизнь начал активно проводиться процесс советизации института, в связи с чем встал вопрос укрепления его состава марксистскими кадрами. В таком контексте И. И. Иоффе стал научным сотрудником института первого разряда, что, вероятно, было связано с приглашением сюда на руководящую должность его учителя и патрона В. А. Десницкого. Автор статьи, опираясь на материалы из Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб), Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), Санкт-Петербургского филиала Архива РАН и ряда других архивов, реконструирует деятельность И. И. Иоффе в этом институте.

Ключевые слова: И. И. Иоффе, Институт сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока, Государственный институт речевой культуры, В. А. Десницкий, культурология, история культурологии.

** Исследование выполнено при поддержке внутреннего гранта РГПУ им. А. И. Герцена «Формирование методологических основ научного искусствознания в Герценовском университете (1920–1960-е гг.): антропология знания».*

Имя Иеремии Исаевича Иоффе (1888–1947) принадлежит к числу имен, которые вспоминаются первыми, когда речь заходит о предтечах отечественной традиции культурологии. Сам использовавший понятие «культуроведение»[1], И. И. Иоффе является не только автором работ, в которых еще в 1920–1940-е гг. предпринимались попытки целостного рассмотрения феноменов искусства в рамках обобщающей парадигмы культуры, но и учителем Моисея Самойловича Кагана, который, в свою очередь, в 1970–1990-е гг. во многом завершил процесс выделения этой исследовательской парадигмы в особое дисциплинарное поле культурологии как науки. Научное наследие И. И. Иоффе, опреде-

[1] Иоффе, И. И. Культура и стиль. Система и принципы социологии искусств. Литература, живопись, музыка натурального, товарно-денежного, индустриального хозяйства. – Л.: Прибой, 1927. – С. 3.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

ленно, представляет в настоящее время отнюдь не исключительно историографический интерес, но может и должно быть актуализировано. При этом принципиально важным представляется понимание того конкретно-исторического (в том числе, и институционального) контекста, в котором создавались труды ученого. Это невозможно без обращения к его биографии, а последнее требует изучения архивных материалов, все еще не введенных в научный оборот в достаточной степени. В настоящей краткой статье рассмотрим один из эпизодов научной биографии И. И. Иоффе, прежде в научной литературе не освещавшийся, однако интересный и сам по себе, и как свидетельство некоторых более общих аспектов его биографии. Опираясь на материалы ряда архивов Санкт-Петербурга, постараемся проследить основные факты и обстоятельства, связанные со службой И. И. Иоффе в ленинградском Институте сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока и его преемниках – Государственном институте речевой культуры и Ленинградском научно-исследовательском институте языкознания (далее – Институт). Предварительно, однако, следует сказать несколько слов о самом этом учреждении.

Хотя Институт и являлся одним из наиболее важных центров отечественной гуманитарной науки в Петрограде-Ленинграде в первое послереволюционное десятилетие, его история все еще изучена фрагментарно. За исключением одной обобщающей статьи К. Брандиста[2], предметом изучения в историографии становились, как правило, лишь отдельные направления его работы – библиографические штудии[3], классическая филология[4], социолингвистика[5], история отечественной литературы XVIII в.[6] В статье, посвященной последней из названных тем, П. А. Дружинин впервые с опорой на архивные материалы привел и точные данные относительно обстоятельств создания Института.

Формально Институт возник как результат более обширной программы создания при университетах (в частности, Петроградском) специализированных научно-исследовательских институтов, развернутой Наркомпросом в 1921 г.[7] Институт, посвященный филологии, оказался в итоге единственным жизнеспособным из всех, созданных тогда при Петроградском университете. Последнее объяснялось тем, что в данном случае власти не создавали совершенно новое учреждение, а институционально оформляли то, что полустихийно возникло на факультете общественных наук еще в 1919 г. как Институт сравнительного изучения

[2] Brandist, C. The Institute for the Comparative History of the Literatures and Languages of the West and East (ILIaZV) // Central and Eastern European Literary Theory and the West. – Berlin; Boston: De Gruyter, 2022. – P. 152–163.

[3] Прозорова, Е.И. Литературно-библиографическая деятельность Научно-исследовательского института сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока (1921–1930 гг.) // Библиотековедение. – 2010. – № 3. – С. 38-44.

[4] Скворцов, А.М. Классическая филология в Институте сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока: Институциональный аспект // Индоевропейское языкознание и классическая филология. – 2023. – № 27-2. – С. 1049-1066.

[5] Brandist, C. Sociological Linguistics in Leningrad: The Institute for the Comparative History of the Languages and Literatures of the West and East (ILIaZV) 1921–33 // Russian Literature. – 2008. – Vol. 63. Pt. 2–4. – P. 171–200.

[6] Дружинин, П.А. Изучение русской литературы XVIII века в 1920-е годы (Группа XVIII века в ИЛЯЗВ и ГИРК) // Русская литература. – 2015. – № 2. – С. 230–241.

[7] Купайгородская, А.П. Недолгая жизнь Исторического научно-исследовательского института в Петроградском университете (1921–1923 гг.) // Страницы российской истории. Проблемы, события, люди. Сборник статей в честь Бориса Васильевича Ананьича. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – С. 302–308.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

литературы имени А. Н. Веселовского[8]. Эта «академическая надстройка» над университетом включала сотрудников, разделенных на три категории – действительных членов и научных сотрудников первого и второго разряда, последние из которых впоследствии были переименованы в аспирантов[9]. В 1923 г. была проведена реорганизация, в ходе которой за Институтом была закреплена самостоятельная научная деятельность, что уменьшило его связь с университетом[10]. В 1926 г. Институт ввели в структуру Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (созданной годом раньше, в 1925 г.), что означало больший контроль над его деятельностью со стороны Москвы. Уже в марте 1926 г. Президиум РАНИОН инструктировал Институт о необходимости актуализировать научную работу, ввести семинар по марксизму для аспирантов и уделять большее внимание требованиям современной жизни[11]. С мая 1927 г. производственный план Института должен был утверждаться в РАНИОН[12].

К этому времени Институт состоял из двух отделений – языка и литературы, каждое из которых делилось на ряд тематических секций. Так, в соответствии с предварительным проектом производственного плана на 1927–1928 г., отделение литературы включало в себя восемь секций: методологии литературы, исторической поэтики, международного литературного обмена, литератур древних, восточных, романо-германских, славянских, русской[13]. Задача секции методологии литературы определялась как «учет достижений предшествующей литературно-теоретической мысли и дальнейшая разработка вопросов литературоведения на основе диалектического материализма»[14]. Последнее было более чем актуальным в свете включения Института в систему РАНИОН и тех изменений в жизни научного сообщества, которые были вызваны общим наступлением партийно-государственной системы на науку. Но связать научный поиск с диалектическим материализмом было невозможно без соответствующих кадров. Это привело к обновлению состава Института.

Позже, в декабре 1930 г., на общем собрании сотрудников и аспирантов Института совместно с комиссией Рабоче-крестьянской инспекции по чистке учреждения Л. П. Якубинский (тогда ученый секретарь, а вскоре – директор новообразованного на базе старого института Государственного института речевой культуры) так вспоминал об этом времени и его месте в общей истории учреждения: с 1923 по 1926–1927 гг. продолжался первый период жизни Института, когда он представлял собой не самостоятельное учреждение, а большое научное общество, распадающееся на секции. Тогда предполагалось сосредоточить около Института все языки и литературы народов Востока и Запада, всех крупных ученых литературоведов и лингвистов: «Осуществить этого не удалось, главным образом, из-за недостатка материальной базы». И, что особенно важно в этом ретроспективном взгляде, Л. Н. Якубинский констатировал: «С методологической точки зрения в этот период в Институте господствовали фор-

[8] Дружинин, П.А. Изучение русской литературы XVIII века в 1920-е годы (Группа XVIII века в ИЛЯЗВ и ГИРК). С. 232–233.
[9] Там же. С. 233–234.
[10] Там же. С. 234.
[11] Brandist, C. The Institute for the Comparative History of the Literatures and Languages of the West and East (ILIaZV). P. 153.
[12] Ibid.
[13] Производственный план на 1927/28 год // ЦГАЛИ СПб. – Ф. 288. – Оп. 1. – Д. 39. – Л. 7.
[14] Там же. Л. 7 об.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

малисты, идеалисты». А вот в 1927 г., по его словам, уже стало понятно, что «нет науки вне политики», и тогда в Институте началась борьба с идеалистами и механистами. Последний период в жизни института начался в 1928 г. и проходил под лозунгом «лицом к общественности»[15].

В таких обстоятельствах здесь и появился И. И. Иоффе, начавший научную деятельность всего несколько лет назад, но к 1927 г. уже зарекомендовавший себя как ученый, склонный к теоретическим поискам в русле марксистской методологии. При этом, можно предположить и то, каковы были конкретные обстоятельства его приглашения.

26 января 1927 г. коллегия Института постановила привлечь к работам по методологии литературы В. А. Строева-Десницкого, И. Иоффе, М. Г. Майзеля и Е. Я. Рабинович. Двух последних наметили в сверхштатные научные сотрудники второго разряда, В. А. Десницкого в штатные действительные члены, а И. И. Иоффе в научные сотрудники первого разряда[16]. М. Г. Майзель и Е. Я. Рабинович (Мустангова) были начинающими критиками, активно писавшими на актуальные темы советской литературы. В академической среде они почти никак себя еще не зарекомендовали, но с учетом нового поворота в кадровой и исследовательской политике Института были более чем полезны[17]. Иное дело Василий Алексеевич Десницкий (Строев – один и его литературных псевдонимов) (1878–1958). Революционер с большим опытом подпольной работы, друг Максима Горького, член РСДРП, выпускник Дерптского университета, после 1917 г. он полностью отошел от политической деятельности и посвятил себя работе в области преподавания и изучения русской литературы. Он был одним из основателей Третьего педагогического института в Петрограде, ставшего в 1923 г. базой для создания Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена (далее – ЛГПИ). Занимал там должности проректора, декана, заведующего отделением и кафедрой, профессора. Вполне успешной академической карьере не помешало даже решение (вскоре отмененное) о высылке его в Вологду в начале 1920-х гг. Но, что особенно важно для нас, именно В. А. Десницкий был учителем окончившего ЛГПИ в 1923 г. И. И. Иоффе. Именно он ходатайствовал о его оставлении там же для преподавательской деятельности, он же рекомендовал и для зачисления на преподавательскую работу в Коммунистический университет им. Зиновьева, где по совместительству какое-то время заведовал сектором языка и литературы и в организации которого принимал участие[18]. Точно так же, вслед за В. А. Десницким начал И. И. Иоффе преподавать и в Петроградском университете. Можно предположить, что, когда из Института последовало предложение прийти сюда на штатную ставку действительного члена, В. А. Десницкий вспомнил о своем талантливом ученике и спротежировал и его приглашение. Показательно, что в выписке из заседания Коллегии Института Иоффе был упомянут даже без отчества, что может указы-

[15] Материалы по чистке аппарата // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 48. – Л. 12 об.-13.
[16] И.И. Иоффе // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 2. – Д. 102. – Л. 1.
[17] Они оба будут арестованы в 1936 г. в составе сфабрикованного спецслужбами дела «группы Г. Горбачева» – Ленинградских литераторов, якобы причастных к убийству С.М. Кирова. В 1937 г. расстреляны на полигоне в Сандармахе. В 1956 г дела за отсутствием состава преступления были прекращены и оба критика (как и их «однодельцы») реабилитированы.
[18] Десницкий В.А. Материалы к биографии // Музей истории РГПУ им. А.И. Герцена. – Д.-8 (Десницкий В.А.). – Л. 98.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

вать на слабое знакомство с ним приглашавших.

Сам В. А. Десницкий в области методологии изучения литературы к началу 1927 г. обилием работ похвастаться не мог. За его авторством пока числилась всего одна, но весьма актуальная для создавшихся условий книга – сборник статей и выдержек из более крупных работ классиков марксизма, посвященных проблемам искусства и литературы. Подготовленная в середине 1920-х гг., она создавалась в условиях, когда канонический вариант советского марксизма еще не был сформулирован, и содержала фрагменты текстов не только Ленина и Маркса, но и Г. Плеханова, Ф. Меринга и К. Каутского. А в кратком предисловии от составителя и вовсе констатировалось: «В книгах и статьях по вопросам искусства Луначарского, Троцкого, Аксельрода, Гаузенштейна, Воронского, Арватова, Лелевича, Аскольдова и др., в общих работах по историческому материализму (например, у Бухарина) читатель найдет много ценного, много остроумных постановок вопросов и интересных достижений, освещающих вопросы и теории, и практики искусства»[19]. Очень скоро упоминания даже одного из перечисленных в рекомендации составителя имен будет достаточно для перемещения книги в спецхран. Пока же это было возможно и сборник оказывался весьма полезным для перестройки работ по методологии изучения литературы. У И. И. Иоффе же в 1925 г. вышла небольшая книжка на тему «Кризис современного искусства», написанная как раз по результатам занятий со студентами Коммунистического университета. Методологии литературы в ней было немного. Едва ли в случае с приглашением в филологическое учреждение дело обошлось без протекции учителя. А в учителе Институт был явно заинтересован.

Как отмечалось в отчете группы методологии литературы за 1926–1927 гг., «[з]адачей группы явилось укрепление научного материалистического (марксистского) литературоведения в ИЛЯЗВ. Организация ее была поручена временному Президиуму в составе В. А. Десницкого-Строева, Г. Е. Горбачева и Н. В. Яковлева. На организационном собрании 26 февраля 1927 г. обнаружилось расхождение с академическим меньшинством, не пожелавшим признать полномочий Президиума как временного, на организационный период. В виду этого в тот же день состоялось повторное собрание, на котором группа была образована»[20]. Можно предположить, что эта констатация относится к событию, которое гораздо более ярко и детально нашло отражение в воспоминаниях другого сотрудника Института, филолога-классика О. М. Фрейденберг, дружившей с И. И. Иоффе в 1930–1940-е гг. Опубликовавшая этот фрагмент Н. В. Брагинская атрибутировала его как описание диспута с формалистами, имевшего место в Институте в 1927 г. Но, как кажется, с учетом того, что именно с формалистами и «прочими идеалистами» и начали борьбу в Институте в это время, а они «засели» и в секции методологии литературы[21], а также с учетом упомянутых в воспоминаниях «выбранных», данное описание вполне может относиться и к «переформа-

[19] Десницкий, В.А. Предисловие // Введение в изучение искусства и литературы. Сборник статей и отрывков из произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. Плеханова, В. Ленина, К. Каутскго и Ф. Меринга. Составил В.А. Десницкий. – Л.: Государственное издательство, 1925. – С. 5.

[20] Отчеты о работе института по секциям и индивидуальные отчеты научных сотрудников за 1926/27 годы // ЦГАЛИ СПб. – Ф. 288. – Оп. 1. – Д. 28. – Л. 31.

[21] Брагинская, Н.В. Siste, Viator! (Предисловие к докладу О.М. Фрейденберг «О неподвижных сюжетах и бродячих теоретиках») // Одиссей. Человек в истории. – М.: Наука, 1995. – С. 268–269, прим. 32.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

тированию» группы методологии литературы. Вот оно: «По-видимому это был 1926 год. Обе стороны готовились к знаменательной битве. Народа собралась масса. Когда я вошла в зал, ко мне подошел ученый секретарь Ник. Вас. Яковлев, грубейший чиновник, и ласково предупредил меня, что предстоят “особые” события, и чтоб я вернулась домой. Помню, я спросила его: “А кто вы такой?” Он недовольно отошел от меня, а я с заседания не ушла. То, чему я оказалась свидетелем, взволновало меня в сильнейшей мере. Происходила какая-то дискуссия, выборы куда-то, – я не разбиралась во всем этом. Но одно было ясно: те, кому я готова была сочувствовать, вели себя грубо, хамски, жульнически, а те, с кем я не имела ничего общего (формалисты), выступали корректно, доказательно и научно. Главное единоборство шло между Эйхенбаумом, умно и прекрасно говорившим, и Десницким, за которого приходилось краснеть. Многочисленная аудитория была раскалена. И вдруг, в разгар битвы, Десницкий провел голосование: кто за формалистов, кто против. Вся картина была до того возмутительна по шантажу и грубым передержкам, что я в горячем возбужденье подняла руку за формалистов. Но тут произошло что-то совсем неожиданное. “Большинство против формалистов!” – объявил Десницкий лживо, не произведя подсчета. – Заседание объявляю закрытым. Прошу всех, кроме выбранных, оставить зал”. Околпаченная публика тщетно кричала и волновалась. Дело было сделано. Я вышла из зала с чувством негодования. Никогда ничего подобного я не могла себе представить»[22].

Как бы то ни было с точной атрибуцией описываемых О. М. Фрейденберг событий, ясно – И. И. Иоффе пришел на службу в Институт в тот момент, когда там предпринималась попытка «укрепления» (фактически же – создания) «марксистского литературоведения», пришел явно, как ученый, способный содействовать этому начинанию, и оказался здесь вновь под руководством своего старого патрона В. А. Десницкого, который и возглавил группу/секцию методологии литературы, а к началу 1928 г. стал и членом бюро коллегии Института, и председателем секции литературы, и главой подсекции методологии, и руководителем семинария по методологии литературы для аспирантов[23].

Научный сотрудник первого разряда И. И. Иоффе начал свою деятельность в Институте с доклада «Символизм как стиль», сделанного 21 марта 1927 г. на заседании группы «Литература и критика XX века». Как отмечалось в отчете: «На собраниях группы присутствовало в среднем от 10 до 15 человек постоянных участников, принимавших самое деятельное участие в прениях, и почти поголовно высказывавшихся». Впрочем, вполне возможно, что такое внимание публики скорее может быть отнесено к докладу упомянутого выше М. Г. Майзеля «К вопросу о порнографии и патологии в современной русской литературе», сделанному 9 мая 1927 г.[24] Надо полагать, доклад И. И. Иоффе носил более специальный характер и скорее представлял результаты работы, проделанной вне Института, т.к. в том же 1927 г. под эгидой Коммунистического университета в свет вышла его первая большая книга «Культура и стиль», фрагмент которой, судя по всему, и был озвучен

[22] Брагинская, Н.В. О работе О.М. Фрейденберг «Система литературного сюжета» // Тыняновский сборник. Вторые Тыняновские чтения. – Рига: Зинатне, 1986. – С. 274–275.

[23] В.А. Десницкий // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 2. – Д. 78. – Л. 3, 5, 6 об.

[24] Отчеты о работе института по секциям и индивидуальные отчеты научных сотрудников за 1926/27 годы // ЦГАЛИ СПб. – Ф. 288. – Оп. 1. – Д. 28. – Л. 36.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

в марте в Институте[25]. Если обратиться к рукописному проекту личного состава Института, то можно увидеть, что И. И. Иоффе и намечался к приглашению как научный сотрудник «по новой русской литературе»[26]. Так что проблематика символизма в общем укладывалась в эти рамки, хотя, конечно, и имела скорее ретроспективный характер как анализ уже изжитых тенденций в отечественной литературе, к тому же рассмотренных в более широком контексте зарубежного искусства.

К концу года в Институте произошли новые изменения. Так, 9 декабря 1927 г. президиум РАНИОН постановил, заслушав доклад Комиссии по обследованию работы Института, для руководства его текущей и общеорганизационной работой выделить в составе институтской Коллегии специальное Бюро, состоящее из трех человек: Н. С. Державина (директора), В. А. Десницкого и Н. В. Яковлева. При упрощении структуры учреждения были организованы всего две секции: языка и литературы. В рамках последней выделялись подсекция методологии литературы и кабинет библиографии. Н. В. Яковлев и В. А. Десницкий вошли и в состав президиума секции (вместе с Г. Е. Горбачевым, В. Ф. Шишмаревым и В. Н. Волошиновым), а И. И. Иоффе был утвержден по секции литературы научным сотрудником первого разряда[27]. Последнее, вероятно, было проведено на половину ставки[28]. В связи с этим утверждением он был приглашен 28 декабря 1927 г. в зал совета ЛГУ на собрание Совета Института, где должен был быть заслушан доклад директора о реформе, произведенной в Институте. В приглашении оговаривалось: «По поручению Коллегии прошу Вас подготовить к этому дню свои предложения об участии в работе ИЛЯЗВ»[29].

Надо полагать, что принципиально важным для Института было то, что в своем научном творчестве И. И. Иоффе активно пытался применять к анализу феноменов искусства социологический метод (единства мнений о сути которого, впрочем, в тот период в отечественной науке не было). Например, в проекте производственного плана на 1927–1928 г. по секции методологии литературы в числе коллективных работ, наряду с учетом высказываний о литературе классиков марксизма, историей русской марксистской критики и темой «Плеханов и французская литературная наука», значилась и тема «Социология стиля», которую должны были вести научный сотрудник первого разряда И. И. Иоффе и аспирант В. Н. Волошинов[30]. В производственном плане на следующий 1928–1929 г. значились уже индивидуальные работы В. Н. Волошинова «Социологическая поэтика» и И. И. Иоффе «Социология литературного стиля»[31]. Хотя в черновике плана (машинопись с пометами красным карандашом) они были даны еще обобщенно: «индивидуальные темы: 1) социологическая поэтика: В. Н. Волошинов, И. И. Иоффе, П. Н. Медведев, Н. В. Яковлев и др.)»[32].

Имя Валентина Николаевича Волошинова хорошо известно в истории отечественной

[25] Проблеме символизма был посвящен третий параграф третьей главы монографии.
[26] Список научных сотрудников // ЦГАЛИ СПб. – Ф. 288. – Оп. 2. – Д. 19. – Л. 2.
[27] Переписка с Российской ассоциацией научно-исследовательских институтов общественных наук о назначении и перемещении сотрудников // ЦГАЛИ СПб. – Ф. 288. – Оп. 2. – Д. 21. – Л. 16.
[28] И.И. Иоффе // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 2. – Д. 102. – Л. 2.
[29] Там же.
[30] Производственный план на 1927/28 год // ЦГАЛИ СПб. – Ф. 288. – Оп. 1. – Д. 39. – Л. 7 об.
[31] Там же. Л. 41.
[32] Там же. Л. 68.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

лингвистики как имя одного из членов «Круга Бахтина», хотя его роль в нем и авторство ряда его работ все еще активно дискутируются[33]. В воспоминаниях упоминавшейся выше О. М. Фрейденберг есть уже неоднократно приводившийся в литературе фрагмент о нем, который дает яркое представление об особенностях институционального (а отчасти, и этического) контекста, в котором разворачивался рассматриваемый эпизод из биографии И. И. Иоффе. О. М. Фрейденберг писала: «Десницкий, неизменно разнося меня за “яфетидологию” и устремление к прошлому, в то же время ценил меня и любил. Его правой рукой был Н. В. Яковлев, смещенный ученый секретарь. В свою очередь Яковлев имел свою правую руку. Это был Волошинов, изящный молодой человек и эстет, автор лингвистической книги, написанной ему Блохиным. Этот Волошинов цинично предлагал мне, чтоб я за него и на него работала, а он за то будет продвигать меня через Яковлева и Десницкого. Я отказалась – и наши отношения сделались холодны, как лед»[34]. П. Н. Медведев, также планировавшийся к разработке вопросов социологической поэтики, тоже входил в «круг Бахтина» и, возможно, способствовал устройству В. Н. Волошинова в аспирантуру Института. О непосредственных контактах с ними И. И. Иоффе ничего неизвестно, но совершенно очевидно, что, работая вместе (причем не только в Институте, но и в ЛГПИ, где все они служили на одной кафедре), они не могли не знать об идеях друг друга, должны были слушать доклады коллег и принимать участие в их обсуждении[35]. И если О. М. Фрейденберг имени М. М. Бахтина не знала, почему и назвала его в своих воспоминаниях Блохиным, работавший с двумя ближайшими членами бахтинского круга над одной общей темой И. И. Иоффе должен был быть в курсе хотя бы общих идей этого научного сообщества. Конечно, знакомство не означает влияния. Оно в работах И. И. Иоффе никак не прослеживается. Однако и сам факт знакомства достаточно важен. Как справедливо отмечает К. Брандист, Институт «был особенно интересен, т.к. здесь в рамках общих исследовательских проектов проходили обмены между теми, кто стремился развивать разные тренды в науке»[36].

В 1927–1928 г. И. И. Иоффе выступил в Институте с авторефератом своей недавно вышедшей книги «Культура и стиль» и докладом на тему «Материал и конструкция фразы»[37]. Вероятно, к этому же периоду относится и сохранившееся в одной из его анкет свидетельство: «Работал в двух секциях: методологической и истории литературы. Прочитал два доклада»[38]. В октябре 1928 г. Государственный ученый совет утвердил его в должности штатного научного сотрудника первого разряда с половинным окладом[39]. В схеме индивидуального годового отчета по институту, датированной, судя по всему, тем же годом, указана как сданная в печать статья «Художественная культура» в «Художественной энциклопедии под редакци-

[33] См., напр.: Алпатов, В.М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. – М.: Издательский дом ЯСК, 2005.
[34] Брагинская, Н.В. Между свидетелями и судьями. Реплика по поводу книги В.М. Алпатова. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М. Языки славянских культур, 2005. URL: http://freidenberg.ru/sites/freidenberg.ru/files/mezhdu_svidetel jami_i_sudjami.doc (дата обращения: 06.08.2025).
[35] См. также: Brandist, C. The Institute for the Comparative History of the Literatures and Languages of the West and East (ILIaZV). P. 157–161.
[36] Ibid. P. 155.
[37] И.И. Иоффе // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 2. – Д. 102. – Л. 4 об.
[38] Там же. Л. 5.
[39] Там же. Л. 6.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

ей Луначарского»[40]. Вероятно, она так и не была опубликована, хотя о встрече И. И. Иоффе с наркомом просвещения А. В. Луначарским вспоминал в 1947 г. на заседании, посвященном памяти ученого, его ближайший ученик М. С. Каган[41]. В апреле 1929 г. И. И. Иоффе был вновь утвержден Бюро Президиума РАНИОН штатным научным сотрудником первого разряда Института[42]. Вероятно, в том же году в Институте он сделал доклад на тему «Стиль и жанр “Мертвых душ”», а в Научном обществе марксистов – «Законы культуры и историзм»[43]. 29 декабря 1930 г. в отчете о работе за 1929–1930 г. он писал, что участвовал в работе секций методологии литературы и социологической поэтики и прочитал доклад «Функция и форма в литературоведении», являющийся главой подготовленной к печати работы «Стиль и жанр»[44]. Судя по всему, доклад стал основой статьи, опубликованной И. И. Иоффе в 1931 г. в журнале Института литературы, искусства и языка Комакадемии «Литература и искусство»[45] и вызвавшей там активную дискуссию. Интересен контекст, в котором прозвучал этот доклад. В годовом отчете Института за 1929–1930 г. отмечалось, что в группе социологической поэтики за отчетный период были прочитаны доклады, которые «имели задачей проработать и установить на социологической базе основные понятия, которыми оперирует поэтика (“форма”, “жанр”, “сюжет” и т.п.) с одной стороны, и, с другой – она наметила возможную увязку с яфетидологией (доклад О. М. Фрейденберг)». Последний назывался «Терсит. К вопросу о палеонтологии сюжета», а среди первых был и доклад В. Н. Волошинова – «О границах поэтики и лингвистики»[46].

Тот же 1930 г. стал и последним годом существования Института в прежнем виде. В мае 1930 г. его перевели из помещений ЛГУ в здание по адресу площадь Воровского (бывшая – Исаакиевская), д. 5. О важности этой локации еще будет сказано ниже. Чуть позже сменилось и его название – теперь он стал называться Государственным институтом речевой культуры[47].

Н. В. Брагинская так пишет об этом периоде в истории Института: «… летом 1930 г. Наркомат Просвещения переименовал ИЛЯЗВ в Государственный институт речевой культуры. Переименование не было формальным, за ним стояло изменение и состава института, количественного и качественного – он сократился в несколько раз, из него были удалены и ушли сами крупные ученые и старые академики <…> и пришли “аспиранты”, социально отфильтрованные комсомольцы и партийцы <…> возникает советское научное учреждение»[48]. Степень советсткости, да и сам смысл этого определения, обсуждать сейчас не будем. Уточним фактическую сторону дела.

В новом учреждении было образовано четыре сектора и несколько кабинетов. Сектором методологии литературоведения вновь ру-

[40] Там же. Л. 8 об.
[41] Протоколы заседаний Ученого Совета факультета // ЦГА СПб. – Ф. 7240. – Оп. 14. – Д. 1319. – Л. 37 об.
[42] И.И. Иоффе // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 2. – Д. 102. – Л. 9.
[43] Там же. Л. 10.
[44] Там же. Л. 11.
[45] Иоффе, И.И. Функция и форма // Литература и искусство. Журнал марксистской критики и литературоведения. – 1931. – № 2-3. – С. 68–76.
[46] Годовой отчет ГИРК за 1929–1930 гг. // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 49. – Л. 16 об.
[47] Дружинин, П.А. Изучение русской литературы XVIII века в 1920-е годы (Группа XVIII века в ИЛЯЗВ и ГИРК). С. 240.
[48] Брагинская, Н.В. Siste, Viator! (Предисловие к докладу О.М. Фрейденберг «О неподвижных сюжетах и бродячих теоретиках»). С. 247.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

ководил В. А. Десницкий[49]. Целевая установка нового института была сформулирована весьма просто: «ИРК занимается изучением речи, начиная с более простых ее проявлений – речи разговорной – и кончая наиболее сложными формами (художественной литературой)»[50]. Секторы методологии языка и методологи литературы должны были заниматься вопросами методологии теории и истории соответствующей области[51]. И. И. Иоффе, как и многие другие сотрудники Института, работу в новосозданном учреждении продолжил.

Его научная специализация претерпевала в этот период определенные изменения. В первых списках сотрудников Института речевой культуры (1930 г.) он включался в список «сотрудников-литературоведов»[52] и даже указывался как просто литературовед, без конкретизации (как, например, и О. М. Фрейденберг), в то время как другие получали более четкие определение – так, С. Я. Лурье был обозначен как «литературовед (гебраист)», а Б. А. Ларин – «языковед (балт<ист>)»[53]. В списке на 1 июля 1931 г. область научных интересов И. И. Иоффе была конкретизирована как «история литературы»[54]. В отчете Института за 1930–1931 г. среди докладов по кабинету методологии литературы значились и два доклада И. И. Иоффе на тему «Теория “свободного искусства”». Причем основными линиями работы этого кабинета были обозначены остроактуальные: «1) изучение классиков марксизма, 2) проблемы социологической поэтики, 3) учет и критика современных западноевропейских теорий в области языка и литературы». Среди прочих сделанных там докладов в отчете значились выступления О. М. Фрейденберг на тему «Семантика “трагедии” и “комедии”» и «О бродячих сюжетах, заимствованьи и прочем», доклады И. Г. Франк-Каменцкого – «Проблема метафоры» и «Палеонтология сюжета “Тристан и Изольда”», доклад П. Н. Медведева – «Методологические предпосылки к теории художественного творчества», В. А. Десницкого – «“Мертвые души” как феодально-реставрационная поэма», В. Н. Волошинова – «Жанр и стиль художественного высказывания», и т.д.[55] Ударниками по кабинету признавались И. И. Иоффе, В. Н. Волошинов, О. М. Фрейденберг и И. Г. Франк-Каменецкий, причем особо оговаривалось: «В июне с.г кабине методологии взял на себя ведущую организационную роль в перестройке работ сектора литературы и выдвинул проект реорганизации, который и лег в основу планирования новых производственных планов на 1932 г.»[56].

Вообще, в первый год работы новосозданного Института работа в нем И. И. Иоффе была довольно активной. Он был прикреплен к кабинету литературного процесса, занятия которого проходили ежедекадно, антирелигиозной группе и кабинету творческого метода. Там его непосредственными коллегами были В. А. Десницкий, Н. В. Яковлев, И. Г. Франк-Каменецкий, А. А. Смирнов, М. К. Азадовский, Н. П. Андреев, Н. К. Козмин, Б. А. Кржевский, В. Е. Евгеньев-Максимов, А. Г. Фомин, П. Н. Берков, Н. Я. Берковский, В. Н. Волошинов, М. К. Клеман, С. Я. Лурье К. А. Пушкаре-

[49] Там же. С. 267, прим. 7.
[50] Материалы по чистке аппарата // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 48. – Л. 11 об.
[51] Там же.
[52] Списки и сведения по личному составу // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 39. – Л. 12.
[53] Там же. Л. 28.
[54] Там же. Л. 36.
[55] Годовой отчет за 1929–1930 гг.// СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 49. – Л. 67
[56] Там же. Л. 69.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

вич и О. М. Фрейденберг[57]. Вместе с О. М. Фрейденберг, И. Г. Франк-Каменецким и М. К. Клеман он входил в группу «Проблемы реализма». Президиумом Института вместе с В. Н. Волошиновым был прикреплен к русской группе кабинета литературы эпохи империализма и пролетарской революции, в которую кроме двух прикрепленцев входил только Г. Е. Горбачев[58], в октябре 1931 г. приглашенный в штат Института для руководства занятиями по новейшей и современной русской литературе[59]. В итоге, как отмечалось и самим руководством, «[п]ри выполнении этого поручения у тов. Иоффе получится значительная перегрузка»[60]. По группе русской литературы коллективной темой была заявлена «Пролетарская и мелкобуржуазная литература эпохи империалистических войн и пролетарской революции», а по антирелигиозной – «Борьба с религией на материале художественной литературы»[61]. В начале 1932 г. в план работы Института было поставлено два доклада И. И. Иоффе: по реализму – «Проблема реалистического стиля» (16 января) и по антирелигиозной группы – «Штурм неба (Джордано Бруно)» (7 февраля)[62].

Но с начала 1932 г. благоприятная для И. И. Иоффе рабочая ситуация, как кажется, начала меняться. С 5 февраля 1932 г., согласно личного заявления, от обязанностей заведующего сектором литературы был освобожден давний патрон И. И. Иоффе В. А. Десницкий[63]. Это означало пусть не полную (Институт он пока все же не оставил), но частичную утрату влиятельного покровительства. Новая общественно-идеологическая обстановка способствовало началу формирования и того феномена, который на следующие десятилетия станет неотъемлемой частью академической жизни советского образца – идеологических проработочных кампаний. В данном случае показательным кажется фрагмент из объяснительной записки, составленной для того, чтобы привести аргументы против слияния Института с Государственной академией искусствознания. В ней, в разделе о секторе литературы его положительные результаты связывались с тем, что имел место «проведенный в ГИРК методологический смотр, заставивший стать на путь разоружения представителей буржуазного литературоведения (Кржевский, Смирнов), формалистов-эклектиков (Берковский), механистов (Иоффе) и т.п.»[64]. Возможно, последнее связано было с той резкой критикой, которой в марксистском журнале в 1931 г. подверглась упоминавшаяся выше статья И. И. Иоффе «Функция и форма».

Так, И. И. Иоффе впервые за все время своей институтской службы получил клеймо «механиста», хотя, как кажется, существенно это на его работе в учреждении не сказалось. Времена еще позволяли обличать и не уничтожать. Поэтому, когда в феврале 1933 г. в Институте планировались мероприятия, приуроченные к 50-летию со дня смерти Карла Маркса, именно И. И. Иоффе было поручено подготовить один из немногих тематических докладов[65]. Доклад состоялся 26 марта[66]. Судя по

[57] Переписка и протоколы по Сектору методологии литературы и проч. // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 56. – Л. 69.
[58] Там же. Л. 69 об.
[59] Там же. Л. 3 об.
[60] Там же. Л. 71.
[61] Там же. Л. 73 об., 74 об.
[62] Переписка и материалы сектора литературы // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 79. – Л. 2, 9.
[63] Переписка по личному составу. Назначения и увольнения // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 65. – Л. 16.
[64] Распоряжения и циркуляры // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 63. – Л. 40.
[65] Распоряжения и циркуляры // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 80. – Л. 23.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

всему, каким бы механистом он ни был, а к началу 1933 г. И. И. Иоффе был одним из немногих сотрудников Института, которые могли сделать доклад, сочетающий и актуальность повестки, и научность подхода.

К этому времени И. И. Иоффе прекратил преподавательскую работу в ЛГУ и Коммунистическом университете (в ЛГПИ преподавать он продолжил), но зато стал заведующим теоретической частью ИЗОРАМА[67] – изомастерских рабочей молодежи, деятельности которых посвятит вышедшую в 1932 г. книгу[68]. С 1 марта 1932 г. И. И. Иоффе станет действительным членом (профессором) Государственного Эрмитажа, где будет работать в секторе западноевропейского искусства, методологическом секторе и отделе музыкальной культуры и техники[69]. Ряд работ будет опубликован им в 1932–1933 гг. в связи с этой службой. В Институте он по-прежнему будет сотрудником первого разряда, причем специальность его будет обозначаться шире, чем раньше, как «русская литература и искусство»[70]. Вероятно, это было связано с тем, что под влиянием работы в изомастерских и художественном музее (а так же еще в одном учреждении, о котором будет сказано чуть позже) проблематика изобразительных искусств в научном творчестве ученого с начала 1930-х гг. стала занимать все более важное место, не оттесняя на задний план его «официальную» область интересов – филологию, но занимая равное место рядом с ней.

В этой связи вполне логичным кажется, что следующая крупная монография И. И. Иоффе оказывается посвящена проблеме комплексного изучения всех видов искусства как элементов единой системы. Его «Синтетическая история искусств» с подзаголовком «Введение в историю художественного мышления» была сдана в набор 10 августа 1933 г. и вышла в свет в издательстве «ОГИЗ – ЛЕНИЗОГИЗ» без какой-либо учрежденческой шапки[71]. Ответственным редактором монографии стал Б. А. Фингерт, еще один (наряду с В. А. Десницким) из учителей И. И. Иоффе по учебе в Педагогическом институте. В Государственном институте речевой культуры, как раз осенью 1933 г., Б. А. Фингерт начал руководить организованным для сотрудников кружком по изучению диалектического материализма[72]. В личном деле И. И. Иоффе сохранилось подписанное им предисловие редактора к этой работе, называвшейся тогда «Введение в синтетическую историю искусств», в котором книга, несмотря на ряд ошибочных суждений и недочетов, признавалась «монументальным исследованием», которое «прокладывает новые пути, она богата новыми, смелыми мыслями и, вместе с тем, она написана исследователем, не кликушествующим по поводу диалектического материализма, а хорошо понимающим, как много трудностей, как много неизбежных ошибок ожидает еще нас на пути к диалектико-

[66] Производственные планы на 1933–1934 гг. // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 90. – Л. 1 об.
[67] И.И. Иоффе // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 2. – Д. 314. – Л. 1 об.
[68] Иоффе, И.И. Новый стиль. – М.; Л.: Государственное издательство изобразительных искусств, 1932.
[69] И.И. Иоффе // Архив Государственного Эрмитажа. – Ф. 1. – Оп. 13. – Д. 312. – Л. 18, 9.
[70] И.И. Иоффе // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 2. – Д. 314. – Л. 3.
[71] Иоффе, И.И. Синтетическая история искусств. Введение в историю художественного мышления. – Л.: ОГИЗ – ЛЕНИЗОГИЗ, 1933.
[72] Протоколы, отчеты обследований и списки членов СНР Лок. Бюро Ленинградского Научно-Исследовательского Институт Языкознания (Государственный Институт Речевой Культуры) // ЦГА СПб. – Ф. 6307. – Оп. 21. – Д. 196. – Л. 33 об., 39.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

материалистическому искусствознанию»[73]. Б. А. Фингерт утверждал: «Книга И. Иоффе – это методологическая работа, и конкретный материал используется автором постольку, поскольку это ему нужно для характеристики того или иного стиля»; ее автор «исходит из Ленинского понимания истины, как процесса, из Ленинского понимания развития познания как развития по спирали. Поставив перед собой задачу построить историю искусства, И. И. Иоффе целиком опирается на Ленинское учение о единстве диалектики, логики и теории познания, единстве теории и истории познания, о логике как итоге, сумме, выводе истории познания мира»; «Проблемы, которые автор поставил перед собой, настолько сложны, пути, которыми идет автор, настолько новы, и, наконец, материал, исследуемый автором настолько богат и многообразен, что некоторые ошибки в анализе конкретного материала неизбежны»[74]. Безусловно, работа над таким масштабным исследованием требовала больших затрат времени и сил, можно предполагать, что этот текст писался не без связи с тем фактом, что И. И. Иоффе находился на службе в Институте.

В 1933 г., судя по всему, его работа здесь шла, в основном, в группе антирелигиозной художественной литературы. 14 апреля он сделал здесь доклад на тему «Эсхатология у футуристов (Крученых)», суть которого в отчете о работы группы была сформулирована следующим образом: «Выявлен реакционно-классовый характер эсхатологизма футуристов, которые считали себя новаторами и передовиками»[75]. На первую половину октября был поставлен его доклад на тему «Религия и война у русских футуристов», а на вторую половину декабря – «Эсхатологизм Маяковского»[76]. Доклады соответствовали коллективной теме группы «Эсхатологизм в мировой художественной литературе» с подтемой «Религия и война»[77]. А материал нашел отражение как в более ранней монографии «Культура и стиль», так и в вышедшей к концу 1933 г. «Синтетической истории искусств». Параллельно на заседаниях группы были заслушаны, например, специальные доклады О. М. Фрейденберг «Въезд на осле в Иерусалим» и С. Я. Лурье – «Война и религия в античной литературе». Но проводились и более популярные мероприятия, так, «14 мая был проведен сверх плана вечер ознакомления с малоизвестным материалом антирелигиозной художественной литературы. Сообщения, комментарии и чтения. Лурье С. Я. “Генрих Манн. Мария (отрывки)”. Франк-Каменецкий И. Г. “Тургенев И. С. Поэма”. Советов С. С. “Красницкий Игн. Война монахов”)»[78]. Группа, таким образом, разрабатывала свой антирелигиозный материал сразу на нескольких уровнях погружения, и это было вполне закономерно. К сожалению, фрагментарная сохранность архивного фонда института (а, возможно, и недостатки его изначального документооборота) практически не позволяют нам увидеть ход и содержание научных дискуссий, ведшихся здесь. В этом отношении следует обратить внимание на одно счастливое исключение.

Уже в новых институциональных условиях, о которых будет сказано ниже, в декабре 1933 г. И. И. Иоффе выступит на институтском

[73] И.И. Иоффе // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 2. – Д. 314. – Л. 17.
[74] Там же. Л. 14-16.
[75] Переписка и материалы сектора литературы // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 96. – Л. 57.
[76] Производственные планы на 1933–1934 гг. // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 90. – Л. 11.
[77] Там же.
[78] Переписка и материалы сектора литературы // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 96. – Л. 57.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

пленуме в обсуждении доклада своего коллеги по группе антирелигиозной литературы крупнейшего гебраиста И. Г. Франк-Каменецкого. Доклад был сделан на тему «О генезисе поэтической метафоры» и в прениях И. И. Иоффе говорил: «разные классы различным образом удерживали предыдущие стадии мышления, как орудия своей власти, и если могиканам феодальной аристократии нужна была религия и магическое мышление, то наоборот – восходящая буржуазия будет решительно бороться против них <...> Вся история мышления является не преодолением предшествующих этапов, а наоборот – развертыванием по спирали, причем каждый класс развертывает свое развитие именно по спирали <...> Вся история мышления есть развитие реального познания действительности, но в то же время это развитие не идет по прямой линии, а идет путем чрезвычайной борьбы, отклонения форм в сторону утверждения в интересах господствующего класса, идеологии, искажающих познание действительности»[79]. Даже по этим коротким выдержкам понятным становится и характерный для ученого комплексный подход к рассмотрению феноменов культуры, и стремление понять их через призму эволюции человеческого мышления.

Создававшийся как советское научное учреждение и действовавший в новых условиях начала 1930-х гг. Государственный институт речевой культуры нес на себе отпечаток и нового времени. Так, важным фактором во всех советских учреждениях этого периода становилась общественная работа, также отнимавшая у сотрудников много времени и сил. Как представляется, И. И. Иоффе справлялся с ней не менее успешно, чем с работой научной. По крайней мере, выданная ему характеристика локального бюро Секции научных работников была более чем положительной. В ней говорилось: «Профессор Иоффе И. И. является в Институте ударником по линии научно-исследовательской работы Института (имеет ударное обязательство по линии соцсоревнования). Кроме своей активной научно-исследовательской работы профессор Иоффе И. И. также активно участвует и в общественно-организационной жизни Института. Профессор Иоффе И. И. активно работает членом ЛБ СНР ГИРК, являясь руководителем культурно-просветительного сектора ЛБ. Далее, профессор Иоффе И. И. провел целый ряд научно-популярных лекций на фабриках и заводах по литературе и искусствоведению. Принимал самое активное участие в организации группы по антирелигиозной художественной литературе, являясь одним из ее вдохновителей по линии научно-исследовательской работы (Настоящая бригада выполнила свой производственный план на 125 % в 1932 г. и на 100 % за первый квартал 1933 г.). Профессор Иоффе И. И. является также членом квалификационной Комиссии при ЛБ СНР ГИРК для проведения новых членов в СНР и перевода научных работников из одной должности в другую. Профессор Иоффе И. И. ведет активную деятельность и по линии издания работ Института, являясь членом Издательской комиссии ГИРКа. Все вышеизложенное дает возможность рекомендовать со стороны ЛБ СНР профессора Иоффе И. И. как одного из лучших активных общественников-ударников Института речевой культуры»[80]. В 1933 г. он даже был награжден денежной премией среди лучших ударников учреждения[81].

[79] Стенографические отчеты ЛНИЯ // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 148. – Л. 69-71.

[80] И.И. Иоффе // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 2. – Д. 314. – Л. 8.

[81] Протоколы, отчеты обследований и списки членов СНР Лок. Бюро Ленинградского Научно-Исследовательского

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

Впрочем, обстановка для Института и его сотрудников становилась в этот период все более тревожной.

Еще 17 декабря 1932 г. в Локальное бюро Секции научных работников И. И. Иоффе подал заявление следующего содержания: «Ввиду того, что во всех учреждениях, в которых я сотрудничаю, я числюсь профессором, прошу перевести меня в соответствующую квалификацию и в ГИРКе»[82]. С учетом приведенной выше хвалебной характеристики можно было бы предполагать успех дела. И, действительно, первая виза на документе была в общем-то положительной, она гласила: «Поддерживаю без повышения оклада», а вот вторая, датированная 10 января 1933 г., указывала: «Временно воздержаться»[83]. И дело здесь было не в каких-то претензиях начальства к ученому. Дело в том, что судьба самого Института с самого начала его создания висела на волоске. Впервые решение о его ликвидации было принято еще в марте 1931 г.[84] Тогда институт удалось отстоять, но в конце 1933 г. он все же был ликвидирован. На базе лингвистического сектора создали отдельный научно-исследовательский институт, а вот судьба литературоведов была более сложной.

Еще 4 февраля 1931 г. в Государственном институте истории искусств, основанном еще до революции по инициативе искусствоведа и мецената графа В. П. Зубова и переживавшем в этот период коренную ломку советизации, состоялся доклад присланного из Москвы тов. Челяпова о реорганизации этого института и превращении его в Государственную академию искусствознания (ГАИСК). Было заявлено, что в Ленинградском отделении ГАИСК будет функционировать и литературный сектор: «Для организации его и в целях устранения параллелизма предполагается закрытие Сектора Методологии литературы в ГИРКе и передача его работников (целиком или частично) ГАИСКу»[85]. Это было тем проще, что с момента своего создания Государственный институт речевой культуры располагался в том же самом здании (особняке Зубовых) на Исаакиевской площади (тогда – площади Воровского), д. 5, в котором с 1913 г. находился и Институт истории искусств. В истории учреждения начался очередной период трансформаций.

Еще 17 февраля 1933 г. датирована докладная записка от заведующих институтскими секторами языка (Л. П. Якубинским) и подготовки (О. М. Фрейденберг), пересланная в Наркомпрос временно исполняющим обязанности директора Института С. Л. Энтиным (сам директор, академик Н. С. Державин отбыл в этот решающий для вверенного ему учреждения момент в длительную заграничную командировку). В ней, в частности, говорилось: «Уже в течение более чем двух лет идут разговоры о слиянии, закрытии, реорганизации ГИРК (ЛИЯЛ). Такое положение вещей совершенно нетерпимо, так как дезорганизует работу Института, дезориентирует его работников – крупных специалистов языковедов и литературоведов, лишая их уверенности в завтрашнем днем. Такому положению вещей нужно немедленно по-

Институт Языкознания (Государственный Институт Речевой Культуры) // ЦГА СПб. – Ф. 6307. – Оп. 21. – Д. 196. – Л. 24, 25.

[82] И.И. Иоффе // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 2. – Д. 314. – Л. 4.

[83] Там же.

[84] Брагинская, Н.В. Siste, Viator! (Предисловие к докладу О.М. Фрейденберг «О неподвижных сюжетах и бродячих теоретиках»). С. 249.

[85] Материалы по чистке аппарата // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 48. – Л. 39.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

ложить конец»[86]. И Наркомпрос, действительно, прислушался к обращению руководства Института, хотя и не совсем немедленно, и совсем не так, как оно хотело бы.

13 марта 1933 г. датируется выписка из приказа по Наркомпросу № 119, в соответствии с которым целесообразным признается объединить Научно-исследовательский институт языкознания в Москве и Государственный институт речевой культуры в Ленинграде в единый Институт языкознания с местом пребывания в Ленинграде на основании постановления совзамов Наркомпроса от 9 марта и постановления Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции РСФСР о штатах и структуре Института[87]. Но и на этом реформаторский пыл руководителей Наркомпроса не остыл. Окончательно судьба Института была решена в начале осени 1933 г.

1 сентября 1933 г. по сектору науки Наркомпроса было принято Распоряжение № 63, которое констатировало, что по решению Совнаркома РСФСР Государственный институт речевой культуры реорганизуется в Ленинградский государственный лингвистический институт. Сектор же литературы из него передается в систему Государственной академии искусствознания и сливается с ее литературной секцией. Сроком выполнения было определено 15 сентября 1933 г.[88] Соответствующее решение Наркомпроса было доведено до сотрудников Института сразу после окончания летних вакаций 8 сентября того же года приказом № 1 за подписью исполняющего обязанности директора Института Л. П. Якубинского. Он сообщал, что по решению Совнаркома РСФСР Государственный институт речевой культуры преобразуется в Ленинградский государственный лингвистический институт и передается в систему Ленинградского историко-лингвистического института (недавно созданного на базе выделенных из Ленинградского университета гуманитарных факультетов) с непосредственным подчинением сектору науки Наркомпроса. Условия взаимоотношений двух институтов утверждаются по проекту, представленному их директорами. Сектор литературы передается в систему Государственной академии искусствознания и сливается с ее литературной секцией. Тем же приказом и в связи с реорганизацией с 10 сентября 1933 г. из Института отчислялись литературоведы М. К. Азадовский, Н. П. Андреев, В. А. Десницкий, С. Я. Лурье, В. Е. Максимов-Евгеньев, В. В. Буш, П. Н. Берков, М. К. Клеман, Т. Н. Петухова[89].

16 сентября 1933 г. Л. П. Якубинский сообщал в этой связи: «В результате решения комиссии мною были отчислены от Института те литературоведы, которые совмещали работу в ГАИС и в ГИРК и получали в ГАИС зарплату (за исключением нескольких человек, получавших в ГАИРК и в ГАИС по полставки и крайне необходимых ГАИС для организации работы); всего вовсе отчислено 9 человек и 6 единиц-ставок». Как мы уже видели, в числе этих 9 И. И. Иоффе не было[90]. А «отчисленный» В. А. Десницкий, действительно, с декабря 1932 по июнь 1933 г. заведовал сектором литературове-

[86] Переписка и материалы по реорганизации института // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 97. – Л. 2. Сама записка – Л. 2-10.
[87] Там же. Л. 19.
[88] Распоряжения и циркуляры // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 80. – Л. 99.
[89] Приказы // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 81. – Л. 18.
[90] Распоряжения и циркуляры // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 80. – Л. 102, 106; Списки и переписка по личному составу // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 83. – Л. 63.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

дения ГАИС, с июня 1933 г. оставшись там старшим научным сотрудником.

При этом, несмотря на эти смелые кадровые решения, полной ясности у институтского руководства не было даже относительно того, как теперь называется новосозданный институт. 22 октября 1933 г. Л. П. Якубинского писал в управление университетов и научно-исследовательских учреждений Наркомпроса о том, что в распоряжении по сектору науки от 1 сентября 1933 г. новый институт назван Ленинградским государственным лингвистическим институтом. В проекте же реорганизации от марта 1932 г. он именовался Ленинградским научно-исследовательским институтом языкознания. В этой связи исполняющий обязанности директора просил разъяснит, «какое из названий окончательно закрепляется за Институтом. Дирекция и общественные организации института предпочли бы Ленинградский научно-исследовательский институт языкознания, в частности, по следующим причинам: а) во избежание смешения Института с институтами типа ВУЗов, б) во избежание смешения в частности с Ленинградским государственным историко-лингвистическим институтом, в системе которого будет существовать наш институт»[91]. Московское руководство разъяснило, и 31 октября 1933 г. Л. П. Якубинским был подписан приказ № 4, объявлявший: «по соглашению с Наркомпросом предлагаю впредь именовать ЛГЛИ следующим образом: Ленинградский научно-исследовательский лингвистический институт (сокращенно: Л.Н.-И.Л.И.)»[92]. Впрочем, тут же выяснилось, что Наркомпрос поспешил согласовать новое название. И 5 ноября 1933 г. приказом № 5 все тот же Л. П. Якубинский был вынужден отменять собственный же приказ № 4, т.к. оказалось, что еще 28 октября 1933 г. по Наркомпросу был издан приказ № 554 о именовании впредь ЛГЛИ Научно-исследовательским институтом языкознания[93], с уточнением – Ленинградский[94]. Так, Государственный институт речевой культуры ушел в прошлое, но и в его (частичном) преемнике – Научно-исследовательском институте языкознания – служба И. И. Иоффе еще какое-то время продолжалась.

Хотя и занимаясь вопросами, весьма далекими от языкознания, И. И. Иоффе не попал в число литературоведов, причисленных к Государственной академии искусствознания, а остался на службе в Научно-исследовательском институте языкознания. При этом надо отметить, что он и так уже работал в Государственном институте истории искусств (в ходе разгрома которого и возникла та самая недолго просуществовавшая под таким названием академия) – с 1 января 1930 г. И. И. Иоффе числился там сотрудником комитета современного изобразительного искусства с половинным окладом[95]. Поступление на новое место службы практически совпало с переездом в одно здание с ним места службы старого.

В Научно-исследовательском институте языкознания И. И. Иоффе продолжал служить на ставке штатного профессора[96] (в нее еще в феврале 1933 г. была преобразована его ставка штатного старшего научного сотрудника)[97], а с октября 1933 г. – действительного члена Инсти-

[91] СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 97. – Л. 28.
[92] Приказы // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 81. – Л. 23.
[93] Там же. Л. 24.
[94] Распоряжения и циркуляры // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 80. – Л. 138.
[95] И.И. Иоффе // Архив Российского института истории искусств. – Ф. Личный состав. – Д. 105. – Л. 6.
[96] Списки и переписка по личному составу // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 83. – Л. 67, 70, 77.
[97] Там же. Л. 23, 30.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

тута[98]. Причем, если в персональном списке сотрудников за первую половину 1933 г. его специальность была обозначена как «русская литература»[99], то на 15 сентября 1933 г. она была уже скорректирована в сторону более приемлемой для лингвистического учреждения – «поэтика»[100]. Впрочем, эти ухищрения с переназыванием специальностей не слишком помогли сохранить штаты Института.

Попытки государства сэкономить на расходах, связанных с содержанием гуманитарного научного учреждения без четко выраженной пользы для народного хозяйства, совпали на рубеже 1933–1934 гг. с возвращением к упраздненной сразу же после революции системе ученых степеней и званий. Распоряжением № 5 по институту от 25 января 1934 г. объявлялось, что в связи с общим сокращением штатов с 37,5 до 27 единиц (распоряжение Наркомпроса от 11 января с.г.), а также специальным сокращением по некоторым секциям (распоряжение Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции от 26 декабря 1933 г.) с 25 января 7 человек из числа сотрудников снимались с оплаты и переводились в разряд сверхштатных работников. В их числе оказался и действительный член секции художественной речи И. И. Иоффе. Вообще, именно эта секция пострадала от сокращений сильнее всего, т.к. из нее же сверхштата были переведены и действительный член И. Г. Франк-Каменецкий, а также старший научный сотрудник А. А. Бескина. Для сравнения, по русской секции и секции общего языкознания в сверхштатные попали по два, а не три сотрудника[101].

Явно в связи с этим же стояло и другое распоряжение по институту за № 8 от 7 февраля 1934 г. В нем говорилось: «В составе сверхштатных сотрудников ЛНИЯ, список которых не пересматривался после реорганизации ГИРК, до сих пор числится ряд литературоведов, ряд лингвистов, из не принимающих на деле участия в работе Института или не необходимых Институту в его работе. Ввиду необходимости урегулировать вопрос о сверхштатных сотрудниках: 1) Объявляю весь состав сверхштатных сотрудников отчисленным от Института с 10 февраля, 2) предлагаю заведующим секциями представить в десятидневный срок для зачисления в состав сверхштатных сотрудников тех товарищей, которые действительно необходимы секциям и будут активно участвовать в их работе …»[102]. Так что не успел И. И. Иоффе попасть в число сверхштатных сотрудников, как оказался (на какое-то время) вовсе уволенным из Института.

21 марта 1934 г. по представлению секции общего языкознания сверхштатными действительными членами Института с 10 февраля 1934 г. были зачислены некоторые из недавно уволенных, в частности: Н. Н. Поппе, И. Г. Франк-Каменецкий и И. И. Иоффе, а сверхштатными научными сотрудниками: А. А. Бескина и Ю. К. Шуцкий[103]. Сообщая об этом новоизбранным недавно уволенным, директорат Института выражал «надежду, что Вы и впредь будете принимать активное участие в

[98] Распоряжения и циркуляры // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 80. – Л. 131 об.-132
[99] Списки и переписка по личному составу // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 83. – Л. 6.
[100] Там же. Л. 53 об.-54.
[101] Переписка по личному составу. Назначения и увольнения // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 102. – Л. 8.
[102] Там же. Л. 12. Разбивка оригинала на абзацы не сохраняется.
[103] Там же. Л. 32.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

работах Института»[104]. Последний раз в качестве сверхштатного действительного члена И. И. Иоффе упоминается в списке сотрудников на 1 января 1935 г.[105] В списке на 19 мая 1935 г. его уже нет[106]. Пока приказ о его увольнении обнаружить не удалось, можно сделать лишь предположение относительного того, когда именно в первой половине 1935 г. закончилась его служба в Институте.

Возможно, это было связано с полученным в Институте 17 марта 1935 г. приказом по Наркомпросу за № 202 от 13 марта 1935 г., по которому Ленинградский научно-исследовательский институт языкознания надлежало влить в систему Ленинградского историко-философского института с сохранением самостоятельного титула, бюджета, штатов и т.д.[107] Возможно, что свою роль сыграло и возвращение системы научной гратификации. 29 ноября 1934 г. из сектора университетов Наркомпроса в Институт пришла бумага, напоминавшая, что в соответствии Постановлением Совнаркома СССР от 13 января 1934 г. «Об ученых степенях и званиях», должности профессоров и доцентов вуза, действительного члена или старшего научного сотрудника научно-исследовательского института могут занимать только лица, утвержденные в этих званиях соответствующими органами (профессора или действительного члена – до июня 1933 г. Государственным ученым советом, после – Высшими аттестационными комиссиями Наркомпроса или Комитета по высшему техническому образованию, а доцента или старшего научного сотрудника – сектором кадров Наркомпроса или соответствующим управлением Наркомпроса). Поэтому до 10 февраля 1935 г. необходимо было оформить соответствующим образом научный персонал: представив к утверждению всех, кто не был еще утвержден, и представив списки тех, кто был утвержден, сопроводив их на каждого пакетом из 7 документов[108]. У И. И. Иоффе ученой степени еще не было, в должности действительного члена он также не был утвержден (как отмечалось вышел, в 1928 г. Государственным ученым советом он был утвержден научным сотрудником первого разряда с половинным окладом). Вполне возможно, он просто решил, что сверхштатная (т.е., неоплачиваемая) работа не стоит хлопот с утверждением и сбором документов. А, возможно, такое решение принял Институт.

Судя по всему, очередной пертурбации Института сотрудничество с ним уже сверхштатного действительного члена могло и не выдержать. Его научная и преподавательская деятельность сконцентрировались в этот период вновь в родном ЛГПИ и Государственной академии искусствознания. В этих учреждениях он продолжит служить вплоть до рубежа 1930–1940-х гг. Они как раз и инициируют процессы, связанные с присуждением И. И. Иоффе ученых званий и степеней.

Как видим, учреждение, в котором И. И. Иоффе прослужил почти восемь лет (с 1927 по 1935 гг.), представляло собой один из наиболее интересных центров гуманитарной мысли Ленинграда рассматриваемого периода. Ученые совершенно разных методологических установок, как минимум в ранний период службы здесь И. И. Иоффе, могли в общем про-

[104] Переписка по личному составу// СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 104. – Л. 22.
[105] Переписка по личному составу // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 121. – Л. 2 об.
[106] Там же. Л. 4 об.
[107] Распоряжения и циркуляры // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 118. – Л. 8.
[108] Распоряжения и циркуляры // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 100. – Л. 79.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

странстве высказывать свои идеи, обмениваться мнениями, дискутировать. Именно на рассматриваемый период приходится время написания И. И. Иоффе центральной для его научного творчества монографии – «Синтетической истории искусств». Интеллектуальный контекст института кажется важным для понимания условий формирования высказанных в ней идей. Не менее важным для биографии ученого кажется и вновь давшее о себе знать здесь покровительство В. А. Десницкого, с которым явно и был связан приход И. И. Иоффе в Институт. Наконец, близость (как минимум пространственная) с Институтом истории искусств, сформировавшаяся на последнем этапе службы И. И. Иоффе в Институте, обеспечила его местом службы на все 1930-е гг., а новый интеллектуальный контекст определил и дополнение сферы научных интересов новой областью – активно разрабатывавшимся в Институте истории искусств киноведением, которому будут посвящены его монографии второй половины 1930-х гг.

Список литературы

Иоффе, И.И. Культура и стиль. Система и принципы социологии искусств. Литература, живопись, музыка натурального, товарно-денежного, индустриального хозяйства. – Л.: Прибой, 1927. – 366 с.

Brandist, C. The Institute for the Comparative History of the Literatures and Languages of the West and East (ILIaZV) // Central and Eastern European Literary Theory and the West. – Berlin; Boston: De Gruyter, 2022. – P. 152–163.

Прозорова, Е.И. Литературно-библиографическая деятельность Научно-исследовательского института сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока (1921–1930 гг.) // Библиотековедение. – 2010. – № 3. – С. 38–44.

Скворцов, А.М. Классическая филология в Институте сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока: Институциональный аспект // Индоевропейское языкознание и классическая филология. – 2023. – № 27-2. – С. 1049–1066.

Brandist, C. Sociological Linguistics in Leningrad: The Institute for the Comparative History of the Languages and Literatures of the West and East (ILIaZV) 1921–33 // Russian Literature. – 2008. – Vol. 63. Pt. 2–4. – P. 171–200.

Дружинин, П.А. Изучение русской литературы XVIII века в 1920-е годы (Группа XVIII века в ИЛЯЗВ и ГИРК) // Русская литература. – 2015. – № 2. – С. 230–241.

Купайгородская, А.П. Недолгая жизнь Исторического научно-исследовательского института в Петроградском университете (1921–1923 гг.) // Страницы российской истории. Проблемы, события, люди. Сборник статей в честь Бориса Васильевича Ананьича. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – С. 302–308.

Производственный план на 1927/28 год // ЦГАЛИ СПб. – Ф. 288. – Оп. 1. – Д. 39. – 99 л.

Материалы по чистке аппарата // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 48. – 46 л.

И.И. Иоффе // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 2. – Д. 102. – 12 л.

Десницкий В.А. Материалы к биографии // Музей истории РГПУ им. А.И. Герцена. – Д.-8 (Десницкий В.А.). – 100 л.

И.И. Иоффе // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 2. – Д. 314. – 18 л.

Десницкий, В.А. (1925). Предисловие // Введение в изучение искусства и литературы. Сборник статей и отрывков из произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. Плеханова, В. Ленина, К. Каутского и Ф. Меринга. Составил В.А. Десницкий. – Л.: Государственное издательство, 1925. – С. 3–5.

Отчеты о работе института по секциям и индивидуальные отчеты научных сотрудников за 1926/27 годы // ЦГАЛИ СПб. – Ф. 288. – Оп. 1. – Д. 28. – 106 л.

Брагинская, Н.В. Siste, Viator! (Предисловие к докладу О.М. Фрейденберг «О неподвижных сюжетах и бродячих теоретиках») // Одиссей. Человек в истории. – М.: Наука, 1995. – С. 244–271.

Брагинская, Н.В. О работе О.М. Фрейденберг «Система литературного сюжета» // Тыняновский сбор-

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

ник. Вторые Тыняновские чтения. – Рига: Зинатне, 1986. – С. 272-283.

В.А. Десницкий // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 2. – Д. 78. – 15 л.

Список научных сотрудников // ЦГАЛИ СПб. – Ф. 288. – Оп. 2. – Д. 19. – 43 л.

Переписка с Российской ассоциацией научно-исследовательских институтов общественных наук о назначении и перемещении сотрудников // ЦГАЛИ СПб. – Ф. 288. – Оп. 2. – Д. 21. – 88 л.

Алпатов, В.М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. – М.: Издательский дом ЯСК, 2005. – 432 с.

Брагинская, Н.В. Между свидетелями и судьями. Реплика по поводу книги В.М. Алпатова. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М. Языки славянских культур, 2005. URL: http://freidenberg.ru/sites/freidenberg.ru/files/mezhdu_svideteljami_i_sudjami.doc (дата образения: 06.08.2025).

Протоколы заседаний Ученого Совета факультета // ЦГА СПб. – Ф. 7240. – Оп. 14. – Д. 1319. – 94 л.

Списки и сведения по личному составу // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 39. – 59 л.

Годовой отчет за 1929–1930 гг. // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 49. – 75 л.

Иоффе, И.И. Функция и форма // Литература и искусство. Журнал марксистской критики и литературоведения. – 1931. – № 2-3. – С. 68–76.

Переписка и протоколы по Сектору методологии литературы и проч. // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 56. – 91 л.

Переписка и материалы сектора литературы // СПбФ АРАН. Ф. 302. Оп. 1. Д. 79. 69 л.

Переписка по личному составу. Назначения и увольнения // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 65. – 111 л.

Распоряжения и циркуляры // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 63. – 139 л.

Распоряжения и циркуляры // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 80. – 177 л.

Производственные планы на 1933–1934 гг. // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 90. – 41 л.

Иоффе, И.И. Новый стиль. – М.; Л.: Государственное издательство изобразительных искусств, 1932. – 156 с.

И.И. Иоффе // Архив Государственного Эрмитажа. – Ф. 1. – Оп. 13. – Д. 312.

Иоффе, И.И. Синтетическая история искусств. Введение в историю художественного мышления. – Л.: ОГИЗ – ЛЕНИЗОГИЗ, 1933. – 568 с.

Протоколы, отчеты обследований и списки членов СНР Лок. Бюро Ленинградского Научно-Исследовательского Институт Языкознания (Государственный Институт Речевой Культуры) // ЦГА СПб. – Ф. 6307. – Оп. 21. – Д. 196. – 44 л.

Переписка и материалы сектора литературы // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 96. – 61 л.

Стенографические отчеты ЛНИЯ // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 148. – 100 л.

Переписка и материалы по реорганизации института // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 97. – 28 л.

Приказы // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 81. – 26 л.

И.И. Иоффе // Архив Российского института истории искусств. – Ф. Личный состав. – Д. 105. – 9 л.

Списки и переписка по личному составу // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 83. – 80 л.

Переписка по личному составу. Назначения и увольнения // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 102. – 68 л.

Переписка по личному составу// СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 104. – 101 л.

Переписка по личному составу// СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 121. – 26 л.

Распоряжения и циркуляры // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 118. – 17 л.

Распоряжения и циркуляры // СПбФ АРАН. – Ф. 302. – Оп. 1. – Д. 100. – 84 л.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

DOI: 10.52173/2079-1100_2025_3_58

Vitaly G. ANANIEV

| I. I. Ioffe in The Institute for the Comparative History of the Literatures and Languages of the West and East / The State Institute for Discursive Culture (1927–1933) (Upon the Archival Materials) |

Vitaly G. ANANIEV

Herzen State Pedagogical University of Russia
48, Moika Emb., Saint Petersburg, Russian Federation, 191186
Professor of the Department of Art History and Art Education
Doctor of Science in Culturology
ORCID: 0000-0001-7413-6339
E-mail: vgananev@herzen.spb.ru

I.I. IOFFE IN THE INSTITUTE FOR THE COMPARATIVE HISTORY OF THE LITERATURES AND LANGUAGES OF THE WEST AND EAST / THE STATE INSTITUTE FOR DISCURSIVE CULTURE (1927–1933) (UPON THE ARCHIVAL MATERIALS)*

The article examines an episode from the academic biography of Ieremia Isayevich Ioffe (1888–1947), a prominent Russian art historian and art theorist, and one of the immediate forerunners of Russian culturology. The author focuses on I.I. Ioffe's service at the Institute for the Comparative History of the Literature and Languages of the West and East / the State Institute for the Discursive Culture in 1927–1933. This research institute was one of the most important centers of humanitarian science in Leningrad and brought together scholars with various methodological backgrounds and views who worked on common research topics. In 1927, the institute began to actively undergo the process of Sovietization, which raised the issue of strengthening its staff with Marxist cadres. In this context, I.I. Ioffe became a first-class research fellow at the institute, which was probably due to the invitation of his teacher and patron V.A. Desnitsky to a leadership position there. The author of the article, relying on materials from the Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg (TsGALI SPb), the Central State Archive of St. Petersburg (TsGA SPb), the St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences and some other archives, reconstructs the activities of I.I. Ioffe at this institute.

Keywords: I. I. Ioffe, the Institute for the Comparative History of the Literatures and Languages of the West and East, the State Institute for Discursive Culture, V. A. Desnitsky, culturology, history of culturology.

** The study was supported by an internal grant from the Herzen State Pedagogical University of Russia.*

References

Ioffe I.I (1927). Kultura i stil'. Sistema i principy sociologiii iskusstv. Literatura, zhivopis', muzyka naturalnogo, tovarno-denezhnogo, industrialnogo khozyaistva [Culture and Style. System and principles of art sociology. Literature, painting, music of natural, commodity-money, industrial economy]. Priboy. (In Russian).

Brandist C. (2022). The Institute for the Comparative History of the Literatures and Languages of the West and East (ILIaZV). Central and Eastern European Literary Theory and the West. De Gruyter, 152-163.

Prozorova E.I. (2010). Literaturno-bibliographicheskaya deyatel'nost' Nauchno-issledovatel'skogo instituta sravnitel'noy istorii literatur i yazykov Zapada i Vostoka (1921–1930 gg.) [Literature and Bibliographical activities of the Research Institute of comparative history of East and West literature and languages (1921–1930)], Bibliotekovedenie, 3, 38–44. (In Russian).

Skvortsov A.M. (2023). Klassicheskaya filologia v instituta sravnitel'noy istorii literatur i yazykov Zapada i Vostoka: Institucionalny aspekt [Classical philology at the Institute of the Comparative History of Literature and Languages of the West and East: An institutional perspective], Indoevropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya philologiya, 3, 1049–1066. (In Russian).

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

Brandist C. (2008). Sociological Linguistics in Leningrad: The Institute for the Comparative History of the Languages and Literatures of the West and East (ILIaZV) 1921–33. Russian Literature, 63, 2–4, 171–200.

Druzhinin P.A. (2015). Izuchenie russkoy literatury XVIII veka v 1920-e gody (Gruppa XVIII veka v ILYAZV i GIRK) [The researching of Russian literature of 18th century in 1920s (The Group of 18th century in ILYAZV and GIRK)], Russkaya literatura, 2, 230–241. (In Russian).

Kupaygorodskaya A.P. (2003). Nedolgaya zhizn' Istoricheskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta v Petrogradskom universitete (1921–1923) [The short life of Historical research institute at Petrograd University (1921–1923)], Stranicy rossiyskoy istorii. Problemy, sobytiya, lyudi. Sbornik statey v chest' Borisa Vasilievicha Anan'icha. Dmitry Bulanin. (In Russian).

Proizvodstvenny plan na 1927/28 god [Plan of works for 1927/28]. TsGALI SPb. F. 288. Op. 1. D. 39. 99 l. (In Russian).

Materialy po chistke apparata [Materials on the purge of staff]. SPbF ARAN. F. 302. Op. 1. D. 48. 46 l. (In Russian).

I. I. Ioffe [I. I. Ioffe]. SPbF ARAN. F. 302. Op. 2. D. 102. 12 l. (In Russian).

Desnitsky V.A. Materialy k biografii [V.A. Desnitsky. Materials concerning his biography]. Muzey istorii RGPU im. A.I. Gerzena. D-8 (Desnitsky V.A.). 100 l. (In Russian).

I. I. Ioffe [I. I. Ioffe]. SPbF ARAN. F. 302. Op. 2. D. 314. 18 l. (In Russian).

Desnitsky V.A. Predislovie [Foreword]. Vvedenie v izuchenie iskusstva i literatury. Sbornik statey i otryvkov iz proizvedeniy K. Marksa, F. Engelsa, G. Plekhanova, V. Lenina, K. Kautskogo i F. Meringa. Sostavil V.A. Desnitsky. Gosudarstvennoe izdatel'stvo, p. 3-5. (In Russian).

Otchety o rabote instituta po sekcijam i individual'nye otchety nauchnyckh sotridnikov za 1926/27 gody [The work reports on the work of the Institute's sections and it's individual workers in 1926/27]. TsGALI SPb. F. 288. Op. 1. D. 28. 106 l. (In Russian).

Braginskaya N.V. (1995). Siste, Viator! (Predislovie k dokladu O.M. Freydenberg "O nepodviznykh syuzhetach i brodyachich teoretikakh") [Siste, Viator! The foreword to the report of O.M. Freydenberg "On static plots and movable theoreticians"]. Odyssey. Chelovek v istorii. Nauka, 244–271. (In Russian).

Braginskaya N.V. (1986). O rabote O.M. Freydenberg "Sistema literaturnogo sjuzheta" [On the work of O.M. Freydenberg "The system of plot in literature"]. Tynyanovsky Sbornik. Vtorye Tynaynovskie chtenia. Zinatne, 272–283. (In Russian).

Desnitsky V.A. [Desnitsky V.A.]. SPbF ARAN. F. 302. Op. 2. D. 78. 15 l. (In Russian).

Spisok nauchnykh sotrudnikov [The list of researchers]. TsGALI SPb. F. 288. Op. 2. D. 19. 43 l. (In Russian).

Perepiska s Rossiyskoy associaciey nauchno-issledovatelskikh institutov obschestvennykh nauk o naznachenii i peremeschenii sotrudnikov [The letters from and to the Russian association of research institutes of humanities concerning appointments and displacements of staff]. TsGALI SPb. F. 288. Op. 2. D. 21. 88 l. (In Russian).

Alpatov V.M. (2005). Voloshinov, Bakhtin i lingvistika [Voloshinov, Bakhtin and linguistics]. Izdatelsky dom YASK. (In Russian).

Braginskaya N.V. (2006). Mezhdu svidetelyami i sud'jami. Replika po povodu knigi V.M. Alpatova. Voloshinov, Bakhtin i lingvistika. M. Yazyki slavyanskikh kultur, 2005. URL: http://freidenberg.ru/sites/freidenberg.ru/files/mezhdu_svideteljami_i_sudjami.doc (accessed: 06.08.2025) (In Russian).

Protocoly zasedaniy Uchenogo Soveta fakulteta [The proceedings of Academic Council of Faculty]. TsGA SPB. F. 7240. Op. 14. D. 1319. 94 l. (In Russian).

Spiski i svedeniya po lichnomu sostavu [The lists of and information on human resources]. SPbF ARAN. F. 302. Op. 1. D. 39. 59 l. (In Russian).

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

 DOI: 10.52173/2079-1100_2025_3_58

Vitaly G. ANANIEV

| I. I. Ioffe in The Institute for the Comparative History of the Literatures and Languages of the West and East / The State Institute for Discursive Culture (1927–1933) (Upon the Archival Materials) |

Godovoj otchet za 1929–1930 gg. [The annual report for 1929–1930]. SPbF ARAN. F. 302. Op. 1. D. 49. 75 l. (In Russian).

Ioffe I.I. (1932). Funkcija i forma [Function and form]. Literatura i iskusstvo. Zhurnal marksistskoy kritiki i literaturovedenija, 2-3, 68–76. (in Russian).

Perepiska i protokoly po Sektoru metodologii literatury i proch. [The letters and protocols of the Methodological sector, etc]. SPbF ARAN. F. 302. Op. 1. D. 56. 91 l. (In Russian).

Perepiska i materialy sektora literatury [The letters and materials of the Methodological sector]. SPbF ARAN. F. 302. Op. 1. D. 79. 69 l. (In Russian).

Perepiska po lichnomu sostavu. Naznacheniya i uvol'neniya [The letters on human resources. Dynamics]. SPbF ARAN. F. 302. Op. 1. D. 65. 111 l. (In Russian).

Rasporyazheniya i cirkulyary [Orders and circulars]. SPbF ARAN. F. 302. Op. 1. D. 63. 139 l. (In Russian).

Rasporyazheniya i cirkulyary [Orders and circulars]. SPbF ARAN. F. 302. Op. 1. D. 80. 177 l. (In Russian).

Proizvodstvennye plany na 1933–1934 gg. [The plans of work for 1933–1934]. SPbF ARAN. F. 302. Op. 1. D. 90. 41 l. (In Russian).

Ioffe I.I. (1932). Novyi stil' [New style]. Gosudarstvennoe izdatelstvo izobrazitel'nykh iskusstv. (In Russian).

I. I. Ioffe [I. I. Ioffe]. Archiv Gosudarstvennogo Ermitazha. F. 1. Op. 13. D. 312. (In Russian).

Ioffe I.I. (1933). Sinteticheskaya istorija iskusstv. Vvedenie v istoriju khudozhestvennogo myshleniya [The synthetic history of arts. Introduction to the history of art consciousness]. OGIZ-LENOGIZ. (In Russian).

Protokoly, otchyoty obsledovaniya i spiski chlenov SNR Lok. Byuro Leningradskogo Nauchno-issledovatelskogo Instituta Yazykoznaniya (Gosudarstvenny Institut Rechevoy Kul'tury) [Proceedings, examination reports and lists of members locale office of SNR at Leningrad Research Institute of Language Studies (State Institute of Discursive Culture)]. TsGA SPb. F. 6307. Op. 21. D. 196. 44 l. (In Russian).

Perepiska i materialy sektora literatury [The letters and materials of the Sector of literature]. SPbF ARAN. F. 302. Op. 1. D. 96. 61 l. (In Russian).

Stenograficheskie otchety LNIYA [The stenographic accounts of LNIYA]. SPbF ARAN. F. 302. Op. 1. D. 148. 100 l. (In Russian).

Perepiska i materialy po reorganizacii instituta [The letters and materials concerning the reorganization of the Institute]. SPbF ARAN. F. 302. Op. 1. D. 97. 28 l. (In Russian).

Prikazy [The orders]. SPbF ARAN. F. 302. Op. 1. D. 81. 26 l. (In Russian).

I. I. Ioffe [I. I. Ioffe]. Archiv Rossiyskogo Instituta Istorii Iskusstv. F. Lichny sostav. D. 105. 9 l. (In Russian).

Spiski i svedeniya po lichnomu sostavu [The lists of and information on human resources]. SPbF ARAN. F. 302. Op. 1. D. 83. 80 l. (In Russian).

Perepiska po lichnomu sostavu. Naznacheniya i uvol'neniya [The letters on human resources. Dynamics]. SPbF ARAN. F. 302. Op. 1. D. 102. 68 l. (In Russian).

Perepiska po lichnomu sostavu [The letters on human resources]. SPbF ARAN. F. 302. Op. 1. D. 104. 101 l. (In Russian).

Perepiska po lichnomu sostavu [The letters on human resources]. SPbF ARAN. F. 302. Op. 1. D. 121. 26 l. (In Russian).

Rasporyazheniya i cirkulyary [Orders and circulars]. SPbF ARAN. F. 302. Op. 1. D. 118. 17 l. (In Russian).

Rasporyazheniya i cirkulyary [Orders and circulars]. SPbF ARAN. F. 302. Op. 1. D. 100. 84 l. (In Russian).

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

DOI: 10.52173/2079-1100_2025_3_82

Ольга Сергеевна САПАНЖА

| Генезис предметной области мировой художественной культуры в контексте культурологического поворота в отечественном образовании (ленинградский-петербургский опыт) |

Ольга Сергеевна САПАНЖА

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, наб. Мойки, 48, корпус 6
Заведующий кафедрой искусствоведения и педагогики искусства
Доктор культурологии, профессор
ORCID 0000-0001-7874-2539
E-mail: sapanzha@mail.ru

ГЕНЕЗИС ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ МИРОВОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОВОРОТА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ (ЛЕНИНГРАДСКИЙ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ОПЫТ)*

В центре внимания статьи находятся процессы включения вопросов мировой художественной культуры в систему общего образования в связи с развитием отечественной культурологии, и роль в этих процессах методической школы Герценовского университета. Названные процессы определяются общим термином «школьная культурология», под которой понимается область культурологического знания, формирующая методологические основания процесса обучения, воспитания и развития, направленного на освоение ценностей культуры и формирование культурологического миропонимания. При многообразии частных методик, можно выделить два принципиальных подхода к пониманию места и роли культуры в общем образовании – дискретный (предполагающий изучение материала по истории культуры в рамках ряда предметов гуманитарного цикла) и интегративный (настаивающий на целостном освоении культуры на всех этапах образования). Исторический обзор, представленный в статье, позволяет определить, как эти два подхода реализовывались в конкретных педагогических практиках.

Первые попытки расширить общее гуманитарное образование приходятся на 1960-е гг., когда в рамках экспериментальных площадок разрабатывались методические подходы, которые в 1970-е гг. выросли в самостоятельные концепции моно- и поли- художественного образования. На начало 1970-х гг. приходится интенсификация этих поисков в ЛГПИ им. А. И. Герцена, на базе которого разрабатывались два научных направления: историко-искусствоведческая подготовка в общем образовании (И. П. Глинская) и интеграция материала мировой художественной культуры в школьные курсы истории (Л. М. Предтеченская). На рубеже 1980–1990-х гг., в связи с интересом к кругу актуальных культурологических концепций, самостоятельный предмет «Мировая художественная культура» включается в программу общего образования и получает новый импульс развития, который был отмечен выходом книги для учителя «Как преподавать мировую художественную культуру» (И. А. Химик), основанной на научном культурологическом подходе, сложившемся в Герценовском университете, и развивавшемся на кафедре мировой художественной культуры.

Недостаточное внимание именно к фундаментальным основаниям культурологии (интегративный подход) рассматривается как один из ключевых факторов потери культурологией позиций в структуре общего образования, преобладании фрагментарного подхода к освоению культурологии в школе (дискретный подход). Возрождение интереса к системной школьной культурологии сегодня возможно на основе осмысления базовых оснований культурологии, тщательном изучении истории ее развития и определении места школьной культурологии в ее общей структуре.

Ключевые слова: культурология, мировая художественная культура, общее художественное образование, интегративные процессы в образовании, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

DOI: 10.52173/2079-1100_2025_3_82

Ольга Сергеевна САПАНЖА

| Генезис предметной области мировой художественной культуры в контексте культурологического поворота в отечественном образовании (ленинградский-петербургский опыт) |

** Статья выполнена при финансовой поддержке Министерства просвещения Российской Федерации в рамках государственного задания, проект № VRFY-2025-00277.*

Конец XX века в отечественной науке был отмечен активным интересом к проблемам взаимосвязей и взаимодействия глобальных процессов развития человечества, пространства культуры и образования как важнейшего механизма передачи культурного опыта и основы для его развития[1]. «Дисциплинарный успех» культурологии в 1990-е гг. стал серьезным фактором интереса к ней на разных уровнях. Однако при внешнем внимании к актуальным для своего времени концепциям теории культуры, одновременно проявилась противоположная тенденция, упрощавшая само проблемное поле науки при его адаптации к системе общего образования, сводя культурологию на местах к изучению «суммы культур» или к интерпретации разных, подчас случайных, явлений как центральной проблематики обучения[2] . Очарование культурологией породило кажущуюся легкость ее освоения и беспроблемное включение предмета в учебные планы. Это стало одним из факторов, не позволившим закрепиться культурологии в системе школьного образования – упрощенное или личноокрашенное интерпретационное содержание легко заменялось междпредметными связями с историей или литературой, а потому понимание необходимости интегративной дисциплины и, в целом, интегративного подхода на уровне массовой школы, не стало научным педагогическим мейнстримом. Как на уровне самой научной рефлексии не был решен важнейший вопрос о границах культурологии (этот вопрос не утратил остроты и сегодня – «Как определить, что относится к культурологии, что – к культурфилософии, а что – к культуроведению, а что вообще к нашей области знания не относится?»[3]), так и на уровне школы он не был проработан, а сама культурология была автоматически сведена к культуроведению, которая на следующем шаге конструирования была заменена кругом привычных предметов гуманитарного цикла.

Изначально заданный вектор развития культурологии в школе как ответ на запрос современной культуры в личности, обладающей «неизмеримо большей мыслительной универсальностью», чем человек индустриального общества[4], также ограничивал перспективы ее развития, делая задачи сугубо инструментальными, связанными с развитием функциональной грамотности[5]. Включение культурологии в процесс формирования концептов новых форм

[1] Егорычев, А. М. Культура и образование: вектор развития в современном мире / А. М. Егорычев, А. В. Ткаченко, В. В. Зарецкий // Образование личности. – 2018. – № 4. – С. 37–45.

[2] Бондарев, А. В. Современная культурология в контексте цивилизационных задач развития России / А. В. Бондарев, И. В. Леонов // Культурное пространство: генезис и трансформации: Тезисы докладов IX международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24–25 октября 2024 года. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный институт культуры, 2024. – С. 14.

[3] Бондарев, А. В. Эпистемологические проблемы изучения истории культурологии: научно-исследовательские и учебно-методические аспекты / А. В. Бондарев // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2021. – № 3(101). – С. 10.

[4] Шогенов, А. А. Глобализация и образование / А. А. Шогенов // Профессиональное образование. – 2007. – № 9. – С. 6–8.

[5] Парамзина, Н. Н. Функциональная грамотность как один из показателей качества образования / Н. Н. Парамзина // Современное образование: наука и практика. – 2020. – № 1(14). – С. 39–43.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

обучения и образования, ориентированных на новое «учебное сознание», движение к «Homo discipulus», на инновационное обучение, отмеченное имманентной эмерджентностью было полезно, но недостаточно[6]. Конкретные формы обучения требовали переосмысления содержания образования – не формального, а системного.

Четверть века назад одним из ответов на этот запрос стало появление в школьных курсах предмета «Мировая художественная культура», которая, заявив о себе во второй половине 1970-х гг., прошла стремительный этап роста и развития, но затем была исключена из перечня обязательных школьных курсов. Похожая судьба постигла культурологию как обязательный предмет в средних специальных и высших учебных заведениях, а потому сегодня стоит обратиться к истории культурологии в пространстве образования (в данной статье – общего образования, школьной культурологии[7]), чтобы понять, почему ее интегративный потенциал не был принят, не закрепился в системе школьного образования, и какие перспективы у культурологии есть сегодня.

Отметим, предваряя исторический очерк, что развитие школьной культурологии во второй половине XX века балансировало между двумя подходами – *дискретным* (предполагавшим изучение материала по истории культуры в рамках ряда предметов гуманитарного цикла, то есть формально, но не системно расширявшим набор изучаемых тем) и *интегративным* (настаивающим на целостном освоении культуры в школе, начиная с детской культурологии, направленной на изучение мира культуры как единого мира деятельностного участия, до мировой художественной культуры в средней школе, обобщающей опыт осмысления мира и его преобразования средствами искусства). Интегративный подход, требующий серьезной научной проработки, стал в определенный период методологическим мейнстримом, однако позже утратил эти позиции. Изучение генезиса школьной культурологии, которое требует отдельных серьезных исследований, позволит заполнить существенный пробел в истории и историографии науки. Начать же стоит с осмысления опыта конкретных школ, стоявших у истоков включения культурологической проблематики в систему общего образования и развития научных концепций методологии и методики культурологизации образования.

Обратимся к истории актуальных идей по освоению культуры в педагогическом дискурсе на примере ленинградской, а позже – петербургской традиции ведущего педагогического вуза – Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена (ЛГПИ им. А.И. Герцена, с 1991 г. – Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена), в котором шли все процессы, общие для развития культурологического знания с учетом специфики самой институции.

Начало этих процессов стоит отнести к 1960-м гг. В этот период стало возможно продолжение и развитие тех внутринаучных предпосылок, которые сложились в отечественном интеллектуальном пространстве в 1910-х–1930-х гг.[8], и определили перспективные направле-

[6] Лось, В. А. В поисках «человека обучающегося»: на пути к Homo discipulus? / В. А. Лось // Век глобализации. – 2024. – № 4(52). – С. 169–179.

[7] Общее образование включает четыре уровня: дошкольное образование, начальное общее образование (1–4 классы), основное общее образование (5–9 классы), среднее общее образование (10–11 классы).

[8] Бондарев, А. В. Интеллектуальный ландшафт отечественного культурознания конца 1910-х – начала 1930-х гг.: предпосылки возникновения культурологии / А. В. Бондарев // Вестник Санкт-Петербургского госу-

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

ния научного поиска на основе междисциплинарных исследований культуры во взаимодействии с художественной практикой[9]. Школа периода оттепели возьмет ряд этих принципов на вооружение.

Кроме того, вопросы целостного освоения художественной культуры в отечественной системе общего школьного образования стали результатом стремительного кризиса сложившейся в середине XX века системы массовой школы. Переоценка коснулась предметов, формально ответственных за образность и вариабельность мышления, но фактически закрепляющих навыки механического труда (рисование, труд), так началась пересборка школьных предметов гуманитарного цикла.

Почти сразу после формирования системы советского образования в послевоенный период, начиная с 1960-х гг., переосмыслению подверглись подходы к преподаванию отдельных предметов в школе – были выдвинуты новаторские для своего времени идеи освоения различных видов искусств на основе деятельностного похода, разнообразия методик, расширения круга изучаемых произведений и видов художественно-творческой деятельности человека[10]. Важно, что эти изменения совпали с первым периодом институционального оформления культурологии в пространстве советского научного дискурса, что позволяет говорить о тесной связи передовых интеллектуальных движений и педагогики массовой школы. Тем не менее, первые шаги, отражающие общую логику развития культурологии, были сфокусированы на двух существующих школьных предметах – рисование (позже изобразительное искусство) и история – как основы для включения культурологической компоненты.

Поиск путей включения проблематики культуры в программы школы привел к появлению экспериментальных площадок, отрабатывающих новые идеи. В 1970-е гг. идеи моно-художественного и поли-художественного образования определили разработку концепции непрерывного художественно-эстетического воспитания на протяжении всего курса школьного обучения[11].

Обычно история этих новаций связывается с московскими методическими школами художественного образования. Ленинградская традиция остается за границами исследования, и, казалось бы, история художественно-графического факультета ЛГПИ им. А.И. Герцена, основанного в 1959 г., не дает оснований говорить о наличии оригинальных методических разработок – сначала это была серьезная школа черчения, у истоков которой стояли преподаватели высших военных учебных заведений, а затем – художественная школа, ориентированная, прежде всего, на реалистическую живопись, наследующую академическим традициям, носителями которой были, в большинстве своем, преподаватели факультета[12].

дарственного института культуры. – 2024. – № 2(59). – С. 24.

[9] Там же. С. 23.

[10] Курбатова, Н. В. Концептуальные подходы к преподаванию изобразительного искусства во второй половине XX в.: историко-педагогический анализ / Н. В. Курбатова // Гуманитарное пространство. – 2014. – Т. 3. – № 1. С. 42–51; Неменский, Б. М. Искусство как форма познания и организации жизни (проблемы художественной педагогики) / Б. М. Неменский // Гуманитарное пространство. – 2012. – Т. 1. – № S9. – С. 1–100.

[11] Пигарева, И. В. Нас объединяло искусство / И. В. Пигарева // Bulletin of the International Centre of Art and Education. – 2017. – № 1. – С. 6.

[12] Корвацкая, Е. С. Худграф. Начало. Летопись художественно-графического факультета Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. 1959–1962: очерки / Е. С. Корвацкая, О. С. Сапанжа. – СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2025. – 68 с.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

Ольга Сергеевна САПАНЖА

| Генезис предметной области мировой художественной культуры в контексте культурологического поворота в отечественном образовании (ленинградский-петербургский опыт) |

Исследования последних лет показали, однако, что определенные элементы научной школы, сопрягающей обучение изобразительного искусства с историческим искусствознанием, и шире – развитием культуры, были и в ленинградском институте. Важным представителем новаторских направлений была И. П. Глинская[13]. Автор двух учебников для преподавателей по методике изучения изобразительного искусства[14], она в 1972 г. защитила докторскую диссертацию на, казалось бы, сугубо методическую тему формирования способов овладения пространственной информацией на плоскости у младших школьников. Из одиннадцати глав шесть посвящены не непосредственным вопросам методики, а серьезному исследованию исторической динамики пространственных структур от искусства Древнего Египта до Нового времени и теоретическим аспектам систематизации методов передачи пространственной информации на плоскости[15]. Особое внимание уделяется в тексте проблеме историзма как важнейшей для понимания динамики искусства. Сторонница исторического подхода, противостоящего академическому (как она его называет, имея в виду центр – Академию Художеств), дискретному подходу в изучении отдельных произведений, И. П. Глинская отстаивает его на страницах ведущих журналов еще в 1950-е гг., в период работы в Ленинградском государственном университете[16]. Более того – в период обучения в аспирантуре ЛГУ (1946–1949 гг.), она могла учиться у преподававшего там И. И. Иоффе[17] (во всяком случае, он принимал у И. П. Глинской кандидатский экзамен), и включить в орбиту своих интересов синтетический подход, разрабатываемый последним.

В диссертации И. П. Глинская снова возвращается к мысли о необходимости строить обучение конкретным художественно-творчески навыкам на серьезной исторической базе. Во введении она отмечает, что рассмотрение возможностей закрепления пространственной информации на плоскости составляет существенную часть изучения всякого изображения, и история мировой культуры подтверждает разнообразие этих возможностей. При этом вопросы способов закрепления пространственной информации мало освещены в науке, что определяет, по словам И. П. Глинской многоярусную структуру работы и включение в нее дополнительного исследования с обращением к материалам истории искусств[18]. Историко-искусствоведческий подход в осмыслении задач художественного образования был прогрессивным для своего времени, опирался на фундаментальные работы в области эстетики, морфологии искусства, истории.

Параллельно развивалось упомянутое выше второе направление, которое создавало

[13] Сапанжа, О. С. Академическая биография И. П. Глинской (1909–1997 гг.) в контексте культуральной истории/ О. С. Сапанжа // Общество: философия, история, культура. – 2025. – № 3(131). – С. 179–186.

[14] Глинская, И.П. Изобразительное искусство. Методика обучения в 1–3 классах. – Киев: Рад. школа. 1978. – 111 с., ил.; Глинская, И.П. Изобразительное искусство. Методика обучения в 4–6 классах. – Киев: Рад. школа. 1981. – 126 с., ил.

[15] Глинская, И.П. Формирование способов овладения пространственной информацией на плоскости у младших школьников. Диссертация на соискание учен. степени д-ра пед. наук. Ленинградский государственный педагогический институт имени А. И. Герцена. Ленинград, 1972.

[16] Сапанжа, О. С. Актуальные проблемы советского исторического искусствознания в трудах И. П. Глинской // Журнал интегративных исследований культуры. – 2025. – т. 7. – № 2. –С. 128–138.

[17] Ананьев, В. Г. «Широта его [научных интересов] была исключительно большая...». Заседание памяти профессора, доктора филологических наук, теоретика искусства И. И. Иоффе на историческом факультете ЛГУ. 1947 г / В. Г. Ананьев // Исторический архив. – 2025. – № 5. – С. 64–81.

[18] Там же. С. 10.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

основу для перехода к решению проблем целостного освоения художественной культуры – изучение возможностей материала по истории мировой художественной культуры как части школьного курса истории. В 1973 г. в ЛГПИ им. А. И. Герцена была защищена кандидатская диссертация Л. М. Предтеченской, посвященная этой проблеме[19]. Пять лет спустя вышла книга, в которой опыт отбора произведений был расширен до проблемы изучения художественной культуры в курсах новой и новейшей истории[20]. В историю же педагогики Л. М. Предтеченская вошла как создатель нового оригинального, самостоятельного предмета – Мировая художественная культура. Отметим, что в этот период вопросы включения материала по истории культуры в школьные курсы истории были актуальной проблемой и для ленинградской, и для московской школ. В 1968 г. Г. Р. Косова защищает диссертацию «Произведения искусства древности и средневековья как источник знаний в обучении истории в V–VI классах» [21], а спустя десять лет расширяет границы и выпускает книгу «Изучение вопросов культуры в школьном курсе истории СССР», охватывающую программу 7–10 классов, но, что более важно, укрупняющую проблему – от анализа произведений к вопросам культуры[22].

Итак, в 1970-х гг. в стенах Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена велась достаточно интенсивная работа, расширяющая границы традиционного школьного общего гуманитарного образования. Это не была, собственно, культурология, которая сама пока делала первые оригинальные дисциплинарные шаги в пространстве научного дискурса, но разработка подходов и приемов, закладывающих основу перехода к осмыслению культурологического образования в школе, соединившего достижения культурологии и методические наработки предшествующих десятилетий. Важно подчеркнуть, что пласт наследия ленинградской педагогической школы в полной мере еще не осмыслен и не изучен, и это серьезная задача для будущих исследователей истории академической науки в стенах педагогического института.

В целом же, проводимые исследования были частью подготовительных этапов, повлиявших, спустя годы, на характер происходивших изменений. К концу 1980-х гг. в Советском Союзе сложились и методологические основания, и внутренняя готовность системы образования принять необходимость интегративных дисциплин, которые, сначала соседствуя, а затем заменяя прежние, стали бы основанием для перехода на новую систему общего гуманитарного образования, отвечающего потребностям глобального общества нового типа.

На рубеже 1980-х–1990-х гг. казалось, что такая перестройка неизбежна. Предмет, связанный с освоением мировой художественной

[19] Предтеченская, Л. М. Вопросы художественной культуры в школьном курсе новой и новейшей истории: (Проблема отбора материала): диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена. – Ленинград, 1973. – 214 с.

[20] Предтеченская, Л.М. Изучение художественной культуры в курсах новой и новейшей истории. – М.: [б. и.], 1978. – 167 с.: ил

[21] Косова, Г.Р. Произведения искусства древности и средневековья как источник знаний в обучении истории в V–VI классах: содержание и методика работы. Диссертация кандидата педагогических наук. – М. 1968. – 308 с.

[22] Косова, Г. Р. Изучение вопросов культуры в школьном курсе истории СССР: 7-10-е кл. / Г. Р. Косова. – М.: Просвещение, 1981. – 253 с.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

культуры, с 1987 г. стал обязательным в системе общего, среднего профессионального и среднего специального образования. Уровни освоения художественного наследия человечества были разные, но предмет – один. Вузы оперативно (что было возможно в условиях резко меняющегося образовательного пространства и широкой возможности для развития экспериментальных практик) стали готовить преподавателей мировой художественной культуры для школ, училищ, техникумов – потребность в них возросла.

Заостренный интерес к проблематике системного освоения наследия человечества в противовес сюжетной дискретности, вряд ли случаен, и не может быть исчерпывающе объяснен исключительно внутренним развитием модели образования в позднесоветский период. Несоответствие содержания обучения реальным запросам усложняющихся секторов экономики, общая ситуация времени, нарастание глобальных процессов – все это привело к появлению, без преувеличения, целого педагогического явления, взявшего на себя миссию обоснования стратегических оснований и определения тактических технологий воспитания человека, имеющего не случайное, а целостное представление о мире художественной культуры. Логично предположить, что это был не только ответ на глобализацию культуры и искусства, но и следствие важных процессов конституирования культурологии как научного направления, не только изучающего, но и преобразующего мир.

Именно тогда учеными Герценовского университета были сформулированы важнейшие фундаментальные принципы содержательных и концептуальных оснований *нового* интегративного предмета для школы. Эта деятельность была связана с образованной на художественно-графическом факультете кафедрой художественной культуры, специалисты которой во главе с заведующим – Л. М. Мосоловой, – разрабатывали, наряду с вопросами общей теории и истории культуры, *методологию школьной культурологии.* Для педагогического вуза, определяющего на рубеже 1980-х –1990-х гг., новые принципы своей деятельности, системная разработка вопросов культурологического образования на всех уровнях была предельно важна.

Основным отличием, собственно, культурологического, а не поли-художественного подхода, которым часто подменялось новое понимание роли и места мировой художественной культуры в пространстве нового образования, была опора на философские и эстетические концепции ведущих ученых, задающих рамку приложения частных методик в пространстве постижения целостного поля культуры. На этом этапе развития обращение к передовым идеям и концепциям культурологии, в значительной степени, обеспечил «успех» школьной культурологии, который вывел ее на новый уровень по сравнению с рассмотренными выше идеями междисциплинарных связей, развития исторических подходов или интеграции содержания мировой художественной культуры в другие предметы. Мировая художественная культура в школе стала, с одной стороны, закономерным развитием идей общего художественного образования, а, с другой стороны, подпитанная актуальными идеями культурологии, стала претендовать на самостоятельное место в структуре образования и собственный оригинальный предмет изучения.

Одним из пионеров системного осмысления новых трендов в общеобразовательной школе стала книга преподавателя Герценовско-

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

го университета И. А. Химик «Как преподавать мировую художественную культуру», которую дважды выпускало издательство «Просвещение» – в 1992 году и в 1994 году. Созданное в 1963 г. на базе издательств «Учпедгиз» и Академии педагогических наук РСФСР, «Просвещение» специализировалось на выпуске учебной литературы и научно-популярных изданий. В условиях кризиса начала 1990-х гг. ухудшилось качество изданий, упали тиражи (книга 1994 г. вышла тиражом 50 000 экз.), но некоторое время сохранялся контроль за качеством продукции. Более того – на страницах внешне не очень презентабельных изданий поднимались проблемы, нацеленные на перестройку моделей и содержания обучения. К таким важным для новой образовательной системы изданиям, стоит отнести книгу «Как преподавать художественную культуру». Издание имеет подзаголовок – «книга для учителя» и, по сути, представляет концентрированное и доступное изложение подходов к целостному освоению мировой художественной культуры. В обозначенный период многие учителя внутренне были готовы принимать участие в трансформационных процессах, а потому книга, скорее, имеет не строго-дидактический, а мотивационный характер.

Изданиям, имеющих всероссийский охват и министерскую поддержку, предшествовала брошюра, опубликованная в 1991 г. в РГПУ им. А. И. Герцена, ориентированная на преподавателей вузов и намечающая пути интеграции новой дисциплины в образовательную систему[23]. В начале 1990-х гг. сама необходимость изучения мировой художественной культуры на всех уровнях образования не была очевидной, а потому необходимо было продемонстрировать ее возможности.

Важнейшей идеей становится мысль о необходимости коренной перестройки системы гуманитарного образования в логике культурологического подхода. Распространенное мнение, согласно которому, достаточно было увеличить количество часов на существующие предметы учебного плана, подвергается резкой критике[24]. Новые курсы должны стать интегративными – это «курсы будущего», призванные «на новом уровне представить знания о мире и человеке»[25]. Называется и главная проблема, грозящая растворением интегративности: зависимость методики преподавания предмета от его содержания, что определяет ее диффузность, так как само содержание еще находится в стадии разработки[26]. Тем не менее, очерчивая ключевые подходы и методы к преподаванию мировой художественной культуры, И. А. Химик называет активные методы – опережающих заданий, проблемных лекций, деловых игр и т.д.[27], при использовании которых открывается диалогическая природа курса, обусловленная диалогической природой мира художественной культуры[28].

Все изложенные в брошюре 1991 г. принципы в уточненном и развернутом виде представлены в книге издательства «Просвещение». В ней, однако, меняются акценты – книга предназначена не для студентов педагогических вузов, а для практикующих педагогов, прежде

[23] Мировая художественная культура. Тезисы лекций / Л. М. Мосолова, А. П. Валицкая, Г. К. Щедрина. Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, Малое гос. науч.-произв. Предприятие «Внедрение». – Л.: РГПУ им. А.И. Герцена, 1991. – 67 с.

[24] Химик, И. А. Методика преподавания основ художественной культуры. – Л.: РГПУ им. А.И. Герцена. 1991. – С. 3.
[25] Там же. С. 4.
[26] Там же. С. 5–6.
[27] Там же. С. 13.
[28] Там же. С. 17.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

всего, школьных. И все же, невзирая на необходимые в формате популярного издания упрощения, И. А. Химик обращается к базовым основаниям культурологии – пониманию мира культуры в трудах ведущих ученых. Основаниями разработки и преподавания курса «Мировая художественная культура» в школе названы концепция структурно-типологического освоения художественной культуры (М. С. Каган) и принципы преподавания мировой художественной культуры, разработанные в рамках петербургской научно-педагогической школы (Л. М. Мосолова, А. П. Валицкая)[29]. Именно этот фундаментальный подход в определении базовых оснований методических разработок стоит признать отличительной чертой петербургской традиции, которая изначально задавала предмету «Мировая художественная культура» необходимую в тот момент фундированность.

Подход, основанный на концепции М. С. Кагана, определял высокий уровень теоретического обобщения и конструирования фундаментальных принципов образования. В качестве ключевого называется книга «Художественная культура в докапиталистических формациях. Структурно-типологическое исследование»[30], в котором художественная культура определяется как совокупный способ и продукт художественной деятельности людей, охватывающий все виды художественной деятельности и процессы, связанные с распространением, хранением, восприятием, оценкой произведений[31]. В дальнейшем при демонстрации конкретных приемов и технологий обучения в рамках тех или иных тем исторического изучения культуры, автор будет постоянно апеллировать именно к пониманию мира культуры как целостности, несводимой к одной из сфер или виду искусства.

И. А. Химик достаточно просто и ясно выстраивает текст пособия, понимая, что ее основной читатель – учитель, однако практика создания текстов популярного характера учеными была общей. Отметим в скобках, что в 1980-е гг. тот же М. С. Каган писал и научно-популярные тексты. Примером такого издания является брошюра общества «Знание» (секция пропаганды марксистко-ленинской философии), посвященная эстетическим факторам перестройки и ускорения[32]. При известных необходимых реверансах в сторону решений XVII съезда КПСС, доклада М. С. Горбачева «Октябрь и перестройка: революция продолжается» и редакционной статьи в газете «Правда», сам текст заострен на важной проблеме образования рубежа 1980–1990-х гг.: новое обращение к культуре как фактору социального развития, имеющему проявления во всех сферах жизни, деятельности, человеческих отношений[33], что, несмотря на очевидный общий методологический марксистский подход, выводила ее за рамки надстройки и рассматривала в условиях развития нового глобализирующегося мира. Содержатся в популярной брошюре и важные ремарки, невнимание к которым и привело впоследствии в тупик быстро начавшееся движение в сторону интегративного понимания смыслов

[29] Мировая художественная культура. Тезисы лекций / Л. М. Мосолова, А. П. Валицкая, Г. К. Щедрина. Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, Малое гос. науч.-произв. Предприятие «Внедрение». – Л.: РГПУ им. А. И. Герцена, 1991. – 67 с.
[30] Художественная культура в докапиталистических формациях: Структур.-типол. исслед. / [В. Г. Иванов, М. С. Каган, В. В. Прозерский и др.]; Науч. ред. М. С. Каган. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. – 303 с.
[31] Там же. С. 5.
[32] Каган М.С. Эстетические факторы перестройки и ускорения. – Л: Знание. 1988. – 32 с.
[33] Там же. С. 7.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

преподавания мировой художественной культуры на всех уровнях образования. М. С. Каган обращает внимание на опасность отождествления эстетического воспитания с художественным[34], и на необходимость в оценке роли искусства в развитии потенциала личности учитывать не только, собственно, творчество как создание нового и оригинального, но и творческую интерпретацию произведений зрителем[35]. Этот пример движения от сложного к простому, а не обратно, утраченный в публицистической традиции, стоит также признать важной вехой в определении места и роли культурологического просвещения в конце 1980-х – 1990-е гг. Утрата этого просвещения отчасти повлекла снижение интереса и, как следствие, исключение культурологии из общего образовательного мейнстрима.

Еще раз акцентируем внимание на том, что важнейшим теоретическим пунктом книги «Как преподавать мировую художественную культуру» является требование интегративности – на нем автор неоднократно настаивает, и этот принцип стоит признать не только не утратившим актуальности, но, напротив, получившем новый импульс развития в рамках поиска новых моделей образования. Определяя суть интегративных курсов (на всех уровнях обучения), И. А. Химик определяет их как «предметы новой школы, призванные на качественно новом уровне представить знания о мире и человеке»[36]. Утверждая, что ни изучение отдельных видов искусства, ни экстенсивное расширение часов на них, ни межпредметные связи, не в состоянии решить актуальные задачи педагогики, она намечает направления интегративного освоения наследия: духовно-содержательное, институциональное, морфологическое[37].

Наконец, в книге предлагается вариант системы художественного образования в школе, реализация которой, возможно, дала бы интересные результаты развития системы общего гуманитарного образования.

Первый этап освоения мировой художественной культуры – это начальная школа, в рамках которой ведущей является самовыражение детей в художественной сфере во всех направлениях: музыке, танце, слове, изобразительной деятельности, актерской игре, пластике и т.п. Продуктивными будут формы синкретической деятельности[38]. Такая мысль должна была подвести автора к мысли о необходимости формальной перестройки предметной области, созданию интегративного предмета, настроенного на это первое постижение мира культуры, однако в качестве ведущих методических систем И. А. Химик называет системы Б. М. Неменского, Д. Б. Кабалевского. Обе эти системы и сегодня развиваются в системе общего образования, однако они не придали ему импульс интегративности, ограничив движение развитием деятельностного творчества, но в рамках моно-художественных моделей.

Второй этап освоения мировой художественной культуры приходится на основную школу, и связан с изучением основ языка и отдельных видов искусств, включая виды, которые появились в XX веке и обладают ярко выраженными признаками глобальности (кино, дизайн, фотография)[39]. Нельзя сказать, что этот принцип не реализуется в современной основной школе – требование федеральных рабочих

[34] Там же. С. 19.
[35] Там же. С. 31.
[36] Химик, И. А. Как преподавать мировую художественную культуру: Кн. для учителя / И. А. Химик. 2-е изд. – М.: Просвещение, 1994. – 157. [2] с., с.6
[37] Там же. С. 7.
[38] Там же. С. 9.
[39] Там же.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

программ предусматривают изучение дизайна, фотографии, однако желаемая интегративность явно не достигается, а изучение видов искусств продолжает оставаться дискретным. Вероятно, и здесь задачей будущего станет выработка не дисциплинарной, а иной модели целостного освоения разнообразного мира искусств – не только изобразительных и музыкальных, как следует из названия предметов, несмотря на расширившееся содержание. Вопрос наименования не кажется излишним – ребенок запоминает название предметов на всю жизнь, сохраняя представление о мире художественной культуры как мире «изо-музо».

Наконец, третий этап в системе общего художественного образования, который и стал завоеванием культурологии рубежа 1980–1990-х гг., это старшая школа (общее среднее образование), когда происходит рассмотрение содержания и структуры художественной культуры, наиболее важных закономерностей сложного процесса ее развития, роли в жизни людей[40]. Это уровень, максимально связывающий осмысление исторического прошлого с задачами современной культуры и перспективами ее развития.

Сам факт включения предмета «Мировая художественная культура» в программу школьного образования – революционный для своего времени, – был важен не только как свидетельство постоянных изменений внутри достаточно традиционной образовательной модели массовой школы. Скорее, продуктивно анализировать обозначенный интерес в контексте запроса глобального мира на личность, целостно и креативно осваивающую разнообразное наследие не дискретно, а как целостность. Уже первые сигналы этого «запроса» были услышаны культурологами.

Итак, можно выделить следующие этапы развития идей культурологии в развитии общего гуманитарного образования. Первый этап был связан с развитием идей моно-художественного, а затем – поли-художественного образования, обусловившего появление предметов «Изобразительное искусство» и «Музыкальное искусство» вместо «Рисование» и «Музыка». Логичным продолжением должно было стать развитие поли-художественного подхода, развиваемое Б. П. Юсовым, однако и сегодня общее образование продолжает медленное движение от моно-художественного к поли-художественному подходу в границах междисциплинарности, несмотря на усилия сторонников концепции интегрированного образования[41]. Параллельно получил развитие подход, предлагавший насытить содержание школьного курса истории темами, относящимися к истории мировой художественной культуры. Оба названных подхода, которые носили характер педагогического эксперимента и превратились в педагогические практики в 1980-е гг., заложили основы для выделения Мировой художественной культуры в отдельный предмет, с одной стороны, продолжающий логику поли-художественного образования, но, с другой стороны, подкрепленный мощным движением отечественной культурологии в 1990-е гг. поставил более амбициозные

[40] Там же. С. 10.

[41] Савенкова, Л. Г. Интегрированное полихудожественное образование – условие культурологической безопасности современных детей и молодежи // Интегрированное полихудожественное образование: сборник научных статей по материалам Всероссийского форума учителей и преподавателей в области искусств, Москва, 08 ноября 2023 года. – М.: Общество с ограниченной ответственностью «Сам Полиграфист», 2023. – С. 40–56.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

задачи формирования интегративных связей школьного гуманитарного образования.

Начавшееся стремительное движение в сторону интегративности, отвечающее вызовам времени, тем не менее, не стало педагогической реальностью. Сегодня курсы мировой художественной культуры являются необязательными, факультативными. Не удалось реализовать не только интегративный принцип – сложный, многосоставный, требующий концептуального понимания пространств культуры, но даже междисциплинарный – по-прежнему предметная область «Искусство» отделена от области «Родной язык и родная литература», а названия учебных предметов не соответствуют их реальному содержанию[42]. Очевидно, что важнейшей методологической задачей будущего станет осмысление гуманитарной предметной области как целостности, разработка новых названий для предметных областей и учебных предметов, их анализ не в системе очевидной междисциплинарности, а в контексте глобального интегративного подхода.

Разработка новых направлений не означает отказа от предшествующего опыта – напротив, обращение к корпусу работ, в которых были намечены пути перехода к новым принципам образования, в тот момент, когда условия для этого сложились, предельно важно. Первые работы, в которых были намечены пути экспериментального освоения новой области интегративного знания, представляют и исторический, и актуальный прогностический интерес.

И хотя историческое развитие показало, что реальной связки между проектируемыми этапами художественного образования не произошло – переход от поли-художественного подхода к целостному интегративному постижению мира культуры не состоялся, что и определило исключение предмета из обязательной программы со всеми вытекающими последствиями: от формальных (отсутствия итоговых форм аттестации, профильных для вузов), до содержательных (разрушения важного принципа последовательности, целостности изучения освоения наследия как основы актуальных культуротворческих практик), современная ситуация представляет возможности вернуться к идеям целостного освоения мира культуры в школе. Образовательное движение от единого синкретичного мира художественной культуры в начальной школе к внутренне-организованному миру искусства в основной и синтезу единого мира культуры в старших классах требует проработки ключевых культурологических концепций, которые тоже еще не в полной мере осмыслены в целостности научных парадигм[43]. Модель «интегративная пропедевтика (начальная школа) – интегративный анализ (основная школа) – культурологический синтез (средняя школа)» не стала педагогической реальностью. Тем важнее современные усилия, направленные на возрождение внимания к проблеме целостного освоения мира

[42] Федеральная рабочая программа учебного предмета «Изобразительное искусство» требует изучения основ «разных видов визуально-пространственных искусств: живописи, графики, скульптуры, дизайна, архитектуры, народного и декоративно-прикладного искусства, фотографии, функции художественного изображения в зрелищных и экранных искусствах», из которых только первые три относятся к изобразительным. Федеральная рабочая программа по предмету «Изобразительное искусство» (URL: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2025/07/2025_ooo_frp_izo-5-7.pdf) (дата обращения: 15.09.2025).

[43] Бондарев, А. В. Эпистемологические проблемы изучения истории культурологии: научно-исследовательские и учебно-методические аспекты / А. В. Бондарев // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2021. – № 3(101). – С. 6–22.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

культуры на всех образовательных уровнях. Новые вызовы, вероятно, должны породить новые методологические ответы.

Подтверждением же складывания условий для «культурологического ответа» является активизация фундаментальных и прикладных исследований, попытки осмыслить сделанное и наметить пути новой «сборки». Предельно важным представляется осмысление исторического опыта культурознания, фиксация первые шагов и предпосылок появления российской культурологии, этапов развития институциональных структур и деятельности экспериментальных площадок[44]. Первым этапом работы в этом направлении в части изучения региональных школ, вовсе не отмеченных чертами локальности и замкнутости, было определение научно-образовательных топосов культурологии в культурном ландшафте Санкт-Петербурга[45], которые, играя важную роль в становлении отечественной культурологии, имеют потенциал к серьезному дальнейшему развитию.

И если Санкт-Петербург возможно рассматривать как центр культурологии[46], то внимание к каждому компоненту общей системы знания неизбежно, иначе желаемая интегративность не сможет преодолеть дискретность. Если исследования будут продолжены и очередной виток внимания к проблемам места и роли культурологии в пространстве школы, будет связан с поиском оснований системности, снова будет поставлен вопрос о формировании целостной системы культурологического просвещения в общем образовании.

[44] Культурологические ландшафты Петербурга. Коллективная монография. – М.: Наука. 2024. – 319 с.

[45] Бондарев, А. В. Научно-образовательные топосы культурологии в культурном ландшафте Санкт-Петербурга / А. В. Бондарев, Л. М. Мосолова // Общество. Среда. Развитие. – 2021. – № 3(60). – С. 61–72.

[46] Бондарев, А. В. Санкт-Петербург как центр культурологии: обоснование и основные направления деятельности Санкт-Петербургского центра культурологии на базе РГПУ им. А. И. Герцена / А. В. Бондарев // Современная культурология и ее образовательные модусы. XVIII Кагановские чтения: Сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17 мая 2024 года. – СПб.: ООО Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2025. – С. 119–133.

Список литературы

Ананьев, В. Г. «Широта его [научных интересов] была исключительно большая...». Заседание памяти профессора, доктора филологических наук, теоретика искусства И. И. Иоффе на историческом факультете ЛГУ. 1947 г. // Исторический архив. – 2025. – № 5. – С. 64–81. DOI 10.71053/0869-6322-2025-0-5-64-81.

Бондарев, А. В. Эпистемологические проблемы изучения истории культурологии: научно-исследовательские и учебно-методические аспекты // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2021. – № 3(101). – С. 6–22. DOI 10.24412/1997-0803-2021-3101-6-22

Бондарев, А. В. Научно-образовательные топосы культурологии в культурном ландшафте Санкт-Петербурга / А. В. Бондарев, Л. М. Мосолова // Общество. Среда. Развитие. – 2021. – № 3 (60). – С. 61–72.

Бондарев, А. В. Современная культурология в контексте цивилизационных задач развития России / А. В. Бондарев, И. В. Леонов // Культурное пространство: генезис и трансформации: тезисы докладов IX международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24–25 октября 2024 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный институт культуры, 2024. – С. 12–14.

Бондарев, А. В. Интеллектуальный ландшафт отечественного культурознания конца 1910-х – начала 1930-х гг.: предпосылки возникновения культурологии // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2024. – № 2(59). – С. 19–24. DOI 10.30725/2619-0303-2024-2-19-24

Бондарев, А. В. Санкт-Петербург как центр культурологии: обоснование и основные направления деятельности Санкт-Петербургского центра культуро-

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

логии на базе РГПУ им. А. И. Герцена // Современная культурология и ее образовательные модусы. XVIII Кагановские чтения: сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17 мая 2024 года. – Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2025. – С. 119–133.

Глинская, И. П. Формирование способов овладения пространственной информацией на плоскости у младших школьников: диссертация … д-ра пед. наук / Ленинградский государственный педагогический институт имени А. И. Герцена. – Ленинград, 1972. – 346 с.

Глинская, И. П. Изобразительное искусство. Методика обучения в 1–3 классах. – Киев: Рад. школа, 1978. – 111 с.

Глинская, И. П. Изобразительное искусство. Методика обучения в 4–6 классах. – Киев: Рад. школа, 1981. – 126 с.

Егорычев, А. М. Культура и образование: вектор развития в современном мире / А. М. Егорычев, А. В. Ткаченко, В. В. Зарецкий // Образование личности. – 2018. – № 4. – С. 37–45.

Каган, М. С. Эстетические факторы перестройки и ускорения. – Ленинград: Знание, 1988. – 32 с.

Корвацкая, Е. С. Худграф. Начало. Летопись художественно-графического факультета Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. 1959–1962: очерки / Е. С. Корвацкая, О. С. Сапанжа. – Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2025. – 68 с.

Косова, Г. Р. Произведения искусства древности и средневековья как источник знаний в обучении истории в V–VI классах: содержание и методика работы: диссертация … кандидата пед. наук / Академия педагогических наук СССР, НИИ общего и политехн. образования. – Москва, 1968. – 308 с.

Косова, Г. Р. Изучение вопросов культуры в школьном курсе истории СССР: 7–10-е кл. – Москва: Просвещение, 1981. – 253 с.

Культурологические ландшафты Петербурга. Коллективная монография / [Андриенко Е. В., Биржинюк Г. М., Бондарев А. В., и др.] отв. ред.: Л. М. Мосолова. – Москва: Наука, 2024. – 319 с.

Курбатова, Н. В. Концептуальные подходы к преподаванию изобразительного искусства во второй половине XX в.: историко-педагогический анализ // Гуманитарное пространство. – 2014. – Т. 3. – № 1. – С. 42–51.

Лось, В. А. В поисках «человека обучающегося»: на пути к Homo discipulus? // Век глобализации. – 2024. – № 4(52). – С. 169–179. DOI: 10.30884/vglob/2024.04.14

Мировая художественная культура: тезисы лекций / Л. М. Мосолова, А. П. Валицкая, Г. К. Щедрина – творч. коллектив «НИКА», [Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, Малое гос. науч.-произв. предприятие «Внедрение»]. – Ленинград : РГПУ им. А. И. Герцена, 1991. – 67 с.

Парамзина, Н. Н. Функциональная грамотность как один из показателей качества образования // Современное образование: наука и практика. – 2020. – № 1 (14). – С. 39–43.

Пигарева, И. В. Нас объединяло искусство // Bulletin of the International Centre of Art and Education. – 2017. – № 1. – С. 2–14. – URL: http://www.art-in-school.ru/bul/1_2017_Pigareva.pdf (дата обращения: 18.02.2026).

Предтеченская, Л. М. Вопросы художественной культуры в школьном курсе новой и новейшей истории: (проблема отбора материала): диссертация … кандидата педагогических наук / Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена. – Ленинград, 1973. – 214 с.

Предтеченская, Л. М. Изучение художественной культуры в курсах новой и новейшей истории. – Москва: Просвещение, 1978. – 167 с. (Из опыта работы).

Савенкова, Л. Г. Интегрированное полихудожественное образование – условие культурологической безопасности современных детей и молодежи // Интегрированное полихудожественное образование : по материалам Всероссийского форума учителей и преподавателей в области искусства : Юсовские чтения (8 ноября 2023 г.) : сборник научных статей / Российская академия образования, Отделение образования и культуры ; ред.-сост. Е. П. Олесина, Москва, 08 ноября 2023 года. – Москва: Сам Полиграфист, 2023. – С. 40–56.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

Сапанжа, О. С. Академическая биография И. П. Глинской (1909–1997 гг.) в контексте культуральной истории // Общество: философия, история, культура. – 2025. – № 3(131). – С. 179–186. DOI 10.24158/fik.2025.3.25

Сапанжа, О. С. Актуальные проблемы советского исторического искусствознания в трудах И. П. Глинской // Журнал интегративных исследований культуры. – 2025. – Т. 7. – № 2. – С. 128–138. https://www.doi.org/10.33910/2687- 1262-2025-7-2-128-138 EDN RFSJDL

Химик, И. А. Методика преподавания основ художественной культуры. – Ленинград: РГПУ им. А. И. Герцена, 1991. – 80 с.

Химик, И. А. Как преподавать мировую художественную культуру: кн. для учителя. – 2-е изд. – Москва: Просвещение, 1994. – 157 с.

Художественная культура в докапиталистических формациях: структурно-типологическое исследование / В. Г. Иванов, М. С. Каган, В. В. Прозерский и др.; науч. ред. М. С. Каган. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1984. – 303 с.

Шогенов, А. А. Глобализация и образование // Профессиональное образование. – 2007. – № 9. – С. 6–8.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

DOI: 10.52173/2079-1100_2025_3_82

Olga S. SAPANZHA

| The Development of School Cultural Studies: Stages, Ideas, and Prospects (Leningrad-St. Petersburg Experience) |

Olga S. SAPANZHA

Herzen State Pedagogical University of Russia
48, Moika Emb., Saint Petersburg, Russian Federation 191186
Institute of Art Education
Head of Department of History of Art and Art Education
Doctor of Science in Cultural Science, Professor
ORCID 0000-0001-7874-2539
E-mail: sapanzha@mail.ru

THE DEVELOPMENT OF SCHOOL CULTURAL STUDIES: STAGES, IDEAS, AND PROSPECTS (LENINGRAD-ST. PETERSBURG EXPERIENCE)*

The article focuses on the processes of incorporating issues of world art culture into the general education system in connection with the development of Russian cultural studies, and the role of the Herzen University's methodological school in these processes. These processes are collectively referred to as "school cultural studies," which encompasses the field of cultural studies that forms the methodological foundations for the process of learning, upbringing, and development aimed at mastering cultural values and developing a cultural worldview. Despite the variety of specific methods, there are two fundamental approaches to understanding the place and role of culture in general education: the discrete approach (which involves studying cultural history as part of a range of humanities subjects) and the integrative approach (which emphasizes the holistic development of culture at all stages of education). The historical review presented in the article allows us to determine how these two approaches were implemented in specific pedagogical practices. The first attempts to expand general humanities education date back to the 1960s, when methodological approaches were developed within experimental sites, which in the 1970s grew into independent concepts of mono- and poly-art education. In the early 1970s, these searches intensified at the A. I. Gertsen State Pedagogical Institute, where two scientific areas were developed: historical and art studies in general education (I. P. Glinskaya) and the integration of world art culture into school history courses (L. M. Predtechenskaya). At the turn of the 1980s and 1990s, due to the interest in a range of relevant cultural studies concepts, the independent subject of World Art Culture was included in the general education program and received a new impetus for development, which was marked by the publication of the book for teachers "How to Teach World Art Culture" (by I. A. Khimik), based on the scientific cultural studies approach developed at Herzen University and furthered at the Department of World Art Culture. Insufficient attention to the fundamental foundations of cultural studies (an integrative approach) is considered to be one of the key factors in the loss of cultural studies in the structure of general education, and the prevalence of a fragmented approach to the study of cultural studies in schools (a discrete approach). The revival of interest in systemic school cultural studies today is possible on the basis of understanding the basic foundations of cultural studies, carefully studying the history of its development, and determining the place of school cultural studies in its overall structure.

Keywords: cultural studies, world art culture, general art education, integrative processes in education, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University.

The article was funded by the Ministry of Education of the Russian Federation as part of the state assignment (project No. VRFY-2025-0027).

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

References

Anan'ev, V. G. (2025) «Shirota ego [nauchnykh interesov] byla iskliuchitel'no bol'shaia...». Zasedanie pamiati professora, doktora filologicheskikh nauk, teoretika iskusstva I.I. Ioffe na istoricheskom fakul'tete Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. 1947 god ["The breadth of his [scientific interests] was exceptionally great..." A meeting in memory of Professor, Doctor of Philological Sciences, and art theorist I.I. Ioffe at the Faculty of History of Leningrad State University. 1947]. *Istoricheskii arkhiv* [*Historical Archives*], 5, 64–81. DOI 10.71053/0869-6322-2025-0-5-64-81 (In Russian)

Bondarev, A. V. (2021) Epistemologicheskie problemy izucheniia istorii kul'turologii: nauchno-issledovatel'skie i uchebno-metodicheskie aspekty [Epistemological problems of studying the history of cultural studies: research and educational-methodological aspects]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [*Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*], 3(101), 6–22. DOI 10.24412/1997-0803-2021-3101-6-22 (In Russian)

Bondarev, A. V. & Mosolova, L. M. (2021) Nauchno-obrazovatel'nye toposy kul'turologii v kul'turnom landshafte Sankt-Peterburga [Scientific and educational topoi of cultural studies in the cultural landscape of St. Petersburg]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie* [*Society. Environment. Development*], 3(60), 61–72. (In Russian)

Bondarev, A. V. & Leonov, I. V. (2024) Sovremennaia kul'turologiia v kontekste tsivilizatsionnykh zadach razvitiia Rossii [Contemporary cultural studies in the context of the civilizational tasks of Russia's development]. *Kul'turnoe prostranstvo: genezis i transformatsii: Tezisy dokladov IX mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [*Cultural Space: Genesis and Transformations: Abstracts of the IX International Scientific and Practical Conference*]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State Institute of Culture Publ., 12–14. (In Russian)

Bondarev, A. V. (2024). Intellektual'nyi landshaft otechestvennogo kul'turoznaniia kontsa 1910-kh – nachala 1930-kh gg.: predposylki vozniknoveniia kul'turologii [The intellectual landscape of Russian cultural studies in the late 1910s – early 1930s: prerequisites for the emergence of cultural studies]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [*Bulletin of Saint Petersburg State University of Culture*], 2(59), 19–24. DOI 10.30725/2619-0303-2024-2-19-24 (In Russian)

Bondarev, A. V. (2025). Sankt-Peterburg kak tsentr kul'turologii: obosnovanie i osnovnye napravleniia deiatel'nosti Sankt-Peterburgskogo tsentra kul'turologii na baze RGPU imeni A. I. Gertsena [St. Petersburg as a Center for Cultural Studies: The rationale and main areas of activity of the St. Petersburg Center for Cultural Studies at the Herzen State Pedagogical University of Russia]. *Sovremennaia kul'turologiia i ee obrazovatel'nye modusy. XVIII Kaganovskie chteniia: Sbornik statei uchastnikov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [*Contemporary Cultural Studies and Its Educational Modes. 18th Kaganov Readings: A Collection of Articles by Participants of the All-Russian Scientific and Practical Conference*]. Saint Petersburg: Asterion Publ., 119–133. (In Russian)

Glinskaia, I. P. (1972) *Formirovanie sposobov ovladeniia prostranstvennoi informatsiei na ploskosti u mladshikh shkol'nikov: dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni doktora pedagogicheskikh nauk* [*Formation of methods for mastering spatial information on a plane in primary school students: dissertation for the degree of Doctor of Pedagogy*]. Leningrad: Leningrad Herzen State Pedagogical Institute, 346 p. (In Russian)

Glinskaia, I. P. (1978) *Izobrazitel'noe iskusstvo. Metodika obucheniia v 1–3 klassakh* [*Fine Arts: Teaching Methods for Grades 1–3*]. Kyiv: Radians'ka shkola Publ., 111 p. (In Russian)

Glinskaia, I. P. (1981) *Izobrazitel'noe iskusstvo. Metodika obucheniia v 4–6 klassakh* [*Fine Arts: Teaching Methods for Grades 4–6*]. Kyiv: Radians'ka shkola Publ., 126 p. (In Russian)

Egorychev, A. M., Tkachenko A. V. & Zaretskii V. V. (2018) Kul'tura i obrazovanie: vektor razvitiia v sovremennom mire [Culture and education: a vector of development in the modern world]. *Obrazovanie lichnosti* [*Personality formation*], 4, 37–45 (In Russian)

Kagan, M. S. (1988) *Esteticheskie faktory perestroiki i uskoreniia* [*Aesthetic factors of restructuring and acceleration*]. Leningrad: Znanie Publ., 32 p. (In Russian)

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

Korvatskaia, E. S. & Sapanzha, O. S. (2025) *Khudgraf. Nachalo. Letopis' khudozhestvenno-graficheskogo fakul'teta Leningradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. A. I. Gertsena. 1959–1962: ocherki* [*Artistic Graph. Beginning. Chronicle of the Art and Graphic Arts Department of the Leningrad Herzen State Pedagogical Institute. 1959–1962: Essays*]. Saint Petersburg: A. I. Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 68 p. (In Russian)

Kosova, G. R. (1968) *Proizvedeniia iskusstva drevnosti i srednevekov'ia kak istochnik znanii v obuchenii istorii v V–VI klassakh: soderzhanie i metodika raboty. Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [*Ancient and Medieval Art as a Source of Knowledge in History Teaching in Grades V–VI: Content and Methodology. Dissertation for the Degree of Cand. Sc. Pedagogy*] / USSR Academy of Pedagogical Sciences. Research Institute of General and Polytechnic Education. Moscow, 308 p. (In Russian)

Kosova, G. R. (1981) *Izuchenie voprosov kul'tury v shkol'nom kurse istorii SSSR: 7–10-e klassy [Studying Cultural Issues in the School History Course of the USSR: Grades 7–10*]. Moscow: Prosveshhenie Publ., 253 p. (In Russian)

Mosolova, L. M., ed. (2024) *Kul'turologicheskie landshafty Peterburga: kollektivnaia monografiia* [*Cultural Landscapes of St. Petersburg. A Collective Monograph*]. Moscow: Nauka Publ., 319 p. (In Russian)

Kurbatova, N. V. (2014) Kontseptual'nye podkhody k prepodavaniiu izobrazitel'nogo iskusstva vo vtoroi polovine KhKh veka: istoriko-pedagogicheskii analiz [Conceptual approaches to teaching fine arts in the second half of the 20th century: historical and pedagogical analysis]. *Gumanitarnoe prostranstvo* [*Humanity Space*], 3, 1, 42–51. (In Russian)

Los', V. A. (2024) V poiskakh «cheloveka obuchaiushchegosia»: na puti k Homo discipulus? [In Search of the "Learning Man": Towards Homo Discipulus?]. *Vek globalizatsii* [*Age of Globalization*], 4(52), 169–179. DOI 10.30884/vglob/2024.04.14 (In Russian)

Mosolova, L. M., Valitskaia, A. P. & Shchedrina, G. K. (1991) *Mirovaia khudozhestvennaia kul'tura. Tezisy lektsii* [*World Artistic Culture. Lecture Abstracts*]. Leningrad: Herzen State Pedagogical Institute of Russia Publ., 67 p. (In Russian)

Paramzina, N. N. (2020) Funktsional'naia gramotnost' kak odin iz pokazatelei kachestva obrazovaniia [Functional literacy as one of the indicators of education quality]. *Sovremennoe obrazovanie: nauka i praktika* [*Modern education: science and practice*], 1(14), 39–43. (In Russian

Pigareva, I. V. (2017) Nas ob"edinialo iskusstvo [We were united by art]. *Bulletin of the International Centre of Art and Education*, 1, 2–14. URL: http://www.art-in-school.ru/bul/1_2017_Pigareva.pdf (Accessed: February 18, 2026). (In Russian)

Predtechenskaia, L. M. (1973) *Voprosy khudozhestvennoi kul'tury v shkol'nom kurse novoi i noveishei istorii: (Problema otbora materiala): dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [*Issues of artistic culture in the school course of modern and contemporary history: (The problem of selection of material): Dissertation for the Degree of Cand. Sc. Pedagogy*]. Leningrad: Leningrad Herzen State Pedagogical Institute Publ., 214 p. (In Russian)

Predtechenskaia, L. M. (1978) *Izuchenie khudozhestvennoi kul'tury v kursakh novoi i noveishei istorii* [*The study of artistic culture in courses on modern and contemporary history*]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 167 p. (In Russian)

Savenkova, L. G. (2023) Integrirovannoe polikhudozhestvennoe obrazovanie – uslovie kul'turologicheskoi bezopasnosti sovremennykh detei i molodezhi [Integrated polyartistic education is a condition for the cultural safety of modern children and youth]. *Integrirovannoe polikhudozhestvennoe obrazovanie: po materialam Vserossiiskogo foruma uchitelei i prepodavatelei v oblasti iskusstva : Iusovskie chteniia (8 noiabria 2023 g.) : sbornik nauchnykh statei* [*Integrated polyartistic education: a collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Forum of Teachers and Lecturers in the Field of Arts*]. Moscow: «Sam Poligrafist», 40–56. (In Russian)

Sapanzha, O. S. (2025) Akademicheskaia biografiia I. P. Glinskoi (1909–1997 gg.) v kontekste kul'tural'noi istorii [Academic Biography of I.P. Glinskaya (1909–1997) in the Context of Cultural History]. *Obshchestvo: filosofiia, istoriia, kul'tura* [*Society: Philosophy, History, Culture*], 3(131), 179–186. DOI 10.24158/fik.2025.3.25 (In Russian)

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

 DOI: 10.52173/2079-1100_2025_3_82

Olga S. SAPANZHA

| The Development of School Cultural Studies: Stages, Ideas, and Prospects (Leningrad-St. Petersburg Experience) |

Sapanzha, O. S. (2025) Aktual'nye problemy sovetskogo istoricheskogo iskusstvoznaniia v trudakh I. P. Glinskoi [Actual problems of Soviet historical art studies in the publications of Irina Glinskaya]. *Zhurnal integrativnykh issledovanii kul'tury* [*Journal of Integrative Cultural* Studies], 7, 2, 128–138. DOI: https://www.doi.org/10.33910/2687- 1262-2025-7-2-128-138 EDN RFSJDL (In Russian)

Khimik, I. A. (1991) *Metodika prepodavaniia osnov khudozhestvennoi kul'tury* [*Methods of teaching the fundamentals of artistic culture*]. Leningrad: Leningrad Herzen State Pedagogical Institute Publ., 80 p. (In Russian)

Khimik, I. A. (1994) *Kak prepodavat' mirovuiu khudozhestvennuiu kul'turu: Kniga dlia uchitelia* [*How to Teach World Artistic Culture: A Teacher's Guide*]. 2nd ed. Moscow: Prosveshchenie Publ., 157 p. (In Russian)

Kagan, M. S., ed. (1984) *Khudozhestvennaia kul'tura v dokapitalisticheskikh formatsiiakh: Strukturno-tipologicheskoe issledovanie* [*Artistic Culture in Pre-Capitalist Formations: A Structural and Typological Study*]. Leningrad: Leningrad State University Publ., 303 p. (In Russian)

Shogenov, A. A. (2007) Globalizatsiia i obrazovanie [Globalization and education]. Professional'noe obrazovanie [Professional education], 9, 6–8. (In Russian).

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

DOI: 10.52173/2079-1100_2025_3_101

Надежда Гегамовна БАГДАСАРЬЯН

| Опыт становления российской культурологии в 1980–2000 гг.: надежды, иллюзии и реальность |

Надежда Гегамовна БАГДАСАРЬЯН

Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана
107005, Российская Федерация, Москва, 2-я Бауманская, д.5
Профессор кафедры социологии и культурологии
Доктор философских наук, профессор
ORCID: 0000-0003-0639-3987
E-mail: ngbagda@mail.ru

ОПЫТ СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ В 1980–2000 ГОДАХ: НАДЕЖДЫ, ИЛЛЮЗИИ И РЕАЛЬНОСТЬ

Современная отечественная культурология, формирующаяся в постсоветском пространстве России, прошла в своем институциональном развитии ряд этапов. Первый этап (вторая половина 1980-х – 1991-й гг.) – период формирования новой дисциплины, создание кафедры в МГТУ им. Н. Э. Баумана в 1987 г. сопровождалось призывами к гуманитаризации, к общекультурному развитию студентов технических вузов. Движение было поддержано вузами страны, однако сохранялись неясность содержания, размытость и разброс учебных форм, непрофессионализм преподавательского состава. Второй период, формировавшийся с начала 1990-х годов, выступил на сцену образовательной практики к середине десятилетия. Шел процесс определения целей и задач преподавания культурологии, концептуальных моделей, границ предметного поля, разворота содержания дисциплины к будущей профессиональной деятельности. Кульминацией этого периода стал учебник культурологии для технических вузов, вышедший в 1999 г. В 2000-е гг. дисциплина читается во всех вузах страны, идет процесс подготовки кадров, создаются диссертационные советы, защищаются научные труды, проводятся конгрессы, основываются специализированные журналы, формируются культурологические сообщества. В настоящее время статус культурологии в инженерных вузах вновь обретает неопределенность в связи с очередной трансформацией блока социально-гуманитарных дисциплин. Опыт разработки курса культурологии для инженеров, пласт методологии научных исследований и практики решения задач, возникающих в социотехнических системах, необходимость и острота проблемы социокультурной оценки техники, последствий инженерно-технической деятельности и вопросов ответственности – делают актуальной область *культурологии техники*.

Ключевые слова: культурология, МГТУ им. Н. Э. Баумана, морфология и феноменология культуры, учебник культурологии для технических вузов, предметное поле культурологии, этапы культурологии в России, культурология техники, П. К. Энгельмейер.

Наука о культуре должна вобрать в себя множество поднаук и объединить их в единую науку.

Джеймс Файблмен

Бесконечно много надежды, но не для нас.

Кафка

Начиная с рубежа XIX–XX вв., когда идея культуры обретает антропологические очертания (Э. Тайлор, Б. Малиновский и др.), знание о культуре начинает систематизироваться, обрастает онтологией, концептуальным многообразием и методологическими подходами, интерес к культуре особенно актуа-

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

лизируется в периоды кризисов и социальных трансформаций.

Социальный контекст

Конец 1980-х гг. – время пересмотра основополагающих установок жизни страны во всех ее структурных составляющих. В обществе рушатся одни, и формируются другие нормы, ценности, мотивы, образцы поведения, образы и представления о будущем. Меняются приоритеты в системе профессиональной деятельности – становятся популярными юристы и экономисты, «проседают» инженеры и исследователи. Высшая школа вынужденно адаптируется к новым потребностям рынка труда, открывая новые факультеты. Однако обществоведческие дисциплины еще читаются кафедрами марксистско-идеологического профиля, явно не корреспондирующими с дыханием капиталистической экономики постсоветского этапа жизни общества.

В 1986 г. в МВТУ им. Н. Э. Баумана пришел новый ректор – летчик-космонавт, совершивший три полета, доктор технических наук, выпускник МВТУ А. С. Елисеев. Будучи народным депутатом СССР, он являлся председателем президиума советского общества по культурным связям с соотечественниками за рубежом (общество «Родина»), и в ходе зарубежных поездок знакомился с системами образования. Его ректорство было сопряжено с серьезными переменами: в 1989 г. учебное заведение сменило название, став Московским государственным техническим университетом, первым техническим университетом России, сохранив при этом имя Н. Э. Баумана. Университетский статус подкреплялся двумя основными событиями: во-первых, усилением научной составляющей, что потребовало преобразования инженерных факультетов в научно-учебные комплексы, а, во-вторых, – созданием гуманитарной кафедры, в задачу которой входило включение студентов в культурное пространство. Так в октябре 1987 г. был подписан приказ о создании кафедры социологии и гуманитарного образования с назначением заведующим кафедрой кандидата исторических наук, доцента Н. Г. Багдасарьян. Аморфное «гуманитарное образование» лишь через несколько лет было заменено на «культурологию», чему есть свое объяснение. В научном дискурсе этот термин, разумеется, присутствовал, хотя и не был на слуху. В то же время в академической среде, в МГУ им. М. В. Ломоносова и в других гуманитарных вузах, читались курсы истории и теории мировой и отечественной культуры, философии культуры, были кафедры этики и эстетики. Но ни в названиях кафедр, ни в названиях учебных курсов культурологии не было: прецеденты отсутствовали. Несколько попыток выступлений на заседаниях Ученых Советов МГТУ с предложением о приведении названия кафедры в соответствие с содержанием читаемой дисциплины культурологии успеха не имели (не будем забывать, что мы находились, и продолжаем находиться в самом мощном техническом – и ментально технократическом – вузе страны). Понадобились несколько лет напряженной работы – по выстраиванию концепции курса, набору и подготовке преподавательского состава, прицельных выступлений на советах факультетов, чтобы, наконец, удалось убедить Ученый совет вуза, и кафедра обрела название социологии и культурологии.

Первый учебник

Поиск новой модели преподавания блока социально-гуманитарных дисциплин в техниче-

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

DOI: 10.52173/2079-1100_2025_3_101

Надежда Гегамовна БАГДАСАРЬЯН

ском вузе осложнялся отсутствием необходимой информационной базы: переводные и отечественные научные издания, энциклопедическая и учебная литература стали появляться лишь к середине 1900-х гг. В преподавании новой дисциплины следовало, с одной стороны, отразить новую социокультурную реальность страны, а, с другой стороны, – попытаться узнать и учесть опыт лучших вузов мира. В 1991 и 1993 гг. случились две моих командировки в США, с участием в конференциях, выступлениями в ряде американских университетов, среди которых был Массачусетский технологический институт. В МГТУ отношение к этому институту особое – у нас каждый знает, что он в свое время создавался по образцу Императорского Московского технического училища. Знакомство с системой инженерного образования МТИ показало, что около 25 процентов учебного времени студентов отведено на изучение социально-гуманитарных дисциплин, которые организованы специальным департаментом «Social Science&Humanities». Дисциплины по выбору, каждая «весит» определенное число зачетных единиц, и студенту надо набрать необходимый их объем. Разумеется, копирование утвердившейся десятилетиями системы самого известного в мире инженерного вуза было невозможно в силу объективных и субъективных причин, но этот образец, как и аналогичные учебные планы других американских вузов, давал крепкую почву и укреплял в убежденности правильно взятого курса на гуманитаризацию технического образования.

Первые Государственные образовательные стандарты по дисциплинам гуманитарного цикла были далеки от идеала, особенно в той части, которая касалась учета специфики будущей профессиональной деятельности студентов, стандарты носили всеобщий характер, отражали основную проблематику дисциплин. Мы же ясно понимали, что курс, который не имеет структурной привязки к направленности вуза и читается лишь для развития «общей культуры» обречен. Именно поэтому на кафедре началась разработка модели курса культурологии с привязкой к техническому вузу. Еженедельные мозговые штурмы позволили выйти на концепт, который и был отражен в программе учебного курса[1] и трех выпусках учебного пособия под названием «Мир через культуру»[2].

Во введении в программу мы писали: «авторы исходили из следующих методологически важных принципов. Во-первых, культура рассматривается как целостное явление, развивающееся во взаимодействии с другими структурными элементами общества. Во-вторых, делается попытка сравнительного культурологического анализа, в основании которого – идея диалога культур, отличающая отечественную научную школу. В-третьих, авторы опирались на междисциплинарные подходы, вовлекая данные из смежных наук – психологии, социологии, философии, истории, антропологии, этнографии и др. … Культура не состоит из одних лишь шедевров»[3].

Отпечатанные в типографии МГТУ на тонкой, желтой, журнальной бумаге мелким, плохо читаемым шрифтом, учебные пособия были удивительным образом замечены в самом

[1] Программы базовых курсов факультета гуманитарных и социально-политических наук / под ред. М.А. Фроловой. – М.: Изд-во МГТУ. 1993. – 72 с.

[2] Мир через культуру: Учеб. пособие по курсу культурологии. Вып.1 / Под ред Н.Г. Багдасарьян – М.: Изд-во МГТУ, 1993. – 124 с.; Мир через культуру: Учебное пособие П/ред. Н.Г. Багдасарьян – М.: МГТУ, 1995. – Вып. II; Мир через культуру: Учебное пособие / П/ред. Н.Г. Багдасарьян – М.: МГТУ, 1995. – Вып. III.

[3] Программы базовых курсов факультета гуманитарных и социально-политических наук / под ред. М.А. Фроловой. – М.: Изд-во МГТУ. 1993. – С. 24.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

авторитетном тогда для высшего образования издательстве «Высшая школа». С предложения издательства началась работа коллектива над учебником культурологии для технических вузов, завершившаяся его публикацией в 1999 г.[4] Без ложной скромности, оглядываясь назад, можно считать это событие легендарным. От ряда других учебников и учебных пособий, появившихся в предшествующие годы, учебник отличался следующими характеристиками.

- *Системность и концептуальная цельность,* выраженные как в структуре и логике учебника, выделении культурологической проблематики, так и в методологических подходах к анализу конкретных «срезов» культуры. Десять глав ведут читателя от проблемы происхождения культуры до культуры будущего.
- *Научность:* опора на фундаментальные концепции социально-гуманитарного знания, имеющие место в мировой науке, в оборот вовлечены малоизвестные работы по теории культуры зарубежных и отечественных авторов.
- *Ориентация на будущую профессиональную деятельность студентов.* Она проявляется как в отборе дидактических единиц, так и в нацеленности на обеспечение конкретной профессиональной компетентности. Учебник отвечает решению триединой задачи: во-первых, **общекультурной**, т.е., расширению кругозора студентов, универсализации их знаний, во-вторых, введению в **методологию социо-гуманитарного знания**, что обогащает возможности любой профессиональной деятельности, и, в-третьих, формирует **социокультурную компетентность** как значимую часть собственно профессиональной подготовки специалиста.
- *Универсальность*. Несмотря на то, что в качестве адресата учебника обозначены студенты технических вузов, он может быть полезен всем, кого интересуют проблемы культуры: универсальные приемы и подходы к анализу культуры, содержащиеся в книге, позволяют использовать ее в качестве аналога для обучения студентов экономических, юридических и иных социально-гуманитарных специальностей.
- Основательная *методическая проработка*: каждый раздел включает в себя темы для самостоятельной работы, дискуссионные вопросы для обсуждения в группе на занятиях, а также практикум, содержащий проверочные тесты.
- Материал учебника содержит *воспитательный аспект*, который очевиден для специалистов, но вместе с тем не имеет назидательной формы, и проведен через все темы предельно корректно.

Представляется, что был найден интересный, связывающий весь курс воедино в целостную матрицу, подход. Учебный материал организован по двум блокам: морфология культуры и феноменология культуры. Морфология рассматривает закономерности строения культуры и процессы ее формообразования в онто- и филогенезе, это как бы анатомия культуры как живого организма, и, не ограничиваясь описанием культурных форм, занимается объяснением того, почему эти формы возникли. В программе курса морфология представлена темами,

[4] Культурология: учебник для студентов технических вузов / Колл. авт.; Под ред. Н. Г. Багдасарьян. – М.: Высш. шк., 1999. – 511 с. Учебник выдержал 6 переизданий, последнее, основательно переработанное, выпущено в 2010 г., оно содержит уже 13 тем, включая экономическую и организационную культуру, политическую культуру и культуру информационного общества. См. Культурология: Учеб. для студ. тех. вузов / Н. Г. Багдасарьян, А. В. Литвинцева, А. П. Назаретян и др.; Под ред. Н. Г. Багдасарьян. – 6-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 2010. – 638 с.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

раскрывающими проблемы происхождения культуры, ее структуры, динамики, типологии, языка. В основу отбора тем для феноменологии культуры, то есть, самих явлений, было положено «культурное значение» тех или иных феноменов для университетского образования, будущей профессиональной деятельности и понимания мира человека и природы. Была сделана попытка в темах второй части – феноменологии культуры – как бы «провести» их через методологическую матрицу, заложенную в части первой. Получался своеобразный герменевтический круг, где целое и его составные части не могут быть поняты друг без друга. Такая была задумка. Как она получилась – судить коллегам.

Определенную роль в обретении прочной методологической основы и учебника, и реального учебного курса сыграла подготовка и защита мною в 1998 г. докторской диссертации на тему: «Профессиональная культура инженера: механизмы освоения»[5]. Собственно, основной ее тезис о том, что культурология «не для культурологов», призвана формировать профессиональную культуру инженера, способного определять социокультурные и этические нормы и следовать им, принимать решения, когда осознаны не только утилитарные мотивы и цели деятельности, но и смыслы ее в историко-культурном контексте. Все это способствует созданию в обществе гарантий социальной безопасности.

Культурологии как ВАКовской специальности в конце 1990-х еще не было, защита прошла в философском Диссертационном совете в Институте культурологии, находившемся тогда в двойном подчинении – Министерства культуры и Министерства образования и науки. Председателем Совета была Эльна Александровна Орлова, она же выступила и научным консультантом.

Из сегодняшнего дня видно, что появление в 1999 г. «Культурологии для технических вузов», занявшей первое место во Всероссийском конкурсе учебников по гуманитарным дисциплинам, сыграло существенную роль в конституировании культурологии как учебной дисциплины. Структура учебника нашла отражение и в последующих поколениях Государственных стандартов.

Этапы институализации

В своем институциональном становлении в высшей школе в постсоветской России культурология прошла несколько этапов.

Первый этап (вторая половина 1980-х – 1991-й гг.) – период формирования новой дисциплины, был ознаменован призывами к общекультурному развитию студентов технических вузов. В средствах массовой информации появилось множество материалов по поводу ограниченности технократизма и необходимости гуманитаризации, которая тогда понималась как введение новых курсов в учебный процесс, демократизация жизни вузов, расширение спектра внеучебных форм работы со студентами, широкое ознакомление их с достижениями мировой и отечественной культуры.

Движение разворачивалось в технических вузах Ленинграда, Новочеркасском, Красноярском, Уральском, Таганрогском и других инженерных институтах. Активность развили искусствоведы, филологи, обретавшие возможное поле приложения своих сил. В высшую школу пришли специалисты из институтов Академии наук, неся с собой актуальное знание. Тесня гуманитариев, стали читать в рамках со-

[5] Багдасарьян, Н.Г. Профессиональная культура инженера: механизмы освоения: Монография. – М.: МГТУ, 1998. – 257 с.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

циогуманитарного блока спецкурсы по истории науки и техники кандидаты и доктора технических наук.

Эти процессы имели как позитивные, так и негативные последствия. Прежде всего, они обнаружили преподавательский непрофессионализм: не всякий ученый, даже известный, имеющий множество работ, может преподавать, и не всякий курс истории науки и техники носит гуманитарный, или хотя бы междисциплинарный характер. Кроме того, невысокий интерес студентов (после недолгого всплеска) к «шедеврам искусства» обусловил необходимость поставить вопрос о смысле и целях подобного рода просветительской деятельности в инженерных вузах. Наиболее устойчивым успехом пользовались курсы по психологии, особенно по практической психологии.

Этот период характеризовался, во-первых, неясностью целей (она формулировалась чаще всего как общекультурная), во-вторых, размытостью и большим разбросом учебных форм (в одних случаях это были только лекции, в других – только практические занятия, в третьих зачет ставился за предъявление билетов в театры и музеи, в четвертых – чтение авторских спецкурсов), в-третьих, – отсутствием единой организационной структуры (в ряде вузов создавались специальные кафедры, по образцу МГТУ им. Н. Э. Баумана, в других – секции на кафедрах истории или философии).

Новые курсы чаще всего рассматривались в качестве противовеса идеологизированным общественным наукам, что, впрочем, таковым и было, и потому существенного значения структуре и специфике предметного поля культурологии не придавалось. Как правило, это были курсы по истории и теории мировой культуры, ограниченные, в основном, культурой художественной: «Я знаю, от чего я бегу, но не знаю, чего ищу» (Мишель де Монтень). Для преподавания дисциплины были характерны эклектизм, непрофессионализм и текучесть педагогического состава: привлечение специалистов, ранее в вузах не работавших, в частности, академических ученых, искусствоведов, музейных работников и т.п., не всегда давало положительный эффект.

К. Разлогов в предисловии к первому тому энциклопедии культурологии, ставившем задачу «осмыслить происходящие на наших глазах и с нашим непосредственным участием процессы формирования новой научной дисциплины», писал: «В России сам термин «культурология» приобрел права гражданства тогда, когда закрыли кафедры, связанные с историческим материализмом и научным коммунизмом. Их преобразовали в кафедры культурологии. Ключевые вопросы при этом оставались открытыми»[6]. Очень жаль, что в таком фундаментальном, энциклопедическом труде Кирилл Эмильевич неточен, тем более что он сам был одним из первых, приглашенных на кафедру в МВТУ им. Н. Э. Баумана лекторов. Наша кафедра подобной предыстории не имела, и создавалась как совершенно новое, не имевшее аналога в системе отечественного высшего образования подразделение, ключевой задачей которого было включение знания о культуре в профессиональную инженерную подготовку.

Второй период, формировавшийся латентно с начала 1990-х годов, выступил на сцену образовательной практики к середине десятилетия.

С начала 1990-х гг. ситуация стала меняться. Была отменена система распределения выпускников вузов, а, следовательно, и гаран-

[6] Теоретическая культурология. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга; РИК, 2005. – С. 3.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

тии трудоустройства. На некоторое время (1991–1992 гг.) упал конкурс в инженерные вузы, ухудшился контингент учащихся. Снижение относительного уровня зарплаты профессорско-преподавательского персонала вызвало отток преподавателей из вузов, причем наиболее активной их части в возрастном и профессиональном отношении: некоторые переместилась в предпринимательскую сферу, другие – в политическую. Начиная с 1992–1993 гг. возрастает число студентов, совмещающих учебу с работой, часть из них заводит «собственное дело». Перераспределение запросов на профессиональную рабочую силу на рынке труда, необходимость обеспечения материальных условий жизни, заставляет некоторых студентов, ориентированных на собственное жизнеобеспечение за счет квалифицированного труда, стремиться к получению второй, дополнительной специальности (чаще всего юридической или экономической). В ситуации дефицита времени студенты избирательно, с позиции «философии пользы», начали относиться к курсам и предметам. Возросли требования и к преподавательскому профессионализму. Все это в свою очередь потребовало приведения социально-гуманитарного блока в систему, четкого определения целей и задач преподавания, адекватно выраженных в концептуальных нормативных моделях, разворота содержания дисциплин к будущей профессиональной деятельности: времена, когда можно было читать один и тот же курс в гуманитарном, сельскохозяйственном и техническом вузе прошли, или почти прошли.

В какой-то степени эти требования отразились в государственных образовательных стандартах. Чрезвычайно важным для судьбы дисциплины стало решение Минобразования Российской Федерации об обязательном изучении культурологии, принятое в ходе разработки и утверждения в 1992–1994 гг. первого поколения стандартов. Однако сам текст первого стандарта по культурологии, как, впрочем, и второго, принятого в 1996 г., явившись результатом определенного компромисса, носил явно паллиативный характер.

Непроясненность предметного поля культурологии, его рамок не могла не отразиться как в процедуре конституирования предмета, так и в практике его преподавания. В образовательном стандарте культурологии отведено второстепенное место (наряду с социологией, политологией, психологией и др.), при этом вряд ли можно считать убедительными основания, или критерии ранжирования внутри блока «социально-экономических и гуманитарных дисциплин», в который, напомним, вошли, кроме истории Отечества, философии и экономики, иностранный язык и физкультура. Для культурологии это положение обернулось сокращением объема аудиторных занятий, они были переведены в основном, в режим лекций, а ряд кафедр российских вузов были переформированы или перепрофилированы.

И все же, дисциплина, стремительно набиравшая силу в первый постсоветский период, успела закрепиться в сознании общественности: был накоплен значительный опыт, предмет занял стабильное место в учебном процессе, но еще и в 1990-е гг. продолжался процесс становления его предметного поля, сопровождавшийся большим числом конференций с ведущимися вокруг культурологических подходов дискуссиями, переводными изданиями зарубежных авторов, публикациями статей, культурологических словарей и энциклопедий[7].

[7] Культурология. XX век. Энциклопедия в двух томах. – СПб, Университетская книга; ООО «Алетейя», 1998; Энциклопедический словарь по культурологии / Под общ. ред. А. А. Радугина. М.: Центр, 1997. – 478 с.; Культуро-

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

Трудно переоценить этот период «открытия» в России зарубежных авторов, давно ставших на Западе классиками (М. Вебер, П. Сорокин, О. Шпенглер, Э. Фромм, А. Тойнби, З. Фрейд, К.Г. Юнг, Й. Хейзинга, Э. Кассирер, М. Фукко, Р. Барт и др.), и вместе с ними – «открытия» не публиковавшихся прежде работ наших соотечественников и переиздания русской классики. Выпускались все новые и новые учебники[8], многие авторы торопились заявить о себе, публикуя свои предыдущие наработки, порой учебники представляли собой сборники не выстроенных в общую логику статей, нередко под обложкой «Культурология» обнаруживалась все та же история культуры с элементами теории. В 2007 г. я получила от молодого издательства Юрайт предложение создать авторский учебник, который и вышел первым изданием в 2008 г.[9] Он допечатывается ежегодно, и по данным издательства, студенты в более чем трехстах вузах страны учатся именно по нему.

2000-е гг. можно, вероятно, считать «золотым веком» культурологии. Она читается во всех вузах страны, идет процесс подготовки кадров, создаются Диссертационные советы, защищаются научные труды, проводятся конгрессы, основываются специализированные журналы, формируются культурологические сообщества.

В 2007 г. в России в соответствии с Болонским процессом была введена система бакалавриата и магистратуры, что поставило культурологию под вопрос. Переход со специалитета на бакалавриат вынудил уплотнить учебные планы инженерной подготовки за счет специальных дисциплин, чтобы не ослабить ее. Тогдашнему ректору МГТУ И. Б. Федорову удалось отстоять несколько направлений специалитета, но это не решало проблемы. Факультеты резко сократили объем всех дисциплин социогуманитарного блока, а во многих вузах и вовсе остались лишь те, что входили в число обязательных.

Мы завершаем этот раздел констатацией неопределенности статуса культурологии в ситуации новой трансформации блока социально-гуманитарных дисциплин в высшей школе, введением обязательного для всех направлений обучения курса Основ российской государственности. Дискуссии о его содержании и всей структуре блока еще продолжаются.

Имена

Оглядываясь на самое начало истории вузовской культурологии, на первые два-три года в МВТУ – в отсутствии программ, литературы и специалистов, но при наличии двух часов в неделю для студентов всех факультетов и двух семестров – кафедра организовывала спецкурсы по всем направлениям социально-гуманитарного знания. Студенты имели возможность выбирать из 25–30 семестровых курсов. В распоряжении была вся Москва – коллеги легко откликались на призыв «окультурить» инженеров, даже за весьма символичную поча-

логия: люди и идеи. – М.: Академический Проект; РИК, 2006. – 539 с. и др.

[8] См., например, Культурология. Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений / Под ред. Г. В. Драча. Изд-во «Феникс», 1995 – 576 с. (В авторском коллективе – 20 человек); Введение в культурологию: Учеб. пособие для вузов / руководитель авт. колл. и отв. ред. Е. В. Попов. – М.: ВЛАДОС, 1995 – 336 с. (Глава 1. Культура как предмет философского анализа). Пивоев В. М. Культурология. Введение в историю и философию культуры. Учеб. пособие в двух частях. Петрозаводск. ПетрГУ, 1997; Силичев Д. А. Основы культурологии: Учебное пособие. – М.: ФА, 1997 – 300 с. и многие другие.

[9] Багдасарьян, Н. Г. Культурология: учебник для вузов. М.: Высшее образование. 2007–2026. Позже в этом же издательстве появились еще три учебника с моим участием, два из которых – под моей редакцией.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

совую оплату. Лекции у нас читали профессора: В. Г. Федотова, Т. Ф. Кузнецова, Г. М. Пономарева, Э. А. Орлова, В. М. Розин, В. Г. Горохов, А. П. Назаретян, Г. В. Иванченко, Г. А. Аванесова, К. Э. Разлогов, И. С. Кон, отец Александр Мень. И многие другие… Живой интерес к образованию кафедры в техническом вузе проявил и Д. С. Лихачев.

К излету советского периода еще не сформировалось целостного представления о предметном поле специализированной области знания о культуре, его границах, сопряженности с другими направлениями социогуманитарного знания. В то же время западная наука, не прерывавшая свое развитие по идеологическим основаниям, накапливала в рамках социальной и культурной антропологии, социологии, социальной психологии, культурных «штудий» и пр. огромный массив материала о культуре, ее динамике, типологии, межкультурному взаимодействию, лидерству… Массив, который был практически недоступен советским исследователям (вряд ли можно принять во внимание те единичные экземпляры книг, которые закупал ИНИОН, основанный в 1969 г., и которые могли заполучить доверенные лица по соответствующим допускам из первого отдела организаций). В ограниченном объеме информацию о западной мысли обществоведы могли черпать лишь из нечастых публикаций с «критикой буржуазных фальсификаций». На соответствующие кафедры вузов возлагалась идеологическая и пропагандистская функция, но не исследования реального положения дел в обществе, закономерностей, тенденций, альтернатив социокультурного развития.

Сегодня российская культурология представлена внушительным перечнем имен и концепций. Выросло целое поколение профессиональных культурологов с учеными степенями кандидатов и докторов наук (И. В. Малыгина, О. Н. Астафьева, А. В. Костина, М. И. Козьякова, И. М. Быховская, Г. И. Зверева, А. В. Бондарев, А.В. Венкова и много других). Разумеется, в России и прежде велись исследования, посвященные культуре: ее разные аспекты находили отражение в трудах историков, философов, искусствоведов, лингвистов, психологов. Если обратиться к отечественной традиции, то достаточно вспомнить, в связи с этим работы Н. Бердяева, С. Булгакова, Н. Данилевского, А. Белого, Г. Шпета, П. Сорокина, П. Флоренского, М. Бахтина, Г. В. Вернадского, А. Ф. Лосева, Ю. Лотмана, Д. Лихачева, В. Библера и др. Заметную роль играет и Санкт-Петербургская школа (С. Н. Артановский, Э. В. Соколов, С. Н. Иконникова, Л. К. Круглова, М. С. Каган, Ю. Н. Солонин, Л. М. Мосолова и многие другие).

Анализ истоков культурологической мысли требует особого формата. Здесь назову лишь те имена, чьи работы оказали особое влияние на становление культурологической школы в МГТУ им. Баумана. И первое среди них – имя П. К. Энгельмейера, выпускника Императорского московского технического училища 1880–81 гг., инженера-механика, изобретателя, и вместе с тем, основателя философии техники в России. Весь строй его идей, содержащихся в его основном труде «Философия техники», опубликованном в 1912 г., как и в других многочисленных работах[10], как это видно из сегодняшнего дня – глубоко культурологичен. Его имя, преданное забвению, вернул в научно-философский дискурс профессор В.Г. Горохов,

[10] См. Энгельмейер, П.К. Теория творчества. – СПб.: Образование 1910. – 210 с.; Энгельмейер, П.К. Техника как искусство // Научное обозрение. – 1900. – № 6; Энгельмейер, П.К. Техника как фактор культуры // Мир божий. – 1900. - № 7. – С. 70–82. и др.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

DOI: 10.52173/2079-1100_2025_3_101

включившийся в работу кафедры практически с самого начала. Возникла идея проведения Энгельмейеровских чтений с междисциплинарной проблематикой, объединившей вокруг кафедры коллег из технических вузов, ИФ РАН, ИИЕТ РАН, ИНИОН, а также из Института оценки техники (Карлсруе, Германия). Именно это: пристальное внимание к профессиональной культуре инженера, к его роли как носителя и созидателя культуры, места техники и технологий в культурогенезе и т.п. – придает особый облик культурологической школе МГТУ им. Н.Э. Баумана.

Вместе с тем наиболее близкими к формированию методологического стержня научно-педагогической школы кафедры стали идеи В.С. Степина, Ю.М. Лотмана, В.М. Межуева, В.М. Розина, Э.А. Орловой, В.Г. Федотовой, А.Я. Флиера. Свое место заняли работы А. Моля (Социодинамика культуры. М. 1973), Б. С. Ерасова (Социальная культурология в двух частях. М. 1994) и Э. С. Маркаряна (Теория культуры и современная наука. М.1983).

Вывод

По прошествии полувека отечественная наука о культуре не только сложилась, но и не единожды пережила «взлеты» и кризисы самоопределения, впрочем, как и сама российская культура. Становление культурологического знания в России имело одну удивительную особенность: проблемное поле, структура, рамки культурологии как науки – по крайней мере, в ее отечественном варианте – формировались параллельно с ее академической институализацией в студенческой аудитории, и даже можно считать, инициировались из университетской среды, из необходимости структурирования и наполнения содержанием учебных планов. В то время, как это известно из истории науки, в учебный процесс предмет обычно приходит тогда, когда он уже оформляется в среде научной и не вызывает острых дискуссий.

Современная отечественная культурология, складывавшаяся в период 60–80-х годов, занимала маргинальное место в обществоведении, являясь тогда предметом исследовательского интереса довольно узкой группы специалистов. Импульс к интенсивному развитию она получила как раз из системы образования, когда возникла необходимость заполнить лакуну, появившуюся в результате смены идеологической парадигмы. В этом – одна из причин того, что культурология как принципиально неидеологическая дисциплина как бы «ворвалась» в современное обществознание, путем проб и ошибок формируя предметное поле, вовлекая в него знания из других областей, и в то же время, отграничиваясь от того, что принадлежит другим сферам науки. Опыт разработки курса культурологии для инженеров, пласт методологии научных исследований и практики решения задач, возникающих в социотехнических системах, необходимость и острота проблемы социокультурной оценки техники, последствий инженерно-технической деятельности и вопросов ответственности – делают актуальной область *культурологии техники* – наряду с философией техники, социологией техники, историей техники[11]. Культурология техники включает в себя

[11] Подробнее см.: Багдасарьян, Н.Г., Гаврилина, Е.А. Культурология техники и инженерной деятельности возможности и границы / Культурология техники и инженерной деятельности. Коллективная монография / Отв.ред. Н. Г. Багдасарьян. – СПб.: Эйдос, 2011. – 202 с. Багдасарьян, Н.Г. Место социокультурной компетентности в системе инженерного образования / Гуманитарное образование в техническом университете: состояние, проблемы, перспективы. Сб. докладов / Под ред. В.Н. Ремарчука – М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана,2006 – 204 с.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

проблемы, не охватываемые другими дисциплинами, в частности, структуру и динамику инженерной деятельности в связи с культурными традициями, языки и знаково-символические аспекты инженерной среды, специфику и механизмы культурной регуляции и коммуникации в техногенной среде, социокультурного прогнозирования влияния на общество и культуру новых технологических явлений, как, например, искусственного интеллекта, и т.п.

Есть настоятельная потребность нового «культурологического поворота» не только в социогуманитарном знании, но и в социокультурных практиках. Культурология обладает уникальным образовательно-воспитательным потенциалом, формируя целый ряд компетенций, умений, способностей – интеллектуальных и ценностно-смысловых, критического мышления, гражданственности и самосовершенствования, позитивного межкультурного взаимодействия.

Список литературы

Багдасарьян, Н.Г. Культурология: учебник для вузов. – М.: Высшее образование. 2007. – 495 с.

Багдасарьян, Н.Г. Профессиональная культура инженера: механизмы освоения: Монография. – М.: МГТУ, 1998. – 257 с.

Багдасарьян, Н.Г. Место социокультурной компетентности в системе инженерного образования / Гуманитарное образование в техническом университете: состояние, проблемы, перспективы. Сб. докладов /Под ред. В.Н. Ремарчука – М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2006 – 204 с.

Багдасарьян, Н.Г., Гаврилина, Е.А. Культурология техники и инженерной деятельности возможности и границы / Культурология техники и инженерной деятельности. Коллективная монография / Отв.ред. Н. Г. Багдасарьян. – СПб.: Эйдос, 2011. – 202 с.

Введение в культурологию: Учеб. пособие для вузов / руководитель авт. колл. и отв. ред. Е.В. Попов. – М.: ВЛАДОС, 1995 – 336 с.

Культурология. XX век. Энциклопедия в двух томах. – СПб, Университетская книга; ООО «Алетейя», 1998. – 447 с.

Мир через культуру: Учеб. пособие по курсу культурологии. Вып.1 / Под ред Н.Г. Багдасарьян – М.: Изд-во МГТУ, 1993. – 124 с.;

Мир через культуру: Учебное пособие / ред. Н.Г. Багдасарьян М.: МГТУ, 1995. – Вып. II; Мир через культуру: Учебное пособие / ред. Н.Г. Багдасарьян М.: МГТУ, 1995. – Вып. III.

Программы базовых курсов факультета гуманитарных и социально-политических наук / под ред. М.А. Фроловой. Изд-во МГТУ. 1993. – 72 с.

Культурология: люди и идеи. – М.: Академический Проект; РИК, 2006. – 539 с.

Культурология. Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений / Под ред. Г.В. Драча. Изд-во «Феникс», 1995 – 576 с.

Культурология: учебник для студентов технических вузов / Колл. авт.; под ред. Н.Г. Багдасарьян. – М.: Высш.шк., 1999. – 511 с.

Культурология: Учеб. для студ. тех. вузов / Н.Г. Багдасарьян, А.В. Литвинцева, А.П. Назаретян и др.; Под ред. Н.Г. Багдасарьян. – 6-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 2010. – 638 с.

Пивоев, В.М. Культурология. Введение в историю и философию культуры. Учеб. пособие в двух частях. Петрозаводск. ПетрГУ, 1997. – 136 с.

Силичев, Д.А. Основы культурологии: Учебное пособие. – М.: ФА, 1997 – 300 с.

Теоретическая культурология. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга; РИК, 2005. – 624 с.

Энгельмейер, П.К. Теория творчества. – СПб.: Образование 1910. – 210 с.;

Энгельмейер, П.К. Техника как искусство // Научное обозрение. – 1900. – № 6.

Энгельмейер, П.К. Техника как фактор культуры // Мир божий. – 1900 – № 7. – С. 70–82

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

DOI: 10.52173/2079-1100_2025_3_101

Надежда Гегамовна БАГДАСАРЬЯН

| Опыт становления российской культурологии в 1980–2000 гг.: надежды, иллюзии и реальность |

Энциклопедический словарь по культурологии / Под общ. ред. А.А. Радугина. – М.: Центр 1997. – 478 с.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

 DOI: 10.52173/2079-1100_2025_3_101

Nadezhda G. BAGDASARYAN

Bauman Moscow State Technical University
5, Building, 2nd Baumanskaya St., Moscow, Russian Federation 107005
Professor, Department of Sociology and Cultural Studies
Doctor of Science in Philosophy, Professor
ORCID: 0000-0003-0639-3987
E-mail: ngbagda@mail.ru

THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN CULTURAL STUDIES IN THE 1980S-2000S: HOPES, ILLUSIONS, AND REALITY

Modern Russian cultural studies, emerging in the post-Soviet space of Russia, has gone through several stages in its institutional development. The first stage (the second half of the 1980s-1991) was the period of the formation of the new discipline. The establishment of a department at Bauman Moscow State Technical University in 1987 was accompanied by calls for humanitarianism and the general cultural development of students at technical universities. This movement was supported by the country's universities, but unclear content, a vague and varied curriculum, and unprofessional teaching staff persisted. The second period, which had been developing since the early 1990s, emerged in educational practice by the middle of the decade. The process of defining the goals and objectives of teaching cultural studies, conceptual models, and subject boundaries was underway, with the discipline's content being refocused on future professional activities. The culmination of this period was a textbook on cultural studies for technical universities, published in 1999. In the 2000s, the discipline was taught at all universities across the country, personnel training was underway, Dissertation Councils were established, scientific papers were defended, congresses were held, specialized journals were founded, and cultural studies communities were formed. Currently, the status of cultural studies in engineering universities is once again becoming uncertain due to the latest transformation of the social sciences and humanities. The experience of developing a cultural studies course for engineers, the depth of research methodology and practice in solving problems arising in sociotechnical systems, the necessity and urgency of the problem of sociocultural assessment of technology, the consequences of engineering activities, and issues of responsibility – all make the field of cultural studies of engineering relevant.

Keywords: cultural studies, Bauman Moscow State Technical University, morphology and phenomenology of culture, cultural studies textbook for technical universities, subject field of cultural studies, stages of cultural studies in Russia, cultural studies of technology, P. K. Engelmeyer.

References

Bagdasaryan, N.G. (2007). *Kul'turologiya* [Cultural Studies]: A Textbook for Universities. Higher Education. (In Russian)

Bagdasaryan, N.G. (1998). *Professional'naya kul'tura inzhenera: mekhanizmy razvitiya* [Professional Culture of an Engineer: Mechanisms of Development]: Monograph. Moscow State Technical University. (In Russian)

Bagdasaryan, N.G. (2006). *Mesto sotsial'no-kul'turnoy kompetentsii v sisteme inzhenernogo obrazovaniya / gumanitarnoye obrazovaniye v tekhnicheskom vuze: sostoyaniye, problemy i perspektivy* [The Place of Sociocultural Competence in the System of Engineering Education / Humanities Education at a Technical University: Status, Problems, and Prospects]. Collection of Papers / Ed. by V.N. Remarchuk, pp. 35-45. Bauman Moscow State Technical University. (In Russian)

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

Bagdasaryan, N.G., Gavrilina, E.A. (2011). *Kul'turologiya tekhniki i inzhenernoy deyatel'nosti: vozmozhnosti i ogranicheniya* [Cultural Studies of Technology and Engineering Activity: Possibilities and Limits]. Collective Monograph / Ed. by N.G. Bagdasaryan, pp. 6-20. Eidos. (In Russian)

Popov, E.V. (Ed.). (1995). *Vvedeniye v kul'turologiyu* [Introduction to Cultural Studies]: Textbook for Universities. VLADOS. (In Russian)

Kul'turologiya. XX vek [Cultural Studies. The 20th Century]. Encyclopedia in Two Volumes. (1998). University Book; OOO "Aletheia". (In Russian)

Bagdasaryan, N.G. (Ed.). (1993). *Mir cherez kul'turu* [The World through Culture]: Textbook for the Course in Cultural Studies. Issue 1, 124 p. Publishing House of Moscow State Technical University. (In Russian)

Bagdasaryan, N.G. (1995). *Mir cherez kul'turu* [The World through Culture]: Textbook. Issue 2. Moscow State Technical University. (In Russian)

Bagdasaryan, N.G. (Ed.). (1995). *Mir cherez kul'turu* [Peace through Culture]: A Textbook. Issue III. MSTU. (In Russian)

Frolova, M.A. (Ed.). (1993). *Bazovye uchebnye programmy fakul'teta gumanitarnykh i sotsial'no-politicheskikh nauk* [Basic Course Programs of the Faculty of Humanities and Social-Political Sciences], 72 p. MSTU Publishing House. (In Russian)

Kul'turologiya: lyudi i idei [Cultural Studies: People and Ideas]. (2006). 539 p. Academichesky Proekt; RIK. (In Russian)

Drach, G.V. (Ed.). (1995). *Kul'turologiya* [Cultural Studies]: A Textbook for Students of Higher Education Institutions, 576 p. Phoenix Publishing House. (In Russian)

Bagdasaryan, N.G. (Ed.). (1999). *Kul'turologiya* [Cultural Studies]: A Textbook for Students of Technical Universities, 511 p. Vyssh.shk. (In Russian)

Bagdasaryan, N.G., Litvintseva, A.V., Nazaretyan, A.P., et al. (2010). *Kul'turologiya* [Cultural Studies]: A Textbook for Students of Technical Universities. 6th ed., corrected and enlarged, 638 p. Vysshaya shkola. (In Russian)

Pivoev, V.M. (1997). *Kul'turologiya. Vvedeniye v istoriyu i filosofiyu kul'tury* [Culturology. Introduction to the History and Philosophy of Culture]. Textbook in two parts. PetrSU. (In Russian)

Silichev, D.A. (1997). *Osnovy kul'turologii* [Fundamentals of Culturology]: Textbook, 300 p. FA. (In Russian)

Teoreticheskaya kul'turologiya [Theoretical Culturology]. (2005). 624 p. Academichesky Proekt; Delovaia kniga; RIK. (In Russian)

Engelmeyer, P.K. (1910). *Teoriya tvorchestva* [Theory of Creativity], 210 p. Obrazovanie. (In Russian)

Engelmeyer, P.K. (1900). *Tekhnika kak iskusstvo* [Technology as an Art]. Nauchnoye Obozrenie, no. 6. (In Russian)

Engelmeyer, P.K. (1900). *Tekhnika kak kul'turnyy faktor* [Technology as a Cultural Factor]. Mir Bozhiy, no. 7, pp. 70-82. (In Russian)

Radugin, A.A. (Ed.). (1997). *Entsiklopedicheskiy slovar' kul'turologii* [Encyclopedic Dictionary of Cultural Studies], 478 p. "Tsentr". (In Russian).

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

DOI: 10.52173/2079-1100_2025_3_115

Инна Борисовна РОМАНЕНКО

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48
Профессор Института философии человека
Доктор философских наук, доцент
ORCID: 0000-0003-3851-3138
E-mail: in_romanenko@romanenko.ru

ТРАНСВЕРСАЛЬНЫЙ И ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ В ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ*

Необходимость рассмотрения социальной реальности и системы образования через призму трансверсального и парадигматического подходов связана с потребностью формирования экспертным сообществом целостной картины мира, сочетающей различные методологические установки при изучении и проектировании социокультурных и образовательных процессов, что отражается в характере ведения диалога, выстраивании отношений между субъектами образования, организации взаимодействия и труда. Заявленная в статье тема и специфика реализуемого в исследовании подхода требуют последовательного прояснения ключевых понятий – «трансверсальность», «парадигма», «образовательная парадигма», «парадигматический подход», «трансверсальный подход», «трансверсальная рациональность», «экспертное мышление», «экспертная аналитика», «постматериальные ценности» и т.п., в их обращенности на хаотически развивающийся ценностный универсум современного молодого поколения, нуждающийся в разумном и этически корректном ориентировании и упорядочивании. Трансверсальный и парадигматический подходы имеют ряд общих методологических черт, но также и ряд кардинальных различий, для обнаружения которых в реальности необходима теоретическая разработка критериев рациональной экспертизы.

Ключевые слова: трансверсальность, трансверсальная рациональность, трансверсальный диалог, парадигма, образовательная парадигма, парадигматический подход, научный диалог, экспертное мышление, постматериальные ценности.

* *Исследование выполнено за счет внутреннего гранта РГПУ им. А. И. Герцена (проект № 47-ВГ «Трансверсальность образовательных парадигм и феномен экспертности в процессе формирования ценностей современной российской молодежи»).*

Обращение к актуальной тематике трансверсальности и парадигмальности образовательного процесса связано с необходимостью прояснения онтогносеологических, социокультурных, культурно-исторических оснований его формирования с точки зрения отказа от ранее сложившихся универсальных подходов. В данном контексте также важна необходимость учета влияния экспертного мышления при определении образовательных стратегий. Задачи образования в прошлом определялись необходимостью сохранения и развития социальной жизни в политическом, экономическом, культурном и прочих аспектах. Образовательные модели («образовательные парадигмы»), возникшие внутри самобытных исторических эпох, выполнили возложенные на них функции связи прошлого, настоящего и будущего[1].

[1] Romanenko, I. B., Romanenko, Yu.M. (2018). Paradigmatic Approach In Philosophy Of Education. The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. Vol. 35. Future Academy. 1108–1115.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

Особо отметим, что генетическая связь, детерминация настоящего образами прошлого, не замечаемая и, как правило, не осознаваемая человеком, является основанием, «порождающей моделью» проектирования будущего. Заявленная тема и специфика реализуемого в исследовании подхода требует последовательного прояснения ключевых понятий – «трансверсальность», «парадигма», «образовательная парадигма», «парадигматический подход», «трансверсальный подход», «трансверсальная рациональность», «научный диалог», «трансверсальный диалог», «экспертное мышление», «экспертная аналитика», «экспертократия» и т.п., с целью осмысления современных тенденций, конфликтных ситуаций, перспектив, рисков и искушений, обнаруживающихся в современном образовательном процессе.

Термин «трансверсальность» с точки зрения его содержательности и употребления в различных контекстах многоаспектен, многообразен, имеет междисциплинарную природу, а потому нуждается в прояснении задействованных методологических практик. Самый общий подход к данной теме связан с пониманием трансверсальности как пересечения, взаимопроникновения, взаимовлияния многообразия мировоззренческих установок, оформления горизонтальных, вертикальных и диагональных связей между разнородными субъектами (это могут быть люди, сообщества, подразделения, объединения, структуры с различными типами наличных ресурсов, решаемых задач и т.п.). Их взаимодействие по различным направлениям уже само по себе часто является «социальным капиталом», что приводит к росту эффективности труда, взаимовыгодным результатам, сотрудничеству и т.п.[2]. У Феликса Гваттари трансверсальность связывается с культивированием нового через инициацию горизонтальных, вертикальных, диагональных (по преимуществу) связей и выхода за их границы, установлением новых пределов, что способствует преодолению отчуждения и открытию новых путей формирования идентичности (как индивидуальной, так и групповой), посредством интенсивной коммуникации и через столкновение с новыми вызовами социума[3].

Трансверсальность также предполагает разрушение жестких иерархических связей и переосмысление наличествующих в настоящем возможностей, сопротивление застывшим и законсервированным бюрократическим структурам, а также создание альтернативных кратковременных форм взаимодействия и организации. В итоге все это приводит к преодолению социальных и внутриличностных ограничений. Человек, живущий и действующий в логике данных трансформаций, обретает способность адаптироваться к условиям неопределенности, переходить или переключаться с одного вида деятельности на другой, что является важным условием его временной успешности. Такой подход рационально оправдан, но, вместе с тем, содержит ряд рисков и противоречий, чреватых разрушением традиционного под предлогом воплощения непроверенных исторически инноваций. Для проверки и оценки подобных социальных новшеств необходима организация особой экспертной работы для проверки, фильтрации и закрепления различных инициатив с целью адекватного включения их в общую проверенную историческую традицию. Здесь речь

[2] Romanenko, I. B., Romanenko, Yu.M., Voskresenskiy, A.A. (2018). Formation of Post Material Values in Conditions of Transversality of Educational Paradigms. The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. Vol. 35. Future Academy. 1116–1121.

[3] Гваттари, Ф., Делез, Ж. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

должна вестись о балансе эволюционных и революционных практик в развитии общественной жизни.

Из множества этимологических подсказок в прояснении двусоставного понятия «трансверсальность» (от лат. trasversus – для нас особо важны значения корней trans – «сквозь», «пере», и второго корня vertere – «поворачивать», «переворачивать», «оборачивать»). В контексте дискурсивных практик постмодерна, связанных с философским осмыслением динамично усложняющейся реальности, как череды непрерывных социокультурных трансформаций, все же отметим и наличие потребности целостного описания и понимания мира с точки зрения единства сознания, удерживающего свои прошлые состояния (как «места сборки реальности») в свете онтологии единого бытия.

В основе *трансверсальной рациональности* эпохи постмодерна лежит коммуникативный разум, определяющий возможности взаимопонимания субъектов, имманентно пребывающих в процессе коммуникации, стремящихся к достижению консенсуса на основе ценностей, вырабатываемых и корректируемых в самом процессе коммуникации, а потому часто противостоящих общепринятым в обществе нормами традициям[4]. При этом единство моделируется и устанавливается с учетом возможных различий и допускает существование различных парадигм деятельности и существования человека в глобальном жизненном мире, часто далеком от строгих рефлексивных и этических норм. Трансверсальный разум в данном контексте выступает с позиции *гносеологического нейтралитета*, отдавая предпочтения средствам логической аналитики и спонтанным экспертным оценкам. На фоне признания культурного и мультикультурного плюрализма (разнообразия позиций), все же признается необходимость выработки общих оснований для интеграции многообразия подходов и социальных практик.

Природа *трансверсального диалогизма* обнаруживается через пространственно-временную коммуникабельность, как эклектичное сочетание различных подходов, мировоззренческих установок, точек зрения, мнений, типов религиозности, спонтанных реакций на события, заявления высокопоставленных лиц и авторитетных общественных деятелей и т.п. Трансверсальный подход к анализу явлений и событий социальной жизни выстраивается одновременно через пересечение и размывание границ, ранее казавшихся строгими и устойчивыми. Стремление к единству обнаруживается в желании мыслить мир системно. Потребность построения синтетической картины мира проявляется через совмещение различий, обнаружение содержательных параллелей, переходов и связей между ними.

В этом отношении представляется необходимым провести сравнительный анализ трансверсальности с иными подходами, обозначить принципы и этапы осуществления выдержавшего испытание временем *классического научного диалога* с позиции конкретизации методологических установок, подходов и преследуемых целей. К сожалению, в настоящее время традиционные устои перестают быть основанием, становятся фигурой умолчания, вместо чего в коммуникативное поле вбрасываются, зачастую провокационно, непроверенные рецепты обновления и проектирования будущего[5]. Осо-

[4] Romanenko, I.B., Gapanovich, S.O., Romanenko, Y.M., Fedorin, S.E. (2022). Conflict Misunderstanding in the Net Information Society, Lecture Notes in Networks and Systems, Vol. 442. P. 166–174.

[5] Романенко, И. Б., Пую, Ю.В. Манипулятивная восприимчивость тинейджеров и виртуальная реальность // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гума-

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

бенно это касается современной идеологии трансгуманизма[6]. Молодые люди (студенты, ученые, специалисты, руководители разного уровня) должны иметь представления о динамике, характере, формах взаимодействия в ходе осуществления диалогового процесса в сфере науки, культуры, образования, социальной и прикладной деятельности и т.п., которые существенно отличаются от трансверсальных форм взаимодействия.

К основополагающим принципам ведения классического научного диалога в рамках экспертного сообщества следует отнести принципы «единства ансамбля» (настроенности на совместную деятельность), равенства и общей ответственности всех участников диалога, приоритета идеи и смысла над личностью (правило критики идей и предложений, а не их автора), предметности и консенсуса (настроенности на продуктивный результат и решение проблемы общими усилиями). Следует также обозначить этапы ведения научного диалога: 1) формирование позиции, взглядов, мнений и т.п.; 2) выстраивание аргументации; 3) период критицизма (выявление слабых мест в аргументации оппонентов); 4) выработка межпозиционных взглядов; 5) выработка метапозиционного взгляда (консенсус). В организации научной, диалоговой деятельности востребованными оказываются нормативные требования избыточности, отстраненности, критицизма, сотрудничества и консенсуса[7].

В отличие от классического научного диалога представляется возможным выделить следующие элементы и этапы развития *трансверсального диалога*, которые существенно отличаются от принятых в научном сообществе способов и норм общения. Выделим следующие этапы ведения трансверсального диалога: 1) общее обозначение позиций участников диалога; 2) обнаружение диагональных межпозиционных пересечений с выработкой новых интерпретаций; 3) размывание границ проблемы в ходе полемики и дискуссии с выходом на новую плоскость обобщения и обсуждения; 4) преодоление дихотомии (биполярности) подходов через обнаружение промежуточных позиций, ступеней, смыслов и т.п.; 5) выстраивание новой траектории коммуникации и определение форм взаимодействия. Столь очевидное и существенное различие в подходах приводит к неизбежным результатам, что отражается в различии типов и форм рациональности, а также в смещении акцентов от совместного осмысления и конструктивного поиска путей решения проблемы к ее «размыванию» и «замыливанию» через многочисленные обсуждения, согласования, переформулирования, интерпретации, дискуссии, «размытые» выводы и оговаривание возможных умозрительных результатов, не всегда очевидных для всех участников диалога[8]. Такой многосмысленный (но не бессмысленный) результат возникает по причине того, что предмет обсуждения в контексте трансверсального диалога по сути своего бытия оказывается неопределенным, многозначительным и парадоксальным.

нитарные и общественные науки. – 2018. – Т. 9, № 3. – С. 79–86.

[6] Voskresensky, A., Elchishcheva, E., Romanenko, I., Romanenko, Y. (2024). Futurology of Education: Anthropological and Educational Strategies in a Post-Global World. Revista Conrado. Vol. 20, No. 96. 575–581.

[7] Ерунов, Б.А. Гносеология и социальная психология: (новые возможности человеческого познания). – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. – 272 с.

[8] Mureiko, L.V., Shipunova, O.D., Pasholikov, M.A. [et al.]. (2018). The Correlation of Neurophysiologic and Social Mechanisms of the Subconscious Manipulation in Media Technology. International Journal of Civil Engineering and Technology. Vol. 9, No. 9. 1–9.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

Необходимость рассмотрения социальной реальности через призму трансверсального и парадигматического подходов, а также в области их пересечения и наложения, связана с потребностью формирования целостной картины мира, сочетающей различные методологические установки при изучении социокультурных и образовательных процессов. Рассмотрим в начале сущность парадигматического подхода в истории и философии образования, которая связана с выделением внутри исторических эпох образовательных парадигм, как неких моделей (или образцов) постановки проблем, задающих для данного времени некие стандарты рациональности. Платон усматривал в идеях реально существующие прообразы вещей, как определенные образцы для подражания, обладающие подлинным существованием. В диалоге «Тимей» он пишет о том, что демиург (мастер, творец, создатель, отец и т.п.) создает все вещи, взирая на неизменные идеи, как на образцы[9]. Таким образом, в парадигме фиксируется прежде всего смысл вещи, ее вечная сущность. Порождение в платонизме мыслится как деятельность ума, творящего мир по своим законам. В данной связи А.Ф. Лосев поясняет, что само порождение мыслится как genesis, т.е. «как непрерывное становление с бесконечными узловыми точками на линии этого становления»[10].

Данные точки по сути являются точками меры мыслящего рассудка, рационально дифференцирующего мир и одновременно удерживающего его в целостности (в форме интегрированного знания). В этом смысле парадигма отражает мир с точки зрения присутствующих в нем закономерностей и смыслов, подразумевая лишь возможность осуществления, не будучи самим осуществлением. Парадигматическая точка зрения по существу внутренне идеалистична и связана с онтологизацией мыслительных структур, что не должно вызывать сомнений и предубеждений в отношении самого подхода, имея в виду своеобразие и назначение данного подхода в истории и философии образования. В этом смысле диалог в сократовско-платоновской традиции, предполагающий вопрошание, напряженное совместное искание истины, поиск новых подходов и идей, «обладает демиургической силой, вовлекающей участника (в том числе читателя) в этот бесконечный творческий процесс, и поэтому он имеет свою парадигматическую оформленность и силу притяжения к себе»[11].

В философии присутствует потребность в трансляции знания, что само по себе обусловливает непрерывность историко-философского процесса. Философия обретает самостоятельность тогда, когда она обнаруживает собственные способы воспроизводства традиции. Если в свое время миф служил для самоорганизации архаического общества, структурируя его коллективное бессознательное, то философия предполагает формирование персонального сознательного через приобщение мыслящего человека к образовательной парадигме своей эпохи. Внедрение «мыслительных форм» в познающего человека составляет сущность его образования. Это свободное принятие действительности возможно в силу имманентности этих форм, как самой действительности, так и человеку в ней существующему.

[9] Платон. Тимей // Платон. Собр. соч.: В 4-х тт. Т. 3. – М., Мысль, 1994. – С. 421–500.

[10] Лосев, А.Ф. Общая диалектика идеи как порождающей модели в «Филебе» // Платон. Собр. Соч.: В 4-х тт. Т. 3. – М., Мысль, 1994. – С. 524.

[11] Романенко, И. Б. Образовательные парадигмы в истории философии: специальность 09.00.11 Социальная философия: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. – Санкт-Петербург, 2003. – 35 с. EDN VHJGXD.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

Таким образом, *парадигматический подход* предполагает совокупность следующих методологических установок познания социальной реальности: 1) нацеленность на смысловое постижение мира (т.е. требование конкретной определенности при изображении социальной реальности); 2) объединение разрозненного многообразия в целостную картину мира; 3) рассмотрение теоретических конструкций в историческом горизонте; 4) а также постижение человеческого существования с точки зрения единства двух диалектически противоположных моментов: отражения действительности и ее творческого преображения в соответствии с «идеальным образцом»[12]. В контексте такого подхода образовательные парадигмы являются целостной картиной культурного мира человека, куда он входит, приобщаясь к его ценностям.

В ходе образования человек осознает свою сущность, самособирается из различных, уже проявленных в конкретных возрастах способностей, обретая свою индивидуальность и неповторимость. Как правило, в литературе образование определяется с точки зрения следующих позиций: как ценность, институт, процесс и результат. Важным достоинством образования является сведение многообразия к единству, что требует значительных усилий от самого человека, концентрации его усилий и воли. Гегелевское видение назначения образования формулируется как «восхождение в царство всеобщего»[13]. Высокой ступенью образования, осуществляющейся в спонтанном режиме, является *самообразование,* как способ бытия человека и достижения его индивидуальности и самобытности. Образование также выполняет сберегающую функцию, укорененную в способности памяти, на что обращал внимание еще Платон, вводя понятие anamnesis (познание как припоминание). Причем, платоновское припоминание – это не память о прошлых событиях, но возвращение души к вечным идеям, находящимся на небе, откуда произошла сама душа, но забыла об этом, воплотившись в земном смертном теле. В контексте этой мифологии и идеалистической философии суть образования оказывается в научении припоминания душой этих вечных идей и обращения к вечности.

Общий замысел и самоцель *философского образования* на различных стадиях его протекания состоит в научении персональному знанию в актах самообразования на опыте живой мысли философов прошлого. Задача философского образования в отношении современного молодого поколения состоит в том, чтобы научить юного человека мыслить самостоятельно и творчески, что чревато порой избыточными амбициями, неадекватной самокритикой, опасениями, страхом и т.п. Но все эти субъективные реакции сдерживаются укорененными в самой же философии интеллектуальными философскими механизмами сомнения, критики, удивления и недоумения, изумления, свободы мысли и ее спонтанности, потребностью самообразования и т.п.

В соответствие с общепринятыми подходами к дифференциации исторических эпох – античность, Средневековье, Новое и Новейшее время, которые также именуются эпохами космоцентризма, теоцентризма и антропоцентризма, мы ранее выделили следующие образовательные парадигмы: интуитивно-дискурсивную, экзегетико-апологетическую, рационально-экспериментальную, экзистенциально-персонологическую, а также информационно-технологическую, возникновение и ста-

[12] Там же. С. 7.
[13] Гегель, Г.В.Ф. Феноменология духа. – М.: АН СССР, 1959. – 440 с.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

новление которой мы воочию наблюдаем вживую здесь и сейчас в сфере образования, цифровом пространстве медиа, куда постепенно начинает перетекать образовательный процесс, со всеми его проблемами, рисками и неопределенными перспективами.

Продолжая экспликацию вопроса, приведем краткие характеристики сложившихся в истории философии и культуры образовательных парадигм, значимых для современного образования. Принцип парадигмальности в образовании, понимаемый как основоположение, методологический регулятив и т.п., изначально ориентирует педагога и исследователя на наличие в образовательном процессе уже состоявшихся в истории образовательных моделей, обнаруживших и доказавших свою ценность в определенный период истории, и в превращенной форме присутствующих в современности (как бы подтверждая, что ничто возникшее в истории не исчезает бесследно, но продолжает в превращенной форме свое существование в последующие времена, энергийно, содержательно и методологически наполняя сам образовательный процесс). В данной связи отметим, что принцип как теоретический конструкт имеет онтологические основания, эвристическую значимость, при этом являясь предельной степенью обобщения.

В соответствии с интуитивно-дискурсивной образовательной парадигмой античности философия преследовала цель бескорыстного отыскания истины, являясь средством удовлетворения собственной любознательности. Ход мысли, по мнению Аристотеля, был направлен от понятного и очевидного для нас, к понятному и очевидному по природе, то есть от субъективного к объективному. Столь амбициозные цели породили особый способ их достижения через *созерцание и интуицию*, понимаемую как непосредственное схватывание сути бытия. Нужно было научиться видеть вещи и мир в их самобытности. Затем возникает задача извещения других людей об уникальных свойствах вещей и их вовлечение в «круг посвященного созерцания истины», что требует обращения к методам *рефлексии и дискурсии*[14].

Средневековое научение, преследовавшее цель гармонизации отношений между верой и разумом, было основано на *теоцентрической установке*, что требовало создания особого методологического аппарата с привлечением всего арсенала аристотелевской логики. Истина для средневекового мыслителя уже была изначальна дана в текстах Священного Писания. Вхождение в грамматико-символические пласты богооткровенных текстов Библии, где был укоренен бытийный смысл, требовал особого метода *экзегетики*, предполагающего многоступенчатое толкование авторитетного текста, в результате чего богооткровенные истины принимались верующим человеком непосредственно в акте мистической интуиции (как откровение). *Апологетика* возникла как метод защиты религиозных догм и убеждений других людей в истинности веры. Таким образом, экзегетика и апологетика в новых исторических условиях воспроизводят интуитивно-дискурсивную методологию античности, адекватно реагируя на вызовы времени, что дает основание именовать образовательную парадигму средневековья экзегетико-апологетической.

Эпохальные новации Возрождения, Нового времени и Просвещения, изменившие жизнь людей, знаменовали наступление «нового века». Признание всемогущества естественного разума наполнило образование новым со-

[14] Романенко, И.Б. Образовательные парадигмы в истории античной и средневековой философии. – СПб.: Издательство РХГИ, 2002. – С. 24.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

держанием, связанным с признанием *опытно-экспериментального знания* и его ценности для человека и общества. Нацеленность на достижение объективного и достоверного знания, а также доказательность научных результатов, привело к прогрессу опытного и математического естествознания, сделавших возможным в последующие века прорывные открытия в различных научных направлениях, что обусловило научно-технический прогресс и рост уровня жизни людей. Образовательную парадигму данного периода мы именуем рационально-экспериментальной.

В философии И. Канта происходит трансцедентально-идеалистическое объединение методов рационализма и эмпиризма Нового времени. Если обучение с точки зрения мыслителя направлено на развитие природных способностей, то образование служит формированию *разумной нравственности*, будучи основанным на идеале (т.е. понятии совершенства, еще не осуществленного в опыте). Утверждая личность в качестве самоцели (категорический императив), философ обнаруживает, что человеческий разум может создавать как условные, так и безусловные правила поведения, человека следует заранее приучать «подчиняться предписаниям разума»[15]. Просвещение понимается как выход человека из «состояния несовершеннолетия», когда он обретает способность свободно пользоваться собственным разумом (а не следовать авторитетам). Пафос философии образования И. Канта, связывающего разум, свободу, просвещение, находит некоторые ограничения в работах Гегеля, полагавшего, что полная свобода возможна лишь в стихии мысли. Образованность как продуктивный результат есть «отчуждение природного бытия <…> благодаря чему индивид обладает значимостью и действительностью»[16]. В процессе образования индивид обретает свою определенность, действительность и всеобщность. Гегель настаивает на том, что гений, талант, способности принадлежат миру действительности, но индивидуальность «обретает общезначимость, только в силу своей образованности»[17]. В этом смысле образование мыслитель рассматривает как преодоление всего случайного в человеке и «восхождение в царство всеобщего».

Одним из определяющих векторов образовательной парадигмы новейшего времени является *экзистенциально-персонологический*, продолжающий нести дух гуманизма, в то время как другим является вектор *информационно-технологический*, определяющий стратегии перехода к постиндустриализму. Данное противостояние создает внутри образовательной парадигмы современности диалектическое напряжение. Сохраняя антропоцентричную основу предшествующей рационально-экспериментальной образовательной парадигмы, при этом осуществляется поворот от «физико-математическо-технической к гуманитарно-технической ориентации»[18].

Подводя промежуточный итог, следует отметить то обстоятельство, что в ходе исследования образовательных парадигм мы выделили диалектически связанные моменты: интуицию и дискурс, экзегезу и апологию, рациональность и эксперимент, экзистенциализм и персонализм, информационный дискурс и его технологическое воплощение, связанные в общем потоке человеческой истории как в

[15] Кант, И. О педагогике // Кант И. Трактаты и письма. – М., 1980. – С. 446.

[16] Гегель, Г.В.Ф. Феноменология духа. – М.: АН СССР, 1959. – С. 263.

[17] Там же. С. 289.

[18] Богатырев, Д. К., Романенко, И.Б. Религиозные основания образовательных парадигм (от античности до постмодерна) // Schole. Философское антиковедение и классическая традиция. – 2016. – Т. 10, № 2. – С. 495.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

«непрерывно становящейся линии с узловыми точками меры». Вышеотмеченное обстоятельство позволяет нам выдвинуть историософскую гипотезу о существовании «единой надысторической универсальной парадигмы человека, которая проявляется в конкретных, ограниченных обстоятельствами, своих обнаружениях. Возникнув в античности, эта парадигма задала определенный концептуально-мировоззренческий цикл, который впоследствии будет реализован трижды: в Средние века, в Новое и новейшее время., с каждым оборотом которого происходит общее ускоренное обогащение культуры, хотя, вместе с этим, увеличивается степень опасности ее разрушения»[19].

Таким образом, рассмотренные и проанализированные в тексте парадигматический и трансверсальный подходы к пониманию сущности и целей образовательного процесса, а также инициируемые ими стратегии в современной философии образования сосуществуют параллельно и порою находятся между собой в сложных, часто конфликтно-дискуссионных отношениях, ориентируя, а иногда и дезориентируя его участников. Деятельное пересечение данных подходов в рамках поиска продуктивного компромисса сложно представить, но учитывать выработанные в их рамках альтернативные картины мира и типы рациональности (трансверсальная и классическая научная рациональность) все же необходимо. Развитие критического и систематического мышления молодежи необходимо в данной связи на различных этапах образования, в рамках которых важно учить корректному оперированию понятиями, акцентированию содержательных аспектов рассматриваемой проблемы, постановке существенных для изучаемой темы вопросов, формированию научной культуры, культуры критики и аргументации при обосновании собственной позиции, при выработке межпозиционных и метапозиционного взглядов на вещи во время проведения дискуссий и дебатов и т.п.

В образовании, культуре, обществе в современном мире происходят тектонические изменения, турбулентные преобразования, претерпевает изменения сама архитектура межкультурных, производственных, социальных, трудовых и других отношений. Меняются представления о производстве, трудовой деятельности, карьере («карьерной лестнице»), нормах труда и т.п. Не очень понятно и то, какие профессии и виды профессиональной деятельности будут востребованы в ближайшем и отдаленном будущем. В научном и экспертном сообществах присутствует понимание того, что радикальные изменения в социальной сфере и образовании неизбежны. В литературе и кинематографе многократно описаны и изображены ситуации «ощущения и предвосхищения неизбежности шторма», после которого одни герои выходят обновленными, укрепленными, с желанием жить, меняться и изменять все вокруг, а другие – впавшими в уныние, апатию, депрессию, безысходность и т.п. Все эти возможности и проблемы нуждаются во внимательном изучении и разработке в рамках междисциплинарного подхода, включающего в себя усилия представителей практически всех наук, как гуманитарных, так и естественных, и технических.

Хаотичность ценностного универсума современного молодого поколения определяется многими факторами. Одним из них является принадлежность к определенному поколению, подмеченная Н. Хоу и У. Штраусом (N. Howe,

[19] Романенко, И. Б. Образовательные парадигмы в истории философии: специальность 09.00.11 Социальная философия: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. – Санкт-Петербург, 2003. – 35 с. EDN VHJGXD.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

W. Strauss)[20]. Под поколением они понимали определенную возрастную группу людей, соответственно рожденных в одно время, формировавшихся под влиянием одних и тех же ценностей и событий. Данные влияния происходят незаметно, отдельный молодой человек их не замечает, но они формируют его аксиологическую картину реальности, мировоззрение, поведение, мотивацию, особенности коммуникации, определяя характер социальной интеграции, способы постановки и достижения целей и т.п. Разумеется, в представленной этими авторами классификации поколений («победителей», «молчаливых», «беби-бумеров», «X», «миллениалов или поколение Y»; некоторые эксперты, продолжая данную линию размышлений, не безосновательно добавляют еще поколения «Z» и «альфа») не все бесспорно, в частности, к приводимой авторами периодизации возникает множество вопросов, но все же данная теория содержит и вполне внятные ориентиры. Например, представители поколений Y и Z, являющиеся уже носителями постматериальных ценностей, отличаются своей жизненной ориентацией на «сегодняшний день» («жизнь здесь и сейчас»), нежеланием строить долговременные планы, сосредоточенностью на быстро достижимых целях, зацикленностью на себе, своих друзьях и той субкультуре, к которой они тяготеют[21].

С данным обстоятельством связана их склонность к горизонтальной коммуникации, жизнь в социальных сетях с множеством подписчиков и друзей. Они не хотят быть объектами научения или трансляции, но предпочитают быть субъектами, занимающимися различными делами, что-то организующими или предпринимающими. Интерес к цифровым технологиям в большей степени ограничивается компьютерными играми, где они учатся определять краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные цели[22]. Всем видам коммуникации представители этих поколенческих групп предпочитают переписку в социальных сетях. При этом для них доступ к информации значительно важнее ее осмысливания. Для молодых людей данной возрастной группы более актуален трансверсальный подход к образованию, нежели парадигматический. Им интереснее проживать разделяемые ими ценности, как бы окунаясь в различные виды деятельности новейших профессий и образов жизни[23]. Признавая актуальность и большую значимость для нового поколения трансверсальной рациональности, вместе с тем, следует обратить внимание на необходимость реактуализации в современных условиях классических образовательных парадигм.

Таким образом, образование, ориентированное на молодых людей данной возрастной группы, должно быть нацелено на их саморазвитие, самоактуализацию, с максимальным учетом разделяемых ими ценностей и мягкими методами воздействия и коррекции со стороны старшего поколения, для того, чтобы не прерывалась нить преемства общечеловеческой истории. Для них важными аксиологическими установками являются качественное образование, свобода выбора, творчество, учет их мнения, неограниченный доступ к информации, к чему нужно относиться уважительно. Так, если для

[20] Howe, Neil; Strauss, William. (1991). Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York: William Morrow & Company.

[21] Султанов, К.В., Воскресенский, А.А. Особенности и проблемы поколения Y в образовательном пространстве современной России // Общество. Среда. Развитие. Научно-теоретический журнал. – 2015. – № 3 (36). – С. 150–153.

[22] Там же. С. 150–153.

[23] Romanenko, I.B., Puyu, Yu.V., Romanenko, Y.M., Romanenko, L.Y. (2021). Digitalization of Education: Conservatism and Innovative Development. Knowledge in the Information Society. Cham: Springer Verlag. 22–29.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

«миллениалов» в работе и учебе имеет значение командная работа, то для «зуммеров» более характерно индивидуальное творчество. Учитывая эти тонкие различия между различными поколениями, необходимо разработать комплексную полипарадигматическую теория современного образования, в которую с необходимостью должна быть включена вся предыдущая история человеческого образовательного процесса, а также поставлена проблема определения образов будущего. Поскольку понятие образования происходит от слова образ, являясь интегральной картиной мира.

Список литературы

Богатырев, Д. К., Романенко, И.Б. Религиозные основания образовательных парадигм (от античности до постмодерна) // Schole. Философское антиковедение и классическая традиция. – 2016. – Т. 10, № 2. – С. 495–511.

Гваттари, Ф., Делез, Ж. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с.

Гегель, Г.В.Ф. Феноменология духа. – М.: АН СССР, 1959. – 440 с.

Ерунов, Б.А. Гносеология и социальная психология: (новые возможности человеческого познания). – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. – 272 с.

Кант, И. О педагогике // Кант И. Трактаты и письма. – М.: Наука, 1980. – С. 445–504.

Лосев, А.Ф. Общая диалектика идеи как порождающей модели в «Филебе» // Платон. Собр. Соч.: В 4-х тт. Т. 3. – М., Мысль, 1994. – С. 524.

Платон. Тимей // Платон. Собр. соч.: В 4-х тт. Т. 3. – М., Мысль, 1994. – С. 421–500.

Романенко, И. Б., Пую, Ю.В. Манипулятивная восприимчивость тинейджеров и виртуальная реальность // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. – 2018. – Т. 9, № 3. – С. 79–86.

Романенко, И. Б. Образовательные парадигмы в истории философии: специальность 09.00.11 Социальная философия: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. – Санкт-Петербург, 2003. – 35 с. EDN VHJGXD.

Романенко, И.Б. Образовательные парадигмы в истории античной и средневековой философии. – СПб.: Издательство РХГИ, 2002. – 304 с.

Султанов, К.В., Воскресенский, А.А. Особенности и проблемы поколения Y в образовательном пространстве современной России // Общество. Среда. Развитие. Научно-теоретический журнал. – 2015. – № 3 (36). – С. 150–153.

Howe, Neil; Strauss, William. (1991). Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York: William Morrow & Company.

Mureiko, L.V., Shipunova, O.D., Pasholikov, M.A. [et al.]. (2018). The Correlation of Neurophysiologic and Social Mechanisms of the Subconscious Manipulation in Media Technology. International Journal of Civil Engineering and Technology. Vol. 9, No. 9. 1–9.

Romanenko, I.B., Gapanovich, S.O., Romanenko, Y.M., Fedorin, S.E. (2022). Conflict Misunderstanding in the Net Information Society, Lecture Notes in Networks and Systems, Vol. 442. P. 166–174.

Romanenko, I.B., Puyu, Yu.V., Romanenko, Y.M., Romanenko, L.Y. (2021). Digitalization of Education: Conservatism and Innovative Development. Knowledge in the Information Society. Cham: Springer Verlag. 22–29.

Romanenko, I. B., Romanenko, Yu.M., Voskresenskiy, A.A. (2018). Formation of Post Material Values in Conditions of Transversality of Educational Paradigms. *The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS.* Vol. 35. Future Academy. 1116–1121.

Romanenko, I. B., Romanenko, Yu.M. (2018). Paradigmatic Approach In Philosophy Of Education. *The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS.* Vol. 35. Future Academy. 1108–1115.

Voskresensky, A., Elchishcheva, E., Romanenko, I., Romanenko, Y. (2024). Futurology of Education: Anthropological and Educational Strategies in a Post-Global World. Revista Conrado. Vol. 20, No. 96. 575–581.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

 DOI: 10.52173/2079-1100_2025_3_115

Inna B. ROMANENKO

Herzen State Pedagogical University of Russia
48, Moika Emb., Saint Petersburg, Russian Federation, 191186
Professor at Institute of Human Philosophy
Doctor of Science in Philosophy)
ORCID: 0000-0003-3851-3138
E-mail: in_romanenko@romanenko.ru

TRANSVERSAL AND PARADIGMATIC APPROACHES IN THE PHILOSOPHY OF CULTURE AND EDUCATION*

The need to consider social reality and the education system through the prism of transversal and paradigmatic approaches is linked to the need for the expert community to develop a holistic picture of the world, combining various methodological approaches in the study and design of sociocultural and educational processes. This is reflected in the nature of dialogue, the building of relationships between educational actors and the organization of interaction and work. The topic stated in the article and the specifics of the approach implemented in the study require a consistent clarification of key concepts as "transversality," "paradigm," "educational paradigm," "paradigmatic approach," "transversal approach," "transversal rationality," "expert thinking," "expert analytics," "post-material values," etc. They address the chaotically evolving value universe of today's younger generation, which requires rational and ethically correct orientation and order. The transversal and paradigmatic approaches share a number of common methodological features, but also a number of fundamental differences, the identification of which in reality requires the theoretical development of criteria for rational expertise.

Keywords: transversality, transversal rationality, transversal dialogue, paradigm, educational paradigm, paradigmatic approach, scientific dialogue, expert thinking, post-material values.

** The study was supported by an internal grant from the Herzen State Pedagogical University of Russia (project no. 47-VG «The transversality of educational paradigms and the phenomenon of expertise in the process of forming the values of modern Russian youth»).*

References

Bogatyrev, D.K., Romanenko, I.B. (2006). Religioznyye osnovaniya obrazovatel'nykh paradigm (ot antichnosti do postmoderna) [Religious foundations of educational paradigms (from antiquity to postmodernism)]. *Schole. Philosophical classical studies and the classical tradition.* Vol. 10, No. 2. 495–511. (in Russian)

Erunov, B.A. (2007). Gnoseologiya i sotsial'naya psikhologiya: (novyye vozmozhnosti chelovecheskogo poznaniya) [Gnoseology and social psychology: (new possibilities of human cognition)]. St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University. (in Russian)

Guattari, F., Deleuze, J. (2007). *Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniya* [Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia]. Ekaterinburg: U-Factoria, (in Russian)

Hegel, G.W.F. (1959). *Fenomenologiya dukha* [Phenomenology of spirit]. Moscow: USSR Academy of Sciences. (in Russian)

Howe, Neil; Strauss, William. (1991). Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York: William Morrow & Company.

Kant, I. (1980). *O pedagogike* [On pedagogy] // Kant, I. *Traktaty i pis'ma* [Treatises and letters]. Moscow: Nauka. 445–504. (in Russian)

Losev, A.F. (1994). *Obshchaya dialektika idei kak porozhdayushchey modeli v «Filebe»* [General dialectic of the idea as a generative model in the Philebus] // Pla-

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

to. Sobr. Soch. [Collected Works]: In 4 volumes. Vol. 3. Moscow: Mysl. (in Russian)

Mureiko, L.V., Shipunova, O.D., Pasholikov, M.A. [et al.]. (2018). The Correlation of Neurophysiologic and Social Mechanisms of the Subconscious Manipulation in Media Technology. International Journal of Civil Engineering and Technology. Vol. 9, No. 9. 1–9.

Plato. (1994). *Timey* [Timaeus] // Plato. *Sobr. soch.* [Collected Works]: In 4 volumes. Vol. 3. Moscow: Mysl. (in Russian)

Romanenko, I.B. (2002). Obrazovatel'nyye paradigmy v istorii antichnoy i srednevekovoy filosofii [Educational paradigms in the history of ancient and medieval philosophy]. St. Petersburg: Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Institute. (in Russian)

Romanenko, I. B. (2003). *Obrazovatel'nyye paradigmy v istorii filosofii: avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni doktora filosofskikh nauk* [Educational paradigms in the history of philosophy: abstract of a dissertation for the degree of Doctor of Philosophy]. St. Petersburg. (in Russian)

Romanenko, I.B., Gapanovich, S.O., Romanenko, Y.M., Fedorin, S.E. (2022). Conflict Misunderstanding in the Net Information Society, Lecture Notes in Networks and Systems, Vol. 442. P. 166–174.

Romanenko, I.B., Puyu, Yu.V., Romanenko, Y.M., Romanenko, L.Y. (2021). Digitalization of Education: Conservatism and Innovative Development. Knowledge in the Information Society. Cham: Springer Verlag. 22–29.

Romanenko, I. B., Puyu, Yu. V. (2018). Manipulyativnaya vospriimchivost' tineydzherov i virtual'naya real'nost' [Manipulative susceptibility of teenagers and virtual reality]. Scientific and technical statements of the St. Petersburg State Polytechnical University. Humanities and social sciences. 9 (3). 79–86. (in Russian)

Romanenko, I. B., Romanenko, Yu.M., Voskresenskiy, A.A. (2018). Formation of Post Material Values in Conditions of Transversality of Educational Paradigms. The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. Vol. 35. Future Academy. 1116–1121.

Romanenko, I. B., Romanenko, Yu.M. (2018). Paradigmatic Approach In Philosophy Of Education. The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. Vol. 35. Future Academy. 1108–1115.

Sultanov, K.V., Voskresensky, A.A. (2015). Osobennosti i problemy pokoleniya Y v obrazovatel'nom prostranstve sovremennoy Rossii [Features and problems of generation Y in the educational space of modern Russia]. Society. Environment. Development. Scientific and theoretical journal. 3 (36). 150–153. (in Russian)

Voskresensky, A., Elchishcheva, E., Romanenko, I., Romanenko, Y. (2024). Futurology of Education: Anthropological and Educational Strategies in a Post-Global World. Revista Conrado. Vol. 20, No. 96. 575–581.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

DOI: 10.52173/2079-1100_2025_3_128

Сергей Владимирович ПАХОМОВ

| Интерпретации понятия «майя», буддизма и дихотомии «Восток-Запад» в творчестве Максимилиана Волошина |

Сергей Владимирович ПАХОМОВ

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
197046, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Малая Посадская, 26
Доцент кафедры философской антропологии и истории философии, Институт философии человека
Кандидат философских наук, доцент
ORCID 0000-0001-5263-2526
E-mail: sarpa68@mail.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОНЯТИЯ «МАЙЯ», БУДДИЗМА И ДИХОТОМИИ «ВОСТОК-ЗАПАД» В ТВОРЧЕСТВЕ МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА*

Данная статья представляет собой продолжение темы, представленной в статье «“Это очень интересно”: рецепция и интерпретация индийских образов и идей в творчестве Максимилиана Волошина, опубликованной в «Международном журнале исследований культуры». В ней развивается тема восприятия поэтом Максимилианом Волошиным индийского понятия майи, буддизма, нирваны, отношений между Востоком и Западом, а также места России в этих отношениях. В своем представлении о майе поэт сплетает идеи различных культурных и религиозных традиций в сложный поток ассоциаций. В стихотворении «Гностический гимн Деве Марии» (1907) Индия становится частью мистического стихотворного пространства. Майя понимается им как «греза Божества», как темный мир материи, преодоление которой есть ее просветление. Тема майи имеет и личный характер для Волошина: поэт обыгрывает понятие майи в связи с именем своей знакомой, Майи Кювилье. Поэт предлагает различные способы преодоления майи или же смирения перед ее силой. В другом разделе статьи анализируется отношение поэта к буддизму. Волошин был знаком с тибетским послом Агваном Доржиевым, планировал отправиться в Сибирь для знакомства с бурятским буддизмом. В буддизме поэту импонирует пафос созерцательности, ненасилие, сострадательность, отказ от миссионерства. Волошин понимает нирвану как рай, «напряжение воли», а также как «слияние с миром». В следующем разделе статьи рассматривается тема «Восток и Запад». Интерес к Востоку зародился у поэта в детстве. Впоследствии в его творчестве выработались несколько взаимосвязанных аспектов понимания Востока: 1) мудрость, познание, нравственность, сострадание; 2) древняя и живая культура; 3) утраченная западом родина, «рай»; 4) опасный и грозный судия; 5) сон, греза, нечто созерцательное. Россия занимает срединное, балансирующее положение между Западом и Востоком, «страж» между ними, а также их «ребенок». Восток может быть и опасен для России («монголы»), но в то же время и конструктивен для ее будущего.

Ключевые слова: Волошин, Индия, Восток, Запад, Россия, майя, материя, буддизм, Будда, нирвана.

Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-01093, https://rscf.ru/project/23-28-01093/

Представление о майе в творчестве М. Волошина

Волошин любит играть словами, связывая разные миры, культуры и эпохи. Индии в этой игре-перекличке тоже находится место. Например, в его известном «Гностическом гимне Деве Марии» (1907) прославляется Богоматерь, у которой есть «крестные тайны во тьме естества», которая приняла «Бога на крест»[1]. Но

[1] Волошин, М.А. Стихотворения и поэмы. 1899–1926 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. В.П. Куп-

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

для Волошина это не только и не столько почитаемая всеми христианами мать Богочеловека. Играя с созвучиями, он указывает, что Мария – это стихийная материальная сила, это «море безмерное, Amor-Maria», и в ее «ритме вскрывается тайна глубинная». Сразу после выражения «Amor-Maria», «Мария-любовь», используется фраза «звезда над морями», и она же упоминается в связи с богиней любви Афродитой. Эта отсылка к греческой мифологии не единственная: автор ассоциирует с Марией также и Майю, одну из сестер-Плеяд, мать бога Гермеса. Цепь ассоциаций, которую искусно ткет поэт, захватывает и индийские темы. Ведь «майя» – это еще и важное понятие индийской философии, космическая иллюзия, поэтому волошинская Мария-иллюзия – это «дремная греза отца Парабрамы», «греза из грезы», «марево», в то же время это еще и «Мулапракрити», буквально «коренная природа», материал, из которого создан весь мир – этот «покров Божества». Не забыл Волошин и провести связь с буддизмом, ведь мать Будды также звали Майей. А Будда «в областях звездных над миром царит»[2]. Так Индия становится частью густо насыщенного смыслами мистического стихотворного пространства, культурно и метафизически сопрягаясь с греческой и христианской традициями, участвуя в симфонии духовного и природного. Автор старается уловить в Индии нечто родственное, то, что связывает ее с культурными мирами, географически лежащими западнее ее. В письме М. Сабашниковой от 12 ноября 1906 г. Волошин отмечает, что, когда он прочел это стихотворение их общей подруге А. Р. Минцловой, оно произвело «на нее страшное впечатление. Она говорит, что оно совпадает почти дословно с тайной молитвой розенкрейцеров, известной только посвященным, которая начинается призывом – “Майа”»[3].

Волошин прекрасно знает различные оттенки в понятии майи, знает и то, что она персонифицирована в индийской мифологии. Так, в письме Рене Гилю в октябре 1913 г. он пишет, что Майя – это «богиня, олицетворяющая всеобщее заблуждение»[4].

Поэт обращается к теме майи также в своей работе «Пути Эроса» (1907), написанной по следам одноименной лекции. Весьма вольно интерпретируя «Тимей» Платона, он пишет, что «вся видимая природа – это распятый в материи бог». Волошин приводит цитату из стихотворения Вяч. Иванова («И не Земля, – дети, вам мать – Голгофа, / С оного дня как распят Он, – / С оного дня, как Немезидой Неба / Распят по мне великий Пан»), утверждая, что ее можно понять «глубже, если применить их к образам индусской философии»[5]. Привлекая эти «образы», Волошин пишет, что «мир – это греза Божества – Майя. Понятия Майя и материя тождественны. То, что греза для бога, для человека – материя»[6]. «Луч Божества» нисходит в мате-

ченко, А.В. Лаврова. – Т. 1. – М.: Эллис Лак, 2003. – С. 86–87.

[2] Там же. С. 87.

[3] Волошин, М.А. Переписка с Маргаритой Сабашниковой 1906–1924 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 11. Кн. 2. – М.: Эллис Лак, 2015. – С. 145.

[4] Волошин, М.А. Письма 1913–1917 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 10. – М.: Эллис Лак, 2011. – С. 779.

[5] Волошин, М.А. Проза 1900–1927. Очерки, статьи, лекции, рецензии, наброски, планы // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 6. Кн. 2. – М.: Эллис Лак, 2008. – С. 212.

[6] Там же. С. 212.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

рию, в природу, окончательно угасает где-то на дне. А потом идет обратное восхождение, с просветлением материи, происходит возвращение к божественному первоистоку. Эти процессы, инволюция и эволюция, по мнению Волошина, происходят одновременно. «Крест символизирует этот процесс инволюции как распятие мировой души на кресте мирового тела»[7], пишет он и для поддержки цитирует гимн «Ригведы» (X. 129), в котором говорится о Едином начале и царящей вокруг глубокой тьме; этот гимн он трактует по-теософски[8]. Таким образом, «преодоление майи» оказывается ее просветлением, пробуждением. Тем не менее, как считает Е. Леоненко, в «интермедиальном» по своей сути, эклектичном творчестве Волошина духовная и материальная сферы не противоречат друг другу, и улавливает «присутствие материи и особый аспект “осязаемости” в поэтическом и визуальном творчестве Волошина»[9].

В статье «Пути Эроса» Волошин проводит отождествление Христа и Эроса. Христос, по его словам, изображался у катакомбных христиан в виде Эроса, который ведет за руку душу, Психею. Автор снова играет словами: «В имени Марии скрыто символическое созвучие. Оно созвучно понятию Мара – иллюзия, Майя – праматерь, материя, Amor – любовь, море – образ Хаоса, источник всего сущего. Христос – сын Всемирной Майи. Майей звали мать Будды. Майей звали мать Гермеса – бога сумерек, бога познания, который сдергивает голубое покрывало дня с ночных звезд»[10]. В своей более поздней и неопубликованной рукописи «Искусство и море» (1921) Волошин устраивает тонкую звуковую и смысловую перекличку понятий: «море – MARE – марево – майя – матерь – материя – Мария»[11].

Раз за разом Волошин связывает страдания человеческие с темой майи. Человеческое повторяет путь божественного. При этом движение человека в материи-майе «овнешняет» его чувства, как бы выворачивая их наизнанку. Он пишет в своих набросках: «Крестное нисхождение человека в глубь материи происходит так же, как и крестное нисхождение божества. Все, что он чувствовал внутри себя, – становится вне его. Внешний мир – Майа, материя, постигается им как его собственная иллюзия»[12].

Путь Эроса есть путь восхождения. Волошин в статье «Путь Эроса» приводит «индусскую притчу», в которой говорится о том, что бог Брахма предлагает святому сделать выбор: либо шесть воплощений святым, либо два воплощения демоном – и святой выбирает демонические воплощения[13]. Поразительно «тантрически» звучит наставление поэта: хотя путь порока «труднее, мучительнее и страшнее, он более быстро и прямо ведет к конечной цели и к слиянию с Божеством»[14], и чем дальше, тем все увереннее освобождается Эрос от похоти.

[7] Там же. С. 213.

[8] Там же. – С. 214. Ср.: «Не было не-сущего, и не было сущего тогда, / Не было ни воздуха, ни небосвода за его пределами <…> Не было ни смерти, ни бессмертия тогда, / Не было ни признака дня [или] ночи <…> / Мрак был сокрыт мраком в начале. / Неразличимая пучина – все это». – Ригведа. Мандалы IX – X / Изд. подготовила Т.Я. Елизаренкова. – М.: Наука, 1999. – X. 129.

[9] Leonenko, E. Maximilian Voloshin between Spirit and Matter / M. A. Thesis. – University of Oregon. – June 2021. – P. 59.

[10] Волошин, М.А. Проза 1900–1927. Очерки, статьи, лекции, рецензии, наброски, планы // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 6. Кн. 2. – М.: Эллис Лак, 2008. – С. 232.

[11] Там же. С. 736.

[12] Там же. С. 830.

[13] Там же. С. 227.

[14] Там же. С. 227.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

DOI: 10.52173/2079-1100_2025_3_128

Сергей Владимирович ПАХОМОВ

| Интерпретации понятия «майя», буддизма и дихотомии «Восток-Запад» в творчестве Максимилиана Волошина |

Как отмечают издатели собрания сочинений Волошина, в лекции «Пути Эроса» пересеклись «две сферы исканий и интересов, доминировавших во внутреннем мире Волошина в 1905–1907 – оккультно-теософская, стимулированная общением с М. В. Сабашниковой и А. Р. Минцловой, и <…> “башенно-симпозиональная”, вдохновленная темами интеллектуальных дискуссий и жизнетворческих экспериментов, проходивших на “башне” Вячеслава Иванова»[15]. И обе они так или иначе связаны с представлением о майе. Если следовать этой идее издателей, тогда «оккультно-теософская» трактовка майи Волошиным заключается в ее иллюзорном, «грезящем» характере, в то время как «башенно-симпозиональная» – это представление о ней как о материальном, природном, инертном, темном начале, нуждающемся в пробуждении.

Майя – это также тягучее, монотонное движение времени, своего рода «день сурка», который развертывается с беспощадной регулярностью и повторяемостью. Находясь в Париже летом 1905 г., он пишет стих: «С грустью принимаю / Тягу древних змей – / Медленную майю / Торопливых дней»[16]. Несколько раньше он писал о «медленной майе русской жизни» в статье «Творчество М. Якунчиковой» (1905). Волошин заявляет, что майя – «обман рдяного человеческого дыхания, обманы воспаленных слов»[17].

Тема майи приобретает для поэта и личный характер. Одной из его знакомых была Мария (Майя) Кювилье (1895–1985), которой он посвящал свои стихи и которая была в него какое-то время влюблена. Несомненно, поэт не мог пройти мимо искушения соединить имя этой дамы с космической иллюзией. В стихотворении «Над головою подымая…», написанном в Коктебеле в 1913 г., он прямо связывает имя Кювилье с этим важным индийским понятием: «Пришла и смотрит ... / Кто ты? / – Майя. / Благословляю твой приход. / В твоих глазах безумство. Имя / Звучит, как мира вечный сон ... / Я наважденьями твоими / И зноем солнца ослеплен… / <…> Кто ты? Дитя? Царевна? Паж / Такой тебя я принимаю – / Земли полуденный мираж, / Иллюзию, обманность… – Майю»[18]. Жаркий летний день в Крыму, туманящий сознание и порождающий фантомы, причудливо переплетается с метафизическим мировым «сном», «обманом» и наваждением, и эта взаимосвязь символически воплощена в образе конкретной женщины.

Как же относиться к майе, какую позицию занять? Поэт предлагает два вида таких отношений, в зависимости от того, как понимается им майя. Первый из них, редко встречающийся у Волошина, состоит в том, чтобы смириться с майей. При таком подходе майя – это «цепь жизни», «тяга всего человеческого» – страдания, любви, чувственности, рамок, цепей; здесь майю надо признать, смириться с ней[19]. В письме М. Сабашниковой 10 сентября 1905 г. он пишет: «Тебе надо носить свои оковы, но помнить каждый миг, что ты свободна, что ты сама надела их. Мне нужно надеть их и не протестовать против них, как я делал до сих пор»[20].

[15] Там же. С. 825.

[16] Волошин, М.А. Стихотворения и поэмы. 1899–1926 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. В.П. Купченко, А.В. Лаврова. – Т. 1. – М.: Эллис Лак, 2003. – С. 63.

[17] Там же. С. 455.

[18] Там же. С. 187, 497.

[19] Там же. С. 455.

[20] Волошин, М.А. Переписка с Маргаритой Сабашниковой 1903–1905 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

Однако куда чаще непокорный поэт призывает «преодолеть» майю. Выше уже говорилось о важности «просветления» майи через восходящее движение от материи к духу посредством самопознания. Но есть и иные способы «преодоления», включая поэтично-экстравагантные: так, он пишет любимой 23 июля 1905 г., что им надо увидеться среди вечных льдов, посмотреть друг другу в глаза, и именно так можно «победить майю»[21]. Или же он призывает стать детьми, вернуться в детство (стихотворение «Пройдемте по миру как дети…»): ведь майя является внешним, поверхностным миром, который противопоставлен сокровенному, истинному миру, открывающемуся в младенчестве[22].

Еще один способ ее «преодоления» – обращение в прошлое. В своем дневнике 9 августа 1904 г. он замечает: «Мы заключены в темницу мгновения. Из нее один выход – в прошлое. Завесу будущего нам заказано подымать. Кто подымет и увидит, тот умрет, т. е. лишится иллюзии свободы воли, которая есть жизнь. Иллюзия возможности действия. Майа. В будущее можно проникать только желанием. Для человечества воспоминание – всё. Это единственная дверь в бесконечность. Наш дух всегда должен идти обратным ходом по отношению к жизни»[23]. Обращаясь вспять, припадая к собственным корням, человек идет как бы спиной по движению времени в будущее, чтобы никогда не утрачивать связь с прошлым и надеяться на осуществление своих желаний, рожденных когда-то давно.

А можно и вообще не предпринимать каких-то особых усилий и просто подождать, когда майя станет настолько слабой, что «разорвать» ее не составит никакого труда. Поэт замечает в одном из писем к любимой (19–20 октября 1905 г.): «Да, надо, чтобы покрывало Майи сначала продырявилось: износилось само. А делать в нем искусственные дырки логическими ножницами – это преступно. У нас обоих в нем есть уже дырки, и немало. Пальцы очень часто проскальзывают сквозь них…. Верно, в прошлой жизни мы много прошли уже… Мне кажется, что мы теперь же, еще до смерти, совсем сбросим его»[24]. «Покрывало Майи» – символ нашего обманчивого мира, «дырки» же в нем – это попытка прорыва сквозь него, выход к новым измерениям и свободе. Словно забыв о том, что он воплотился впервые (см. выше), поэт верит, что им уже накоплен большой опыт в «прежних жизнях», вероятно, опыт самопознания и страдания, и именно этот опыт, а не рационалистические ухищрения, поможет «разорвать покров».

Пожалуй, самый необычный способ «преодолеть» майю – это … спрятаться в майе же. Волошин пишет М. Сабашниковой, вспоминая некоторые эпизоды их общения друг с другом: «И почему-то “Покрывало Майи” мне теперь все представляется твоей чадрой “всех Осеней”. А когда я пишу “непротивление жизни”, я вижу нас в лесу около опушки поляны, город внизу, кусок озера, рыжую лисицу и чер-

Р.П. Хрулевой. – Т. 11. Кн. 1. – М.: Эллис Лак, 2013. – С. 396.

[21] Там же. С. 285.

[22] Там же. С. 17–18.

[23] Волошин, М.А. Журнал путешествия. Дневник 1901–1903. История моей души // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 7. Кн. 1. – М.: Эллис Лак, 2006. – С. 162.

[24] Волошин, М.А. Переписка с Маргаритой Сабашниковой 1903–1905 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 11. Кн. 1. – М.: Эллис Лак, 2013. – С. 610–611.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

нокрасные листья за твоей головой. Окружи наши головы своей дырявой Майей всех Осеней… сейчас мне больше ничего не надо, а сквозь редкую ткань мы будем глядеть на небо»[25]. И также в другом письме: «В этом есть какая-то сиротливость холодного вечера ... Хочется теснее прижаться друг к другу. Это сиротливость, а не жалость ... Это “старая и милая дырявая Майа”… Осенняя Майа мира»[26]. Вселенский морок, космическая фантасмагория превращается здесь в милый, уютный, домашний уголок, в котором поэт прячется от холода окружающего мира вместе с возлюбленной. Он как бы старается укрыться от одной майи в другой.

Образ Будды и буддизм в творчестве М. Волошина

Понятие майи разрабатывалось различными школами индийской философии. Было оно известно и в буддизме; более того, по всей вероятности, именно в буддизме оно приобрело свой знаменитый оттенок «иллюзорности». В бурный период своих духовных исканий начала XX столетия Волошин какое-то непродолжительное время был увлечен этим восточными направлением. Он планировал отправиться в Японию в 1903 г., чтобы получше его изучить. Об этих намерениях Волошина говорилось во введении к предыдущей статье. Хотя буддизм, разумеется, явление не только индийское, – это мировая религиозная традиция, – тем не менее для Волошина разделение буддизма на отдельные направления было несущественным.

Одно из самых ранних упоминаний буддийской тематики Волошиным встречается в его статье «В защиту Гауптмана» (1900), где он подвергает разгрому неудачные, по его мнению, переводы К. Бальмонтом драматических произведений Г. Гауптмана. В этой связи им приводится «буддийская притча» о слоне, которого ощупывали слепые[27]. Из контекста изложения становится ясно, что Волошин считает Бальмонта таким вот слепцом, который не смог передать всю художественную глубину немецкого драматурга. Интересно, что через два года после этого инцидента, в сентябре 1902 г., Волошин лично знакомится с Бальмонтом, они становятся на долгие годы друзьями... В одной из своих автобиографий поэт среди прочего отмечает влияние К. Бальмонта на свое творчество[28]. Это дружеское общение важно для нас еще и потому, что сам Бальмонт был очень увлечен индийскими мотивами, переводил индийских авторов, поэтому тема Индии так или иначе регулярно возникала в процессе их дружеского общения. Более того, они даже собирались вместе посетить эту южную страну, но этот вояж не состоялся.

Впервые же встреча молодого Волошина с живым буддистом (да еще с каким!), по всей видимости, произошла в Париже в октябре 1902 г. Находясь в гостях у А. А. Гольштейн, «буддистки по религиозным взглядам», он знакомится с известным деятелем тибетского буддизма Агваном Доржиевым (1853–1938) и беседует с ним. В то время буддизм был «популярен

[25] Там же. С. 611, 612.

[26] Там же. С. 659.

[27] Волошин, М.А. Лики творчества, книга 2. Искусство и искус. Лики творчества, книга 3. Театр и сновидение. Проза 1900–1906. Очерки, статьи, рецензии // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 5. – М.: Эллис Лак, 2007. – С. 277.

[28] Волошин, М.А. Дневники 1891–1932. Автобиографии. Анкеты. Воспоминания // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 7. Кн. 2. – М.: Эллис Лак, 2008. – С. 213.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

в крупных европейских городах: Лондоне, Берлине, Вене, Риме и особенно в Париже»[29]. В письме Я. Глотову от 9 октября 1902 г. Волошин сообщает о Доржиеве: «Воспитатель теперешнего Далай-Ламы, тибетский посол, не имеющий понятия о европейцах, «один из глав буддизма и сверх того святой»[30]. В разговоре с Доржиевым Волошин среди прочего почерпнул взгляд на то, что «в буддизме всякая пропаганда идеи считается преступлением как насилие над личностью»[31]. Иными словами, буддизм не занимается никаким миссионерством и как бы пассивно пребывает сам в себе. Это, безусловно, ошибочный взгляд (без такой «пропаганды идей» как буддизм смог бы настолько широко распространиться по всему миру?); тем не менее он нужен Волошину для оправдания своего отхода от христианской церкви. В глазах поэта антимиссионерский пафос буддизма выгодно отличает это учение от христианства. В письме М. Сабашниковой от 4 октября 1905 г. он пишет о том, что ему не близко христианство, а ближе «буддизм и Олимп». Причем буддизм ему ближе потому, что он «дает чувство тайны, а не Бога»[32]. Такой «тайны» поэту явно недостает в христианстве.

Будда воспринимается им как очень спокойный, гармоничный, миролюбивый и при этом сострадательный человек, несколько печальный из-за осознания страданий человечества. «И высоко, за пределами неба, вырастает строгое, грустное и неподвижное лицо Будды – познавшего. “Я был во всех школах, я слушал всех мудрецов и, наконец, я стал Буддой”»[33]. Это идеальный для мировоззрения Волошина образ человека, вышедшего сквозь страдания мира к свету истины.

Обращаясь в своем творчестве к буддизму, к образу Будды, Волошин остается верен себе: пытается нащупать некое созвучие западным и российским реалиям, найти точки соответствия между Востоком и Западом. Поэт продолжает сопрягать миры и эпохи, брать для себя ценное и полезное отовсюду. Он ссылается на Шопенгауэра, который держал в своей комнате изображение Будды «для напоминания о том, что нет в мире богатства иного, чем отказ от богатства»[34].

При этом Волошин может поступать как минимум двояко, соотнося буддизм и «небуддизм»: либо находить что-нибудь «буддийское» в западном или российском объекте, либо, напротив, улавливать нечто западное и российское в буддийском образе. В первом случае, например, он замечает «буддийский, тибетский характер» в рериховском изображении Богоматери в селе Талашкино[35]. Во втором он старается творчески переосмыслить буддийские идеи, образы, мотивы, внося в них некий западный

[29] Бернюкевич, Т.В. Буддизм в судьбе и творчестве М. Волошина: «моя первая религиозная ступень» // Ученые записки ЗабГУ. Культурология. – 2015. – № 4(63). – С. 80.

[30] Волошин, М.А. Письма 1893–1902 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 8. – М.: Эллис Лак, 2009. – С. 758.

[31] Там же. С. 762.

[32] Волошин, М.А. Переписка с Маргаритой Сабашниковой 1903–1905 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 11. Кн. 1. – М.: Эллис Лак, 2013. – С. 530.

[33] Там же. С. 66.

[34] Волошин, М.А. Лики творчества, книга 1. О Репине. Суриков // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 3. – М.: Эллис Лак, 2005. – С. 31.

[35] Волошин, М.А. Проза 1906–1916. Очерки, статьи, рецензии // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 6. Кн. 1. – М.: Эллис Лак, 2007. – С. 397.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

колорит. Так, нирвану он отождествляет с раем, но не только: Андрей Белый упрекает его за представление нирваны как «высшее напряжение воли»[36]. Кроме того, Волошин также сравнивает «индивидуалиста, достигающего высшей точки и слившегося с душой народа, с личностью, которая достигает предельной высоты и сливается с миром, уходит в нирвану»[37]. Ни рай, ни «напряжение воли», ни «слияние с миром» не являются аутентичными представлениями буддийской нирваны – понятия, которое в принципе с огромным трудом понималось (если вообще понималось) в западной и российской культуре, и Волошин здесь не выбивается из общей тенденции; впрочем, он решает здесь свои философско-поэтические задачи, как и во многих иных случаях обращения к индийской тематике, и, конечно, не стремится добиться какой-то научной точности. Он ткет сложную «паутину» взаимосвязей культур и эпох, играет смыслами и созвучиями, переходя на уровень «транскультуры», если воспользоваться терминологией А. М. Алексеева-Апраксина[38].

В контексте буддийской темы очень интересный разговор состоялся у Волошина с поэтом Вячеславом Ивановым 10 августа 1904 г. в Женеве. Во время беседы Волошин заявил, что ищет в стихе «равновесие», в ответ Иванов безапелляционно бросил: «Вы буддист, вы нам чужды», и спросил, хочет ли тот воздействовать на природу. Буддизм Иванову не нравится: это-де религия «усталого спокойствия». Волошин ответил: «Нет, я только впитываю ее в себя, радуясь всему, что она посылает». После же того, как Волошин сказал, что основой жизни считает пол, а под искусством понимает развитие пола, Иванов резко сменил характеристику и воскликнул: «Вы не буддист. В буддизме нет трагедии»[39]. И в самом деле, жизнерадостный по своей натуре (по крайней мере до 1917 г.) Волошин мало похож на буддиста. Для него вся жизнь – радость, и даже страдание он называет радостью; это резко отличается от буддийского (особенно раннебуддийского) взгляда на жизнь, проникнутого пессимизмом; напротив, радость, согласно буддизму, есть часть страдания. И все же в отношении к милосердию, стремлению подняться над конфликтами, не участвовать в насилии никаким образом волошинские представления могут быть созвучными и буддийскому состраданию[40].

[36] Волошин, М.А. Журнал путешествия. Дневник 1901–1903. История моей души // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 7. Кн. 1. – М.: Эллис Лак, 2006. – С. 170.

[37] Волошин, М.А. Переписка с Маргаритой Сабашниковой 1903–1905 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 11. Кн. 1. – М.: Эллис Лак, 2013. – С. 45.

[38] Алексеев-Апраксин, А.М. Перспективы сетевой парадигмы в изучении транскультурных процессов // Международный журнал исследований культуры. – 2018. – Выпуск #4 (33). – С. 6–19.

[39] Волошин, М.А. Журнал путешествия. Дневник 1901–1903. История моей души // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 7. Кн. 1. – М.: Эллис Лак, 2006. – С. 164.

[40] А.А. Шунейко и О.В. Чибисова, рассматривая философию Волошина, несколько иначе видят общность между Волошиным и буддизмом. Они считают, что «поэт эстетически достоверно воплощает непрерывность форм мира и непредвзятость его амбивалентной сущности, отсутствие внешних границ, вечное обращение форм, объединенных в бесконечный ряд циклов – все это составляет основу мировоззрения буддизма». – См.: Шунейко, А.А., Чибисова, О.В. Поэтическое наследие Максимилиана Волошина и буддизм // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2018. – №4 (32). – С. 161 (in English).

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

Т. В. Бернюкевич отмечает, что «в творчестве Волошина мы не найдем отчетливых буддийских реминисценций, нет в нем сюжетных линий, связанных с буддизмом»[41]. Несмотря на то, что поэт неоднократно упоминает буддизм, Будду, какие-то отдельные буддийские понятия, такие упоминания достаточно спорадичны, поэтому в целом мы согласимся с этим суждением. Тем не менее остается несомненным факт, что буддизм сыграл свою важную роль в ранний период его творческой деятельности, когда молодой Волошин интенсивно искал себя и пробовал разные учения «на вкус»; буддизм стал, пусть и на время, объектом размышлений и творческого воображения поэта, вдохновив его на дельнейшие духовные и поэтические поиски.

Интерпретация М. Волошиным дихотомии «Восток и Запад» и осмысление места России в ней

Буддизм, появившись в Индии в V–IV вв. до н. э., широко распространился по различным восточным странам, глубоко повлияв на самые разные стороны жизни азиатских народов. Культуры стран Южной, Средней, Центральной, Восточной Азии, отчасти Северной Азии оказались пропитаны буддийскими морально-нравственными нормами и религиозно-философскими категориями; эти культуры облекли свои исходные образы, легенды, ценности буддийской философией, а добуддийская обрядовая практика восточных регионов заметно трансформировалась под буддийским влиянием. Тот Восток, который так хорошо известен нам сейчас, особенно Дальний Восток, Южная Азия, Тибет, Монголия, никогда не смог появиться без мощного воздействия буддизма.

Вполне может быть, что интерес к Востоку в целом появился у Волошина достаточно рано, еще в детстве: его репетитор Н. В. Туркин читал ему лекции по буддизму, восточной философии, ориентируясь на модную в то время поэму Э. Арнольда «Свет Азии»[42], и воображение мальчика было захвачено глубокими познаниями восточных мудрецов, чудесными проявлениями духа, древними культурами восточных стран, прежде всего Индии.

В размышлениях Волошина о Востоке в его целокупности Индия фактически не присутствует, хотя все же подспудно ощущается как его неотъемлемая, интегральная часть. По всей видимости, начало таким размышлениям положило вынужденное пребывание поэта в Туркестане в связи с высылкой из Москвы в 1900 г. Поэт провел несколько месяцев «в пустыне с караваном верблюдов» в Средней Азии, что стало «решающим моментом» его духовной жизни: он почувствовал «Азию, Восток, древность, относительность европейской культуры»[43]. Благодаря этому пребыванию на Востоке произошло преображение его «строя духа и мысли», приобщение его «самосознания мудрости востока»[44]. В письме Ю. Л. Оболенской 12 октября 1913 г. Волошин признается в чувстве «глубокой сыновности к Востоку», вспоминает,

[41] Бернюкевич, Т.В. Буддизм в судьбе и творчестве М. Волошина: «моя первая религиозная ступень» // Ученые записки ЗабГУ. Культурология. – 2015. – № 4(63). – С. 81.

[42] Пинаев, С.И. Ориентализм в творчестве М. А. Волошина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Литературоведение. Журналистика». – 2012. – № 4. – С. 29.

[43] Волошин, М.А. Дневники 1891–1932. Автобиографии. Анкеты. Воспоминания // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 7. Кн. 2. – М.: Эллис Лак, 2008. – С. 258.

[44] Там же. С. 212.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

какой в нем тогда, в 1900 г., произошел «переворот»: «Я читал письмо Вл. Соловьева о конце всемирной истории и телеграммы из Пекина <…> У подошвы Памира все это воспринималось иначе и цельнее, чем в Европе». И подобные мысли привели его учиться в Париж «дисциплине творчества»[45], став, по сути, реальным началом его духовно-творческой деятельности.

Волошин в целом поддерживает традиционное размежевание образов Востока и Запада как двух глобальных культурно-общественных миров. Хотя, с другой стороны, «поэтический Восток Волошина не только и не столько географическая или культурная реальность – это скорее один из этапов странствия человека по земным и надмирным путям»[46]. А в своей диссертации «Образ Востока в творчестве Максимилиана Волошина» литературовед Д. В. Шабашов утверждает, что «Восток у Волошина является эстетической категорией»[47]. Помимо этого, «образу Востока в поэзии Волошина присуща мистериальность и литургичность, Восток предстает как место мистического общения человека с космосом»[48]. Эти и иные суждения исследователей показывают многослойность, неоднозначность, в чем-то противоречивость отношения Волошина к Востоку.

Мы можем наблюдать в его творчестве несколько переплетающихся «ликов» Востока, которые в целом совпадают с различными аспектами распространенного образа Востока, сложившегося на Западе и в России в XVIII – XIX вв.

1. Восток – это мудрость и познание, глубинное понимание, высокая нравственность и сострадание, терпеливое перенесение мучений. Например, Волошин пишет в статье «Алексей Ремизов. “Посолонь”» (1907) про писателя А. Ремизова: «Он строго блюдет моральную заповедь Востока, которая требует улыбаться в моменты горя и не утруждать сострадание окружающих зрелищем своих страданий»[49].

2. Восток – это древняя, но живая культура, приобщение к которой позволит избежать тенденций упадка и разложения. Поэт говорит о необходимости обновления Европы благодаря Востоку. Поддерживая Японию в ее войне с Россией, Волошин пишет В. Брюсову из Парижа в феврале 1904 г.: «Неужели мы будем так счастливы, что доживем до момента, когда культурный Восток обновит Европу? Общее ожидание всеразрушающего всеевропейского взрыва. Первые признаки смерча»[50]. В письме М. Сабашниковой от 16 сентября 1904 г., реагируя на политические события того времени, Волошин эмоционально заявляет, что Солнце «подымается с Востока». По его мнению, «Европа уже три столетия замкнулась в китайских стенах своей цивилизации», поэтому «теперь мудрый и познавший Восток скажет свое

[45] Волошин, М.А. Письма 1913–1917 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 10. – М.: Эллис Лак, 2011. – С. 41.

[46] Смирнов, И.С. «Все видеть, все понять…» (Запад и Восток Максимилиана Волошина) // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. – Вып. 2. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1985. – С. 181.

[47] Шабашов, Д.В. Образ Востока в творчестве Максимилиана Волошина / Автореф. дисс.. соиск. уч. степ. канд. филол. наук. – М., 2007. – С. 5.

[48] Там же. С. 9.

[49] Волошин, М.А. Проза 1906–1916. Очерки, статьи, рецензии // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 6. Кн. 1. – М.: Эллис Лак, 2007. – С. 55.

[50] Волошин, М.А. Письма 1903–1912 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 9. – М.: Эллис Лак, 2010. – С. 73.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

властное слово»[51]. Удивительная фраза! Распространенный в Европе негативный образ Китая как замкнутой, самодостаточной, но при этом внутренне омертвевшей структуры становится метафорой безнадежной, утратившей свою цельность и творческий подъем Европы. Восток статичный и застойный как бы перекочевывает на Запад и при этом вынужден уступить первенство другому Востоку – мудрому, знающему, культурному, дерзновенному. По сравнению с таким культурным Востоком Запад явно проигрывает. В конце 1900 г. юный Волошин, находившийся тогда в Средней Азии, искренне возмущался, когда фельдмаршал А. фон Вальдерзее призвал осквернить гробницы китайской династии Мин; Волошин считал это варварством европейцев[52]. Еще одно переворачивание стереотипов: традиционно для Запада именно Восток символизировал «варварство» по контрасту с западным «изяществом» и культурностью. Используя устоявшиеся ярлыки, Волошин разворачивает их против европоцентрических взглядов.

3. Восток – утраченная Западом родина, цельность бытия, «рай», по которому ностальгирует Запад, которому он пытается неумело подражать. Размышления о таком образе Востока заметны в статье «М. С. Сарьян», опубликованной в журнале «Аполлон» (№9, 1913). В ней Волошин пишет об ориентализме, бросая «взгляд на Восток со стороны, глазом постороннего наблюдателя»[53]. Ориентализм, подражательное западное искусство, выросшее из романтизма, начинается тогда, когда, по мнению Волошина, внутренняя, «растительная связь Запада и Востока порывается»[54]. Рвется «пуповина», соединявшая эти миры. Это симптом омертвения, у него «врожденное бессилие». На Востоке же – «полное слияние искусства и жизни», «размеренность жизни, построенной на гармониях чувственности»[55]. Именно на Востоке «формы человеческой жизни сохранили свою индивидуальность» (статья «Русская кустарная выставка в Париже», 1904)[56]. Ориенталисты поверхностны, они видят в Востоке «только подведенные глаза и нарумяненные губы»[57]. Они кокетничают и заигрывают с Востоком, но не понимают его глубины. Применительно к проблеме ориентализма Д. Кольцова отмечает, что «во многих отношениях интерес к Востоку был преимущественно не более чем модой на экзотический, романтизированный эстетический идеал “рая на земле” и не имел никакого отношения к реальности»[58].

4. Восток – это опасный и грозный судья, карающий за предательство, преступность, духовный застой (стихотворение «Мир», 1917)[59].

[51] Волошин, М.А. Переписка с Маргаритой Сабашниковой 1903–1905 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 11. Кн. 1. – М.: Эллис Лак, 2013. – С. 66.

[52] Волошин, М.А. Письма 1913–1917 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 10. – М.: Эллис Лак, 2011. – С. 300–301.

[53] Волошин, М.А. Лики творчества, книга 2. Искусство и искус. Лики творчества, книга 3. Театр и сновидение. Проза 1900–1906. Очерки, статьи, рецензии // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 5. – М.: Эллис Лак, 2007. – С. 149.

[54] Там же. С. 149.

[55] Там же. С. 152.

[56] Там же. С. 439.

[57] Там же. С. 505. Статья «Салон ориенталистов» (1905).

[58] Koltsova, D. Maximilian Voloshin’s Japanese Print Collection in the Context of European Orientalism // Journal of Education Culture and Society. – 2013. – N. 2. – P. 317.

[59] Волошин, М.А. Стихотворения и поэмы. 1899–1926 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. В.П. Куп-

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

5. Восток – это сон, греза, нечто созерцательное, туманное, неопределенное; Волошин наблюдает за некоторыми прохожими в Риме летом 1900 г. и подмечает у одного из них: «На этом почти детском лице и могучем теле лежала какая-то сонная восточная греза, прекрасная и неопределенная»[60]. В этом значении Восток очень напоминает представление Волошина о майе.

Какое место занимает Россия между этими двумя мирами? Следует отметить, что Волошин начинает интенсивно размышлять об истории и судьбе родной страны в годы Первой мировой войны и особенно после Февральской революции[61], становится историософом. С этого периода он часто обращается к российской теме, много думает, медитирует и молится о России. Как отмечает Е. С. Мельников, «поэтом овладело желание во что бы то ни стало постичь судьбу своей родины, выявить пути ее истории как в прошлом, так и в будущем»[62]. Нередко эти его размышления происходят в контексте дихотомии «Восток – Запад». В каком-то смысле им способствовали и географические обстоятельства: Волошин немалую часть жизни прожил в Крыму, в Коктебеле, и ему весьма импонировал тот факт, что этот населенный пункт «лежит на скрещивании морских дорог с древним караванным путем на Индию»[63]. Как отмечает И. С. Смирнов, «Коктебель, легендарная Киммерия, “личный космос” Волошина, который представлялся ему плавильным котлом, тиглем, ареной “борьбы племен”, был для поэта если и не Востоком в полном смысле слова, то и не Западом – скорее рубежом, местом встречи, битвы восточных и западных народов, местом слияния их культур, может быть, даже прообразом культуры всечеловеческой»[64]. Коктебель располагается на своеобразном «перекрестке» соединения различных культур, замечает также турецкий исследователь С. Илика[65]. Вокруг восточной части Крыма, древней Киммерии, Волошин создал целый «географический миф», который «был продолжением опыта конфигурации реального и воображаемого пространства в категориях Запада и Востока»[66].

Волошин постоянно подчеркивает срединный, балансирующий характер России, размещенной между Востоком и Западом. Россия – это «весы с неравными чашками»[67], некий мост

ченко, А.В. Лаврова. – Т. 1. – М.: Эллис Лак, 2003. – С. 259.

[60] Там же. – С. 82.

[61] «В период между 1914 и 1917 годами поэтический голос Волошина начал претерпевать радикальные изменения, до такой степени, что в 1918 г. его старые читатели увидели в нем нового поэта. Он переключился с французских, эллинистических и теософских тем на русскую историю, национальную мифологию и еврейских пророков». – Landa, M.S. Maximilian Voloshin’s Poetic Legacy and the Post-Soviet Russian Identity. – New York: Palgrave Macmillan, 2015. – P. 50.

[62] Мельников, Е.С. Историософские мотивы в творчестве М.А. Волошина // Вестник РУДН. Серия «Литературоведение. Журналистика». – 2017. – Т. 22. – № 2. – С. 228.

[63] Волошин, М.А. Проза 1900–1927. Очерки, статьи, лекции, рецензии, наброски, планы // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 6. Кн. 2. – М.: Эллис Лак, 2008. – С. 67.

[64] Смирнов, И.С. «Все видеть, все понять…» (Запад и Восток Максимилиана Волошина) // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. – Вып. 2. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1985. – С. 179.

[65] Ilica, S. The Historical, Mythological and Cultural Characteristics of South Crimea in the Poems of Maximilian Voloshin // International Smart Journal. – 2021. – 7(48) – P. 1842.

[66] Грякалова, Н.Ю. Война на Востоке и кризис европейских ценностей (евро-азиатский маршрут Максимилиана Волошина) // Русская литература. – 2004. – №3. – С. 37.

[67] Волошин, М.А. Письма 1913–1917 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко],

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

и посредник, «сопряженье» Востока и Запада. В стихотворении «Благословение» (1923), написанном от лица Бога, он утверждает, что Россия-Русь является «стражем Запада и Востока»[68]. России приходится очень нелегко, на ее долю постоянно выпадают разные испытания. Россия, полагает он в 1905 г. – поле всемирной борьбы, и чтобы помочь ей, «надо знать ее карму и мировую карму»[69]. С этой целью Волошин даже пытается дистанционно установить мистическую связь с некоторыми важными политическими деятелями России (Ю. Треповым), посылая «силу спокойствия и радости»[70]. Правда, такое срединное положение России он воспринимал не всегда. Поначалу у него были и иные мнения. Так, в письме А. М. Пешковскому от 15 декабря 1902 г. он сообщает: «Россия была для меня тезой, Париж антитезой, а Восток будет окончательным синтезом моих взглядов»[71]. Впрочем, это высказывание следует помещать в контекст его тогдашних намерений посетить Восток, и Россия здесь выступает как стартовая точка становления; в других же его размышлениях она смещается в сторону «синтеза» Востока и Запада.

Волошин пишет о России как о живом существе, как о «ребенке», «родителями» которого выступают Восток и Запад. В стихотворении «Европа» (1918) Русь как «третий Рим» воспринимается как дитя, «зачатое в пламени и гневе», дитя Византии и ислама[72]; в письме Ю. Оболенской (1913) он роняет, что Азия – это мать (по контексту явствует, что Запад – отец), но «кто не оставит отца своего, мать свою» (Мф. 19:29)[73]. Россия, это «дитя» Востока и Запада, оставляет своих «родителей» ради собственной нелегкой, многострадальной судьбы, с тем чтобы (если продолжить цитату из Матфея), наследовать «жизнь вечную». При этом у России есть преимущество, естественное для ее географического положения: Россия привносит «огонь и божественную душу Востока» в «тоску западных сумерек»[74], тем самым выступая транслятором духовных и культурных ценностей Востока для западной культуры.

Но Восток, как показывает история, может быть и крайне опасен для России. Восток в ходе прошедших столетий неоднократно угрожал самому существованию России, нападал на

А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 10. – М.: Эллис Лак, 2011. – С. 41.

[68] Волошин, М.А. Стихотворения и поэмы. 1899–1926 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. В.П. Купченко, А.В. Лаврова. – Т. 1. – М.: Эллис Лак, 2003. – С. 291.

[69] Волошин, М.А. Переписка с Маргаритой Сабашниковой 1903–1905 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 11. Кн. 1. – М.: Эллис Лак, 2013. – С. 666.

[70] Там же. С. 666.

[71] Волошин, М.А. Письма 1893–1902 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 8. – М.: Эллис Лак, 2009. – С. 766.

[72] Волошин, М.А. Стихотворения и поэмы. 1899–1926 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. В.П. Купченко, А.В. Лаврова. – Т. 1. – М.: Эллис Лак, 2003. – С. 267.

[73] Волошин, М.А. Письма 1913–1917 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 10. – М.: Эллис Лак, 2011. – С. 41. Более точная цитата из Матфея: «И всякий, кто оставит домы, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» (Мф. 19:29).

[74] Волошин, М.А. Проза 1906–1916. Очерки, статьи, рецензии // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 6. Кн. 1. – М.: Эллис Лак, 2007. – С. 449. Статья «Достоевский во Франции», со ссылкой на Андре Сюареса.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

нее. В неопубликованной статье «Демократизация искусства» (1917) поэт отмечает, что «Россия знала политическую опасность всегда с Востока и никогда с запада»[75], и она защищалась от этой опасности, внося в восточные земли упорядоченность, завоевывая Восток. Речь, конечно, идет о монголах и мусульманских царствах. Волошин испытал воздействие идеи В. С. Соловьева об угрозе «панмонголизма». При этом, противореча сказанному им же об отсутствии «политической опасности с запада», Волошин заявляет, что Россия сама является зоной распространения германского племени на восток[76].

Апокалиптические «соловьевские» интонации просыпаются в нем с новой силой с 1917 г. В лекции «Россия распятая» Волошин озабочен «монгольской» угрозой, что требует новой «имперской спайки племен, населяющих великую русскую равнину и Сибирь»[77], и при этом предполагает, что монархия останется в России, даже впитав социалистическую революцию; он верит, что в стране будет некий симбиоз монархии и социализма. Довольно смелое и очень утопичное предположение, тем более с учетом того, что это мнение прозвучало уже после Октябрьской революции, в 1920 г.

Саму Октябрьскую революцию и то, что с ней было связано, Волошин воспринял очень эмоционально, болезненно; в канун брестских переговоров он написал горькое, желчное стихотворение о России, которую «мы прогалдели, пропили, проплевали, замызгали», и в сердцах призывает на нее «германцев с Запада, монгол с Востока»; даже с каким-то злорадным ожесточением просит Бога отдать Россию «в рабство вновь и навсегда» ради искупления грехов[78]. Очевидно, что такое горестное восклицание вряд ли стал бы издавать человек, который никак не заинтересован в судьбе своей страны и равнодушен к ней. Критикуя российский народ за развернувшуюся катастрофу, Волошин на самом деле искренне желает лучшей доли для него, и здесь ему на помощь также может прийти Восток – но уже не «деструктивно-монгольский», а скорее «конструктивно-индийский», который своей мудростью и величием подскажет способ выхода из страданий в мир свободы и радости.

Заключение

Как указывалось в заключении к предыдущей статье, в произведениях Волошина «цельный образ Индии рассыпается на множество элементов, не всегда связанных друг с другом»[79]. Тем не менее различные понятия, мифологемы, метафоры, образы индийского происхождения, индийские легенды и предания органично вплетены в ткань его художественного творчества, в каком-то смысле даже стали частью его образа жизни. Он с легкостью говорит о дхарме, карме, нирване и др., порой переиначивая их на свой лад, делая их для себя родными, узнаваемыми, наводя мосты между Востоком и Западом и выступая посредником между ними.

[75] Волошин, М.А. Проза 1900–1927. Очерки, статьи, лекции, рецензии, наброски, планы // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 6. Кн. 2. – М.: Эллис Лак, 2008. – С. 350.

[76] Там же. С. 350.

[77] Там же. С. 499.

[78] Там же. С. 465.

[79] Пахомов, С. В. «Это очень интересно»: рецепция и интерпретация индийской культуры в творчестве Максимилиана Волошина // Международный журнал исследований культуры. – 2025. – № 1 (58). – С. 112–131. DOI: 10.52173/2079-1100_2025_1_112.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

Так, Волошин часто и с разных сторон обращается к понятию майи, которое играет разными красками в его поэтическом воображении. Например, майя ассоциируется с материей-тьмой, в которой распята «мировая душа», и он говорит о «пути эроса», который состоит в духовном восхождении из мрака майи-материи. Майя – мощная сила, опутывающая человека, и ее необходимо преодолевать через пробуждение, просветление, работу над собой. Ее можно преодолеть также обращением в прошлое, отказом от логических спекуляций, наконец, выстраиванием теплых, глубинных отношений с любимым человеком.

Понятие майи используется и в буддийской философии; сам Волошин интересовался буддизмом, более того, он сам считал, что именно с буддизма в столице Франции начался путь его духовных исканий. В Париже он познакомился и беседовал с выдающимся бурятским буддистом Агваном Доржиевым, посланцем Далай-ламы. Из этого разговора Волошин вынес убеждение, что буддизм является учением, которое принципиально никому не навязывает своих идей, более того, такая пропаганда считается в нем преступлением. Поэту импонирует ненасильственный дух буддизма. Несколько вольная трактовка буддизма нужна Волошину для оправдания своего специфического отношения к христианству: там ему не хватало той глубины и тайны, которые он находил в учении Будды. Поэт творчески интерпретирует понятие нирваны, видя в ней то рай, то «напряжение воли», то слияние с миром, то нечто индивидуальное. Общаясь в Женеве с Вячеславом Ивановым, Волошин показывает себя и как «буддист», и как «небуддист»: в первом случае, как «буддист», он не желает заниматься «покорением природы», т. е. вносить ненужные изменения в сложившийся гармоничный порядок вещей, а во втором – видит в жизни прежде всего радость: он даже само страдание как таковое воспринимает в этом свете.

Поэта редко интересует «Индия как таковая»: для него, как и для многих других мастеров пера и кисти, это прежде всего своеобразное зеркало, глядясь в которое, западная культура, российская культура могут узнать нечто очень важное о самих себе, получить какие-то творческие толчки, измениться, преобразиться. Когда Волошин говорит о «Востоке» в целом, Индия часто присутствует где-то рядом, особенно если речь идет о древней мудрости, праведности, высокой нравственности и сострадательности, а также при упоминании неких творческих «токов», богатейшем источнике жизненной и духовной силы, из которого Запад и Россия могут с успехом черпать свое вдохновение. В таком идеализированном восприятии Индии, конечно, сказываются романтическо-теософские настроения поэта. Впрочем, Восток в глазах Волошина может выглядеть и как грозный, карающий судья, несущий опасность и смерть народам, забывшим свой истинный путь, отринувшим свою исконную природу. В годы революции, гражданской войны поэт грустно рассуждает о драматичной судьбе России, и с тревогой прозревает – и даже призывает – нашествие «монголов», как это случалось столетия назад. Россию он воспринимает как хрупкое равновесие между двумя «глыбами», Западом и Востоком, она сопрягает эти миры, охраняет их как «страж», в то же время будучи их общим «ребенком». Используя индийские понятия (например, карму), поэт рассуждает о прошлом и грядущем родной страны и пытается занять определенную позицию в непростой, бурной меняющейся социально-политической обстановке послереволюционной России.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

Список литературы

Волошин, М.А. Стихотворения и поэмы. 1899–1926 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. В.П. Купченко, А.В. Лаврова. – Т. 1. – М.: Эллис Лак, 2003. – 608 с.

Волошин, М.А. Переписка с Маргаритой Сабашниковой 1906–1924 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 11. Кн. 2. – М.: Эллис Лак, 2015. – 784 с.

Волошин, М.А. Письма 1913–1917 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 10. – М.: Эллис Лак, 2011. – 832 с.

Волошин, М.А. Проза 1900–1927. Очерки, статьи, лекции, рецензии, наброски, планы // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 6. Кн. 2. – М.: Эллис Лак, 2008. – 1088 с.

Ригведа. Мандалы IX–X / Изд. подготовила Т.Я. Елизаренкова. – М.: Наука, 1999. – 560 с.

Leonenko, E. Maximilian Voloshin between Spirit and Matter / M. A. Thesis. – University of Oregon. – June 2021. – 74 p.

Волошин, М.А. Переписка с Маргаритой Сабашниковой 1903–1905 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 11. Кн. 1. – М.: Эллис Лак, 2013. – 736 с.

Волошин, М.А. Журнал путешествия. Дневник 1901–1903. История моей души // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 7. Кн. 1. – М.: Эллис Лак, 2006. – 544 с.

Волошин, М.А. Лики творчества, книга 2. Искусство и искус. Лики творчества, книга 3. Театр и сновидение. Проза 1900–1906. Очерки, статьи, рецензии // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 5. – М.: Эллис Лак, 2007. – 928 с.

Волошин, М.А. Дневники 1891–1932. Автобиографии. Анкеты. Воспоминания // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 7. Кн. 2. – М.: Эллис Лак, 2008. – 768 с.

Бернюкевич, Т.В. Буддизм в судьбе и творчестве М. Волошина: «моя первая религиозная ступень» // Ученые записки ЗабГУ. Культурология. – 2015. – № 4(63). – С. 77–85.

Волошин, М.А. Письма 1893–1902 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 8. – М.: Эллис Лак, 2009. – 832 с.

Волошин, М.А. Лики творчества, книга 1. О Репине. Суриков // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 3. – М.: Эллис Лак, 2005. – 608 с.

Волошин, М.А. Проза 1906–1916. Очерки, статьи, рецензии // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 6. Кн. 1. – М.: Эллис Лак, 2007. – 896 с.

Алексеев-Апраксин, А.М. Перспективы сетевой парадигмы в изучении транскультурных процессов // Международный журнал исследований культуры. – 2018. – Выпуск #4 (33). – С. 6–19.

Шунейко, А.А., Чибисова, О.В. Поэтическое наследие Максимилиана Волошина и буддизм // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2018. – №4 (32). – С. 156–163.

Пинаев, С.И. Ориентализм в творчестве М. А. Волошина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Литературоведение. Журналистика». – 2012. – №4. – С. 36–43.

Смирнов, И.С. «Все видеть, все понять…» (Запад и Восток Максимилиана Волошина) // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. – Вып. 2. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1985. – С. 170–188.

Шабашов, Д.В. Образ Востока в творчестве Максимилиана Волошина / Автореф. дисс.. соиск. уч. степ. канд. филол. наук. – М., 2007. – 18 с.

Волошин, М.А. Письма 1903–1912 // Волошин, М.А. Собрание сочинений / Под ред. [В.П. Купченко], А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. – Т. 9. – М.: Эллис Лак, 2010. – 784 с.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

Koltsova, D. Maximilian Voloshin's Japanese Print Collection in the Context of European Orientalism // Journal of Education Culture and Society. – 2013. – N. 2. – P. 316–324.

Landa, M.S. Maximilian Voloshin's Poetic Legacy and the Post-Soviet Russian Identity. – New York: Palgrave Macmillan, 2015. – 273 p.

Мельников, Е.С. Историософские мотивы в творчестве М.А. Волошина // Вестник РУДН. – Серия «Литературоведение. Журналистика». – 2017. – Т. 22. – № 2. – С. 228–236.

Ilica, S. The Historical, Mythological and Cultural Characteristics of South Crimea in the Poems of Maximilian Voloshin // International Smart Journal. – 2021. – 7(48) – P. 1840–1848.

Грякалова, Н.Ю. Война на Востоке и кризис европейских ценностей (евро-азиатский маршрут Максимилиана Волошина) // Русская литература. – 2004. – №3. – С. 29–39.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

 DOI: 10.52173/2079-1100_2025_3_128

Sergey V. PAKHOMOV

| Interpretations of the Idea of "Maya", Buddhism and the "East-West" Dichotomy in the Works of Maximilian Voloshin |

Sergey V. PAKHOMOV

Herzen State Pedagogical University of Russia
ul. Malaya Posadskaya 26, Saint Petersburg, Russian Federation 197046
Associate Professor, Department of Philosophical Anthropology and History of Philosophy
PhD (in Philosophy), Associate Professor
ORCID 0000-0001-5263-2526
E-mail: sarpa68@mail.ru

INTERPRETATIONS OF THE IDEA OF "MAYA", BUDDHISM AND THE "EAST-WEST" DICHOTOMY IN THE WORKS OF MAXIMILIAN VOLOSHIN*

This article is a continuation of the article published in the previous issue of the "International Journal of Cultural Studies". It develops the theme of the poet Maximilian Voloshin's reception of the idea of maya, Buddhism, nirvana, relations between East and West, as well as Russia's place in these relations. In his idea of Maya, the poet weaves ideas from various cultural and religious traditions into a complex flow of associations. In the poem "Gnostic Hymn to the Virgin Mary" (1907), India becomes part of the mystical poetic space. Maya is understood by him as a "dream of the Divine", as a dark world of matter, the overcoming of which is its enlightenment. The theme of maya also has a personal character for Voloshin: the poet plays with the idea of Maya in connection with the name of his girlfriend, Maya Cuvillier. The poet offers various ways to overcome maya or to humble oneself before its power. Another section of the article analyzes the poet's attitude to Buddhism. Voloshin was acquainted with the Tibetan ambassador Agvan Dorzhiev and planned to go to Siberia to get acquainted with Buryat Buddhism. In Buddhism, the poet is impressed by the pathos of contemplation, non-violence, compassion, and the rejection of missionary work. Voloshin understands nirvana as paradise, "tension of will", and also as "merging with the world". The next section of the article considers the theme of the "East and West". The poet's interest in the East arose in childhood. Subsequently, several interconnected aspects of understanding the East developed in his work: 1) wisdom, knowledge, morality, compassion; 2) ancient and living culture; 3) homeland lost by the West, "paradise"; 4) dangerous and formidable judge; 5) sleep, dream, something contemplative. Russia occupies a middle, balancing position between the West and the East, a "guard" between them, as well as their "child". The East can be dangerous for Russia ("Mongols"), but at the same time constructive for its future.

Keywords: Voloshin, India, East, West, Russia, maya, matter, Buddhism, Buddha, nirvana.

The study was supported by grant No. № 23-28-01093, from the Russian Science Foundation, https://rscf.ru/project/23-28-01093/

References

Voloshin, M.A. (2003). Stihotvoreniya i poemy. 1899–1926 [Verses and Poems. 1899–1926]. In: Voloshin, M.A. Sobranie sochinenij [Collected Works] / Pod red. V.P. Kupchenko, A.V. Lavrova. 1. M.: Ellis Lak, 608 (in Russian).

Voloshin, M.A. (2015). Perepiska s Margaritoj Sabashnikovoj 1906–1924 [Correspondence with Margarita Sabashnikova 1906–1924]. In: Voloshin, M.A. Sobranie sochinenij [Collected Works] / Pod red. [V.P. Kupchenko], A.V. Lavrova, pri uchastii R.P. Hrulevoj. 11, 2. M.: Ellis Lak, 784 (in Russian).

Voloshin, M.A. (2011). Pisma 1913–1917 [Letters 1913–1917]. In: Voloshin, M.A. Sobranie sochinenij [Collected Works] / Pod red. [V.P. Kupchenko], A.V.

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

Lavrova, pri uchastii R.P. Hrulevoj. 10. M.: Ellis Lak, 832 (in Russian).

Voloshin, M.A. (2008). Proza 1900–1927. Ocherki, stat'i, lektsii, retsenzii, nabroski, plany [Prose 1900–1927. Essays, articles, lectures, reviews, sketches, plans]. In: Voloshin, M.A. Sobranie sochinenij [Collected Works] / Pod red. [V.P. Kupchenko], A.V. Lavrova, pri uchastii R.P. Hrulevoj. 6, 2. M.: Ellis Lak, 1088 (in Russian).

Rigveda. Mandaly IX–X. (1999). [Rigveda. Mandalas IX–X]. Izd. podgotovila T.Ya. Elizarenkova. M.: Nauka, 560 (in Russian).

Leonenko, E. Maximilian Voloshin between Spirit and Matter / M. A. Thesis. – University of Oregon. – June 2021. – 74 p.

Voloshin, M.A. (2013). Perepiska s Margaritoj Sabashnikovoj 1903–1905 [Correspondence with Margarita Sabashnikova 1903–1905]. In: Voloshin, M.A. Sobranie sochinenij [Collected Works] / Pod red. [V.P. Kupchenko], A.V. Lavrova, pri uchastii R.P. Hrulevoj. 11, 1. M.: Ellis Lak, 736 (in Russian).

Voloshin, M.A. (2006). Zhurnal puteshestviya. Dnevnik 1901–1903. Istoriya moej dushi [Travel Journal. Diary 1901–1903. The Story of My Soul]. In: Voloshin, M.A. Sobranie sochinenij [Collected Works] / Pod red. [V.P. Kupchenko], A.V. Lavrova, pri uchastii R.P. Hrulevoj. 7, 1. M.: Ellis Lak, 544 (in Russian).

Voloshin, M.A. (2007). Liki tvorchestva, kniga 2. Iskusstvo i iskus. Liki tvorchestva, kniga 3. Teatr i snovidenie. Proza 1900–1906. Ocherki, stati, recenzii [Faces of Creativity. Book 2. Art and Temptation. Faces of Creativity. Book 3. Theatre and Dreams. Prose 1900–1906. Essays, Articles, Reviews]. In: Voloshin, M.A. Sobranie sochinenij [Collected Works] / Pod red. [V.P. Kupchenko], A.V. Lavrova, pri uchastii R.P. Hrulevoj. 5. M.: Ellis Lak, 928 (in Russian).

Voloshin, M.A. (2008) Dnevniki 1891–1932. Avtobiografii. Ankety. Vospominaniya [Diaries 1891–1932. Autobiographies. Questionnaires. Memories]. In: Voloshin, M.A. Sobranie sochinenij [Collected Works] / Pod red. [V.P. Kupchenko], A.V. Lavrova, pri uchastii R.P. Hrulevoj. 7, 2. M.: Ellis Lak, 768 (in Russian).

Bernyukevich, T.V. (2015). Buddizm v sud'be i tvorchestve M. Voloshina: «moya pervaya religioznaya stupen'» [Buddhism in M. Voloshin's Life and Work: «My First Religious Grade»]. Uchenye zapiski ZabGU. Kulturologiya, 4(63), 77–85 (in Russian).

Voloshin, M.A. (2009). Pisma 1893–1902 [Letters 1893–1902]. In: Voloshin, M.A. Sobranie sochinenij [Collected Works] / Pod red. [V.P. Kupchenko], A.V. Lavrova, pri uchastii R.P. Hrulevoj. 8. M.: Ellis Lak, 832 (in Russian).

Voloshin, M.A. (2005). Liki tvorchestva, kniga 1. O Repine. Surikov [The Faces of Creativity. Book 1. About Repin, Surikov]. In: Voloshin, M.A. Sobranie sochinenij [Collected Works] / Pod red. [V.P. Kupchenko], A.V. Lavrova, pri uchastii R.P. Hrulevoj. 3. M.: Ellis Lak, 608 (in Russian).

Voloshin, M.A. (2007). Proza 1906–1916. Ocherki, stat'i, retsenzii [Prose 1906–1916. Essays, articles, reviews]. In: Voloshin, M.A. Sobranie sochinenij [Collected Works] / Pod red. [V.P. Kupchenko], A.V. Lavrova, pri uchastii R.P. Hrulevoj. 6, 1. M.: Ellis Lak, 896 (in Russian).

Alekseev-Apraksin, A.M. (2018). Perspektivy setevoj paradigmy v izuchenii transkulturnyh protsessov [Perspectives of the Network Paradigm in the Study of Transcultural Processes]. Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kultury, 4 (33), 6–19 (in Russian).

Shunejko, A.A., Chibisova, O.V. (2018). Poeticheskoe nasledie Maksimiliana Voloshina i buddizm [The Poetic Heritage of Maximilian Voloshin and Buddhism]. Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoj lingvistiki, 4 (32), 156–163.

Pinaev, S.I. (2012). Orientalizm v tvorchestve M. A. Voloshina [Orientalism in M. Voloshin's Creative Work]. Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya "Literaturovedenie. Zhurnalistika", 4, 36–43 (in Russian).

Smirnov, I.S. (1985). «Vsyo videt', vsyo ponyat'…» (Zapad i Vostok Maksimiliana Voloshina) ["To see everything, to understand everything…" (West and East by Maximilian Voloshin)]. Vostok – Zapad. Issledovaniya. Perevody. Publikacii. 2. M.: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury, 170–188 (in Russian).

Shabashov, D.V. (2007). Obraz Vostoka v tvorchestve Maksimiliana Voloshina [The Image of the East in the

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

Sergey V. PAKHOMOV

| Interpretations of the Idea of "Maya", Buddhism and the "East-West" Dichotomy in the Works of Maximilian Voloshin |

Works of Maximilian Voloshin]. Avtoref. diss. soisk. uch. step. kand. filol. nauk. M., 18 (in Russian).

Voloshin, M.A. (2010). Pisma 1903–1912 [Letters 1903–1912]. In: Voloshin, M.A. Sobranie sochinenij [Collected Works] / Pod red. [V.P. Kupchenko], A.V. Lavrova, pri uchastii R.P. Hrulevoj. 9. M.: Ellis Lak, 784 (in Russian).

Koltsova, D. Maximilian Voloshin's Japanese Print Collection in the Context of European Orientalism // Journal of Education Culture and Society. – 2013. – N. 2. – P. 316–324.

Landa, M.S. Maximilian Voloshin's Poetic Legacy and the Post-Soviet Russian Identity. – New York: Palgrave Macmillan, 2015. – 273 p.

Melnikov, E.S. (2017) Istoriosofskie motivy v tvorchestve M.A. Voloshina [The Historiosophycal Attitudes in the Works of M.A. Voloshin]. Vestnik RUDN. Seriya "Literaturovedenie. Zhurnalistika", 22, 2, 228–236 (in Russian).

Ilica, S. The Historical, Mythological and Cultural Characteristics of South Crimea in the Poems of Maximilian Voloshin // International Smart Journal. – 2021. – 7(48) – P. 1840–1848.

Gryakalova, N.Yu. (2004). Vojna na Vostoke i krizis evropejskih tsennostej (evro-aziatskij marshrut Maksimiliana Voloshina) [War in the East and the Crisis of European Values (Maximilian Voloshin's Euro-Asian Route)]. Russkaya literature, 3, 29–39 (in Russian).

© Издательство «Эйдос», 2025. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2025. For Private Use Only.

Международный журнал исследований культуры № 3 (60) 2025
Научное рецензируемое электронное издание

International Journal of Cultural Research # 3 (60) 2025
Peer-reviewed scientific e-journal

ISSN 2079–1100 **www.culturalresearch.ru**

Журнал входит в перечень
рецензируемых научных изданий

ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)
Министерства образования и науки Российской Федерации

WEB OF SCIENCE
RSCI

Google scholar

CYBERLENINKA
Научная электронная
бибилотека

РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС
НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ
Science Index

ULRICHSWEB™
GLOBAL SERIALS DIRECTORY

Интелрос
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ РОССИЯ

ТЕМА НОМЕРА: ГЕНЕЗИС КУЛЬТУРОЛОГИИ: НАУЧНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ, ЛОГИКА РАЗВИТИЯ

Приглашенный редактор выпуска: *Алексей Владимирович БОНДАРЕВ*
Ответственный редактор: *Алина Владимировна ВЕНКОВА*

The MAIN TOPIC of the ISSUE: THE GENESIS OF CULTUROLOGY:
SCIENTIFIC BACKGROUND, SOCIO-CULTURAL CONTEXT, LOGIC OF DEVELOPMENT

Guest Editor: *Alexey V. BONDAREV*
Managing Editor: *Alina V. VENKOVA*

Обложка: Степанов М., 2025.
Cover Picture: Степанов М., 2025.

01.10.2025
Дизайн и оригинал макет
Издательство «ЭЙДОС»

Design & layout
Publishing House EIDOS

www.eidos-books.ru